

Айрис Корель

Прекрасное сияние
утренней росы

Айрис Сорель

Прекрасное сияние утренней росы

<https://litres.ru/74283824>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она очнулась в шатре военного лагеря без имени, без прошлого. Разум пуст. Тело помнит битвы, которых не осталось в её памяти.

Он — второй принц, генерал Северной границы. Холодный. Опасный, как обнажённый клинок. Он оставляет ее при себе, в качестве своего оружия.

Чем ближе они становятся, тем страшнее тайна в её крови. Она не просто беглый воин. Её прошлое — смертельный груз. И когда память вернётся, ей возможно, останется жить лишь считанные дни.

Ее воля не уступает горным хребтам. Но достаточно ли ей сил, чтобы пережить любовь, что расцветает среди дворцовых интриг, как лотос во тьме? Достаточно ли отваги, чтобы встретить предательство, когда оно придёт от тех, кому верила? И хватит ли мудрости, чтобы заплатить цену, которую требуют те, кто жаждет власти?

В мире, где верность — шёлковая нить, способная и связать, и задушить, ей предстоит сделать выбор: остаться тенью без прошлого или шагнуть навстречу судьбе, зная, что следующий рассвет может стать последним.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2	40
Глава 3	60
Глава 4	89
Глава 5	116
Глава 6	139
Глава 7	157
Глава 8	177
Глава 9	201
Глава 10	228
Глава 11	246
Глава 12	272
Глава 13	295
Конец ознакомительного фрагмента.	296

Айрис Сорель

Прекрасное сияние утренней росы

Пролог

«Бамбук не выбирает, где ему расти. Его сажают там, где нужно. Так и воина не спрашивают, хочет ли он стать мечом. Его куют. Если он выдерживает, то становится острее любого клинка. Если нет — ломается. И его выбрасывают, как сломанный меч».

(Наставница Вэй)

Двадцать лет назад, в год, когда сливы в саду зацвели в середине зимы, молодой Ван Цзян встретил Нин Юэхуа, из южного клана Нин.

Она не была похожа на других. Её красота не была покорной, она скорее, напоминала клинок, скрытый в шёлковых ножнах. В ней была острота, опасность, и что-то такое, от чего у мужчин перехватывает дыхание, от восторга или от предчувствия смерти. Её глаза были разрезаны, как листья ивы, но в их глубине мерцал лёд...

Она владела стилем «Ива в ночи»: движения плавные, по-

чти танцующие, но смертоносные, как порыв зимнего ветра. Юноша по-настоящему полюбил её.

Его супруга, рождённая в могущественном северном роду, не могла допустить, чтобы какая-то южанка заняла место в сердце любимого. Зависть, как ядовитая лиана, оплела её душу.

Снег кружился в медленном танце и ложился ровным покрывалом на старые камни. Он летел горизонтально, как тысячи крошечных белых лезвий, и ветер резал им лица мёртвых. Говорят, в империи Да Чэнь есть примета: если снег идёт с востока на запад, значит, кто-то из императорского рода пролил кровь.

В ту ночь небо было чёрным, беззвёздным, словно сама тьма опустилась на поместье, укрывая его от взоров богов. В покоях, где стены были увешаны свитками с мудрыми изречениями, а воздух пропитан ароматом сандала и жасмина, раздавался слабый плач новорожденного.

На восьмом месяце беременности Нин Юэхуа пила чай во внутренних покоях. Аромат жасмина не мог перебить привкус смерти. Яд был тонким и изощрённым... Он не убил её сразу. Она выжила, и родила девочку, а затем угасла, как свеча на ветру.

В свои последние мгновения, сжимая руку супруга, она прошептала:

— Назови её Шуан. Пусть она будет сильнее меня.

Ван Цзян смотрел на новорождённую дочь и видел лицо

той, кого не смог защитить. Её черты были точной копией Нин Юэхуа. Её глаза, как зеркало его трусости. Ненависть поднялась в нём, холодная и тяжёлая, как камень надгробной плиты.

Он отдал приказ:

— Отдайте ее на воспитание в клан Нин.

Клан Нин был древним и могущественным, но даже он имел свои слабости...

Они жили в горах, в бамбуковых рощах, где даже императорские указы теряли силу. Туман там висел, как шёлковые занавеси, а ветер напевал древние песни, которым было больше веков. Больше чем самой империи Да Чэнь. Клан не кланялся никому. Они служили только мечу и справедливости. Их воины могли убить одним движением пальца и воскресить одним словом, если верить легендам.

Через год после того, как девочку отправили в клан Нин, супруга Ван приказала сжечь его дотла. Тысяча солдат окружила бамбуковые рощи. Факелы полетели в сухие листья, и пламя вспыхнуло, будто кто-то выпустил наружу гнев древних духов. Ветер раздувал огонь, и он поднимался к небу, как огромный багровый цветок, пожирающий всё на своём пути.

Говорят, в ту ночь рыбы в реке Цзинь стали чёрными от сажи. И три дня никто не ловил рыбу в столице. Люди шептались, что это запах проклятия, павшего на дом императора.

Ван Цзян сидел в своих покоях, пил вино из нефритовой

чаши и смотрел на портрет Нин Юэхуа. Её глаза на свитке мягко улыбались, будто не знали о боли, предательстве и огне, пожирающем её род.

Когда он узнал о деяниях супруги, то не сказал ни слова. Не пошевелил пальцем. Потому что власть стоила дороже, чем жизнь девочки, которую он проклял при рождении.

Но судьба не так проста. Прежде чем клан Нин был уничтожен, наставница Вэй успела вывезти ребёнка. Она спрятала девочку на границе, где горы касаются неба, а ветер поёт древние песни.

Где-то далеко, Ван Цзян поставил чашу с вином на стол. Его взгляд задержался на портрете Нин Юэхуа. В груди что-то дрогнуло, но он молчаливо отверл взгляд.

Снег всё падал, заматая следы прошлого. Но некоторые следы не стереть даже вечным снегам.

Шуан не знала ни лица матери, ни имени отца. Она росла среди простых людей, не зная своей судьбы.

Ей было пять лет, когда наставница Вэй впервые поставила её в стойку.

Это случилось на рассвете, в бамбуковой роще за старым храмом, где они прятались от ищеек императрицы. Роса ещё не высохла на листьях, и каждая капля сверкала, как маленькая звезда, упавшая с неба.

— Встань прямо, — сказала наставница Вэй. — Ноги на ширине плеч. Колени мягкие. Спина, как ствол бамбука: гнётся, но не ломается.

Маленькая Шуан попыталась. Но её тело не слушалось. Оно было слабым, неуклюжим, не привыкшим к дисциплине. Она упала в первый же миг, распластавшись на мокрой земле, и измазалась в грязи.

— Вставай, — спокойно сказала наставница.

Шуан встала. И снова упала. И снова встала. И снова.

Двадцать семь раз она падала в то утро. Двадцать семь раз поднималась. Наставница Вэй не подала ей руки ни разу. Она стояла рядом, скрестив руки на груди, и смотрела.

— Почему ты не помогаешь мне? — сквозь слёзы спросила Шуан.

— Потому что в бою никто не поможет тебе, — ответила наставница. — Твои враги не будут ждать, пока ты поднимешься. Они будут бить. Бить, пока ты не перестанешь дышать. Поэтому ты должна научиться вставать быстрее, чем падать.

Шуан перестала плакать. Она сжала зубы и встала в двадцать восьмой раз.

И не упала.

В этот момент наставница Вэй впервые улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Теперь ты готова.

— К чему?

— К тому, чтобы научиться убивать.

Стиль «Ива в ночи» был старше самой империи Да Чэнь. Его создали монахи-отшельники, которые жили в горах и наблюдали за тем, как ветер играет с ветвями ивы. Ива не

сопротивляется ветру. Она уступает, гнётся, танцует, и остаётся целой, когда могучие дубы падают с корнем.

— Твоя мать была мастером этого стиля, — сказала наставница Вэй, когда Шуан исполнилось семь лет. — Она могла убить десятерых одним движением. Но она никогда не убивала без нужды.

Шуан часами сидела на корточках у водопада, вдыхая холодные брызги, и училась чувствовать, как воздух входит в её лёгкие, как разносится по телу, как наполняет каждую клетку силой.

— Когда ты поймёшь, как управлять дыханием, ты поймёшь, как управлять смертью.

На втором году Шуан научилась двигаться.

Её ноги едва касались земли, оставляя следы не глубже, чем от упавшего листа. Она могла пересечь рощу, не сломав ни одной сухой ветки. Могла подкрасться к спящей цапле и коснуться её крыла.

— Твоё тело должно быть лёгким, как пух, — объясняла наставница. — Враг слышит тяжёлые шаги. Враг видит тяжёлую тень. А ты должна быть как ветер: все чувствуют его, но никто не может поймать.

На третьем году она впервые взяла в руки меч.

Меч был намного старше её. Его лезвие хранило следы сотен битв.

— Это меч Нин Юэхуа, — сказала наставница Вэй, вкладывая оружие в ладони Шуан. — Он пил кровь её врагов.

Теперь он будет пить кровь твоих врагов.

Шуан взяла меч. Он был слишком тяжёлым для семилетней девочки. Её руки дрожали. Лезвие смотрело в землю, упираясь в неё, как старый больной, который не может идти без палки.

— Подними, — приказала наставница.

Шуан попыталась. Меч не поднимался.

— Я не могу, — прошептала она.

— Можешь. Твоя мать подняла этот меч, когда ей было пять. Она была меньше тебя. Слабее. Но она подняла.

Шуан посмотрела на меч. Потом на наставницу. Потом снова на меч.

Она представила мать, которую никогда не видела. Маленькую девочку с огромными глазами, которая стояла в этой же роще, держала этот же меч и не опускала его, даже когда руки кровоточили.

— Я не умру, — сказала Шуан. — Я буду жить. Ради неё.

Она подняла меч.

С первого раза.

Наставница Вэй отвернулась, чтобы девочка не увидела её слёз.

Каждый день, в течение следующих пяти лет, Ушуан носила семь тысяч ударов.

Семь тысяч ударов. Каждый день. Даже когда она болела. Даже когда шёл снег и пальцы немели от холода. Даже когда после ранений из плеча сочилась кровь.

— Зачем столько? — спросила она однажды, когда её руки тряслись так сильно, что она не могла удержать чашку с рисом.

— В бою у тебя не будет времени думать. Твоё тело должно двигаться быстрее, чем твой разум. Твои руки должны помнить каждый удар, даже когда твоя голова пуста. Ты должна стать мечом. — ответила наставница Вэй

Шуан сжала зубы и продолжила.

К двенадцати годам её ладони превратились в сплошные мозоли. Кости пальцев загрубели и стали похожи на корни старого дерева. Шрамы на руках пересекали друг друга, образуя узор, похожий на иероглифы древнего языка.

Она больше не чувствовала боли.

Она чувствовала только ветер.

Когда Шуан исполнилось двенадцать, наставница Вэй сказала:

— Ты достаточно хорошо владеешь мечом. Теперь я научу тебя бить без него.

— Зачем? — удивилась Шуан. — У меня же есть меч.

— Меч могут отобрать. Могут сломать. Могут выбить из рук. А твои руки никто не отберёт. Никто не ломает. Никто не выбьет. Если, конечно, ты научишься ими пользоваться.

Техника «Пустой рукав» была секретом клана Нин. Её знали только трое: основатель клана, его лучший ученик и наставница Вэй.

— Смотри, — сказала наставница и ткнула пальцем в бам-

буковый ствол.

Палец вошёл в дерево, как нож в масло. На стволе осталась дыра — идеально круглая, с ровными краями.

— Как ты это сделала? — прошептала Шуан.

— Сила не в пальце. Сила в концентрации. Ты должна собрать всю свою энергию, всю свою жизнь, всю свою смерть в одной точке, в кончике пальца. И тогда ты сможешь пробить не только бамбук. Ты сможешь пробить камень. Ты сможешь пробить сталь.

Шуан тренировалась три года.

Она пробила тысячу бамбуковых стволов, прежде чем её палец перестал ломаться о кору. Она пробила сотню камней, прежде чем костяшки перестали кровоточить. Наставница кивнула:

— Хорошо. Теперь ты готова к следующему.

— К чему?

— К «Поцелую лотоса».

«Поцелуй лотоса» был самым красивым и самым смертоносным приёмом в арсенале клана Нин.

Он не требовал меча. Не требовал силы. Он требовал только одного: точности.

Шуан училась этому приёму на лепестках цветов.

Наставница Вэй ставила перед ней ветку лотоса и говорила: «Ударь так, чтобы срезать только один лепесток».

Сначала Шуан срезала целые цветы. Потом, по два-три лепестка. Потом, по одному, но неровно, оставляя рваные

края.

— Не годится, — качала головой наставница. — «Поцелуй лотоса» должен быть нежным. Как поцелуй. Ты касаешься горла врага, и он умирает, даже не поняв, как это случилось.

Шуан тренировалась ещё год.

Она срезала тысячи лепестков. Она научилась чувствовать движение воздуха, которое создавал её палец. Она научилась предугадывать, как качнётся цветок от ветра, и наносить удар за мгновение до того, как лепесток окажется в нужном месте.

Однажды утром она срезала один лепесток с первого раза.

Край был идеально ровным.

Наставница Вэй взяла лепесток, поднесла к свету и долго смотрела на него.

— Твоя мать гордилась бы тобой, — сказала она тихо. — Она была гением своего поколения. Но ей потребовалось на три месяца больше.

Шуан не улыбнулась. Она просто взяла следующий цветок.

Когда Шуан исполнилось пятнадцать, наставница Вэй отвела её в пещеру за водопадом, где хранились древние свитки клана Нин.

— Теперь я научу тебя последнему приёму, — сказала она. — «Танцу бабочки».

— Почему последнему?

— Потому что после него не учат ничему. Потому что этот приём, не для победы. Он для смерти.

«Танец бабочки» был запретным знанием. Его запрещали даже внутри клана Нин, потому что он требовал слишком высокой платы. Воин, использующий этот приём, сжигал свою жизнь, всю, без остатка, за несколько мгновений сверхчеловеческой скорости и силы.

— Это приём отчаяния, — объясняла наставница Вэй. — Когда тебе нечего терять. Когда ты почти умерла, но ещё можешь стоять на ногах. Тогда ты можешь станцевать «Танец бабочки». И убить всех, кто стоит на твоём пути.

— И умереть?

— И умереть. Но красиво. Как бабочка, которая сгорает в пламени свечи.

Шуан смотрела на свиток. На нём была изображена женщина в белом платье, парящая в воздухе. Её меч был размыт в движении, казалось, у него было десять лезвий. Её лицо было спокойным. Почти счастливым.

— Покажи мне, — попросила Шуан.

— Нет, — отрезала наставница. — Я покажу тебе только теорию. Только если придёт время, ты сможешь его увидеть. А я молю богов, чтобы это время никогда не настало.

Она научила Шуан движениям. Шаг влево, разворот, выпад. Всё это было похоже на обычный танец. Но в конце каждого движения тело на секунду замирало, и в этой паузе чувствовалась пустота... Та самая, куда уходит жизнь, когда её

сжигают.

— Запомни, — сказала наставница. — «Танец бабочки» — это прощание. Если ты когда-нибудь его используешь, не забудь попрощаться со всем, что любишь. Потому что ты больше этого не увидишь.

Шуан запомнила.

Но не послушалась...

Наставница Вэй дала ей последний урок.

Они стояли на краю обрыва. Внизу, в сотне чжанов, шумела река. Вода была холодной и быстрой.

— Прыгай, — сказала наставница.

— Что? — Шуан не поверила своим ушам.

— Прыгай вниз. Ты должна научиться выживать. Это самое важное, чему я могу тебя научить.

— Но я разобьюсь!

— Нет. Твоё тело помнит. Прыгай.

Шуан закрыла глаза и прыгнула.

Она летела вниз, и ветер свистел в ушах, и камни приближались с ужасающей быстротой. Но в самый последний момент её тело сделало то, чему она не училась сознательно: оно развернулось в воздухе, сгруппировалось, ударилось о воду под правильным углом, и вошло в реку, как стрела, почти не почувствовав удара.

Она вынырнула через несколько мгновений.

Наставница Вэй стояла на краю обрыва и смотрела на неё сверху.

— Теперь ты готова, — крикнула она. — Ты знаешь всё, что нужно знать. Дальше ты будешь учиться только у жизни. А жизнь — самый жестокий учитель.

Шуан выбралась на берег, дрожа от холода.

— Я не хочу учиться у жизни, — сказала она.

— Никто не хочет, — ответила наставница. — Но жизнь любит играть с судьбами людей.

Сейчас, в час, когда луна висит низко над горизонтом, а снег падает, замечая следы, она стоит на перевале, с мечом в руке и кровью на пальцах. Ветер шевелит её волосы, бамбук шепчет что-то на древнем языке, а где-то вдали слышится крик одинокой птицы.

Она не знает, почему за ней охотятся. Не знает, что её судьба сплетена с судьбой империи, как нити шёлкового ковра.

А в покоях, где стены увешаны свитками с мудрыми изречениями, Ван Цзян смотрит на портрет молодой наложницы. Его пальцы сжимают нефритовую подвеску — последний дар Нин Юэхуа.

Глава 1

«Стертый иероглиф не прочесть глазами, но кисть, привыкшая к его чертам, сама начертит верный путь во мраке. Истинная суть подобна луне: даже спрятавшись за густыми тучами, она не перестает быть собой».

Я открываю глаза, и мир вокруг расплывается, как тушь на мокрой бумаге.

Я делаю вдох, и кажется, будто мне в легкие медленно вливают расплавленный свинец. Горло издает тихий, жалкий хрип. Пытаюсь пошевелиться, но мое тело мне не принадлежит.

Тяжелый запах терпких целебных трав, жженой полыни и железистого душка сгустившейся крови бьет в нос, вызывая тошноту.

Медленно, с колоссальным усилием приподнимаю налитые свинцом веки.

Надо мной колышется тусклый, серый полог военного шатра. В медной жаровне неподалеку шипит и плюется влажный древесный уголь. Каждое крошечное движение отзывается пылающей агонией. Моя грудь, живот, плечи — все туго стянуто льняными бинтами, насквозь пропитанными горькой бурой мазью.

Я лежу на походной койке, укрытая грубыми звериными шкурами. Спина чувствует неровности земли, прикрытой

лишь тонкой циновкой. В воздухе стоит густой, удушливый запах: гари, немытых тел, дешевого масла для светильников и острого железного привкуса крови.

Кто я?

Пытаюсь пошевелить рукой, и это простое действие превращается в пытку. Мышцы словно превратились в труху. Я подношу ладони к лицу. Они чужие. Длинные пальцы, стертые подушечки, мозоли у основания большого и указательного пальцев. Такие бывают у тех, кто годами не выпускает из рук тяжесть.

Я не помню своего имени. Это осознание впивается в грудь ледяной иглой. В голове абсолютная, звенящая пустота. Это не просто забывчивость, это пропасть. Я пытаюсь нащупать хотя бы один образ из воспоминаний, которых больше нет. Ничего. Только белый шум и этот проклятый запах гари.

Я сажусь, и мир покачивается, будто лодка на беспокойной воде. Руки дрожат. Я сжимаю пальцы, разжимаю. Они подчиняются, но будто не принадлежат мне.

Что со мной случилось? Где я?

Я смотрю на свои ладони.

На них кровь. Засохшая, чёрная, вьёвшаяся в трещины кожи. Моя? Чужая? Я подношу ладонь к носу. Запах железа такой сильный, что у меня кружится голова.

Я не помню, чья это кровь. Я не помню, сколько мне лет. Двадцать? Тридцать? Меньше? Мои руки в шрамах, мозо-

лях, обломанные ногти. Точно не определить возраст... Но кожа на лице, кажется, ещё молодая. Я провожу пальцами по щеке. Гладкая. Холодная.

Я не знаю, красивая я или нет. Не знаю, есть ли у меня семья. И не знаю, есть ли у меня враги.

Снаружи внезапно доносится лязг стали и грубый мужской окрик.

Мое тело реагирует быстрее, чем затуманенный разум успевает осознать происходящее. Мышцы груди рефлекторно сжимаются, игнорируя дикую боль, а правая рука молниеносно дергается к бедру, туда, где инстинкт ожидает нащупать рукоять ножа.

Я замираю. Рука пуста. Оружия нет. Мое тело трясется от невероятной слабости.

Опускаю снова взгляд на свои ладони. Тонкие, пожелтевшие пальцы, огрубевшие мозоли у оснований.

Я погружаюсь в себя, пытаюсь найти ответ, и внутри открывается черная, бездонная пропасть. Пустота настолько оглушающая, что мне становится страшно. Я словно выжженный дотла храм, от которого остался лишь пепел, уносимый ветром.

Лишь в самых глубоких, темных уголках моего разбитого разума всплывает единственный, размытый образ: холодный серебристый свет и окровавленный снег.

Паника поднимается изнутри, как тёмная вода во время наводнения. Я хватаюсь за грудь, дышу часто, прерывисто.

Ладони потеют. В горле ком, который не проглотить.

«Успокойся, — шепчу я себе. — Дыши. Просто дыши».

Я осматриваю себя. Простая одежда из грубого льна, местами порванная и заштопанная. На запястьях следы от верёвок. На левом предплечье свежий порез, уже затянувшийся тонкой корочкой.

Шатер вокруг меня солдатский: деревянные стойки, натянутая ткань. У стены расположен кувшин с водой и чашка. Рядом, на стене висит боевой меч, с портретной рукоятью.

Ноги не держат, я падаю на колени, и боль вспыхивает в боку с новой силой. Пол холодный, земляной, покрытый циновкой. Я прикусываю губу, чтобы не закричать. Металлический привкус крови на языке знакомый. Будто я ощущала её тысячу раз.

Я подползаю к стене. Протягиваю руку. Пальцы сами находят правильное положение. Большой палец ложится на гарду, остальные обхватывают рукоять. Лезвие выходит из ножен плавно, без скрипа. Шёлк и сталь не издают звука, когда их разлучают правильно.

Я поднимаю клинок перед собой, поворачиваю лезвием к себе. И в отражении вижу незнакомку: длинные черные волосы, тёмные глаза, широко раскрытые, ссадина на скуле, губы, белые, болезненные.

Это я. Но я её не узнаю.

В голове мелькает обрывок... Шелест бамбука на ветру. Тысячи зелёных мечей, качающихся в такт невидимой мело-

дии. Солнечный свет пробивается сквозь листья, оставляя на земле кружево теней. Запах влажной земли и крови. Чей-то голос — тихий, усталый, женский: *«Твоя рука должна быть быстрее твоей тени»*.

Но прежде чем я успеваю ухватиться за воспоминание, оно ускользает. Тает, как утренний туман под лучами солнца. Я остаюсь с пустыми руками и звоном в ушах.

Снаружи доносится приглушенный гул. Ржание лошадей, лязг металла о металл, резкие выкрики. Я определенно в военном лагере. Но почему я в этом так уверена? С трудом поднимаюсь на ноги, опираясь на меч.

Внезапно тяжелый полог шатра резко откидывается. Внутрь врывается ледяной сквозняк, принося с собой запахи сырой земли и мокрой шерсти.

Свет из открытого прохода слепит меня, бросая длинную, суровую тень на ткани шатра. Внутрь тяжело и уверенно шагает мужчина. Высокий, с прямым взглядом, в глазах мелькает насторожённое любопытство.

Он входит не торопясь. Словно весь мир должен ждать, пока он соизволит сделать шаг.

Воздух в помещении мгновенно густеет, словно его аура вытесняет весь кислород. Я замираю, боясь сделать даже вдох. Каждая клеточка моего израненного тела кричит о колоссальной угрозе. Мои разрушенные внутренние меридианы ощущают подавляющую мощь этого человека.

Я резко оборачиваюсь.

Меч в моей руке взлетает сам собой. Лезвие описывает дугу и замирает остриём в сторону входа. Моё тело среагировало инстинктивно. Ноги расставлены на ширину плеч. Левый локоть согнут, прикрывая корпус. Клинок направлен прямо в грудь вошедшему.

— Не советую, — тихо говорю я.

Мой голос хриплый. Чужой. Как будто я не пользовалась им много дней. Или много лет. Про себя усмехаюсь, понимая свое ничтожное положение.

Юноша стоит на пороге, и моё тело вздрагивает так, будто встречает давнего врага. Или давнего друга. Я не могу различить. Инстинкты путаются, подавая противоречивые сигналы.

В тусклом свете жаровни я, наконец, могу рассмотреть его, и у меня перехватывает дыхание.

Его красота не человеческая. Она холодна, смертоносна и безупречна, как лезвие обнаженного императорского меча. Высокий, с широкими плечами, затянутыми в темный шелк, поверх которого надеты элементы черного чешуйчатого доспеха. Его лицо словно высечено искусным мастером из драгоценного нефрита. Точеные скулы выступают так резко, что, кажется, могут порезать бумагу. Прямой, аристократичный нос придаёт ему вид надменный и недостижимый. Кожа безупречна. Ни единого изъяна, ни веснушки, ни шрама. Бледная, как первый снег на вершине горы.

Длинные волосы цвета воронова крыла забраны в стро-

гую воинскую причёску. Они стянуты на затылке и скреплены тяжёлой серебряной заколкой в форме летящего дракона. Несколько прядей выбились из причёски и падают на лицо, придавая ему почти демоническое выражение.

Но самое пугающее в нём — это взгляд.

Идеальный миндалевидный разрез под бровями, которые взлетают вверх подобно парным клинкам, готовым к удару. В этих бровях стоит вечная угроза, постоянная готовность к битве. Цвет радужки настолько чёрен, что поглощает любой свет. Они не отражают пламя жаровни. Словно за этими глазами бездонная пропасть, в которой умирают даже звёзды.

В этих глазах нет ни капли сострадания.

В них стынет вечная зима.

И власть. Такая власть, которая не терпит пререканий. Которая не прощает.

Он смотрит на мой меч, направленный ему в грудь.

И улыбается.

Улыбка холодная, как утренний иней на лезвии. Глаза остаются непроницаемыми, как две чёрные бездны.

— Значит, соизволила открыть глаза, — говорит он.

Голос низкий. Бархатный. Тёплый, если слушать только тембр. Но слова в нём, холоднее зимнего ветра. Они режут слух, как ледяная плоть. Он не спрашивает. Он констатирует факт. Как будто моя жизнь, уже решённый вопрос, и он просто ждёт, когда я осознаю это.

Я молчу.

Не знаю, что сказать. У меня нет имени, чтобы представиться. Нет прошлого, чтобы оправдаться.

— Ты ранена, — продолжает он, делая шаг вперёд. Один шаг. Медленный. Тяжёлый. — Едва жива. Шестнадцать ножевых ранений, четыре из которых могли быть смертельными. Потеряла много крови. И всё равно хватаешься за меч? Как не разумно!

Он останавливается в трёх шагах от меня.

— Думаешь, что я твой враг? — тихо спрашивает он. — Или знаешь?

Я не опускаю меч.

— Я никого не помню, — говорю я. Странно. Внутри меня всё дрожит, но голос, нет. — Я не знаю, враг ты или друг. Я не знаю, где я. Не знаю, кто я. Я ничего не знаю.

Он смотрит на меня долго. Кажется прошла вечность.

В тишине я слышу, как потрескивают угли в жаровне. Как где-то за стенкой шатра ржёт лошадь. Как ветер шевелит ткань полога.

— Меч, — наконец говорит он. — Ты украла его у хозяина шатра.

Он делает ещё один шаг.

— Этот меч стоит больше, чем твоя жизнь. И если ты не повесишь его обратно в течение трёх ударов сердца, я прикажу отрубить тебе руки. Не потому, что ты шпионка. А потому, что ты посмела коснуться чужого оружия грязными руками.

Я смотрю в его чёрные глаза.

Он не лжет.

Я медленно опускаю меч и вешаю обратно на стену.

Крюк входит в крепление. Раздаётся тихий щелчок. Сталь коснулась дерева.

— Хорошо, — говорит он. — Ты хотя бы понимаешь, когда стоишь на краю пропасти.

Он поворачивается ко мне спиной. Идёт к столу, заваленному картами. Садится. Берёт в руки кисть. Обмакивает её в тушь. И замирает, глядя на развёрнутый свиток.

— Сядь, — приказывает он, не глядя в мою сторону.

Я не двигаюсь.

Он поднимает голову. В его чёрных глазах вспыхивает что-то опасное. Гнев был бы слишком человеческим. Это холодное любопытство хищника, который нашёл добычу, отказывающуюся трепетать.

— Я сказал — сядь, — повторяет он. Голос не повышается. Но в нём появляется сталь, что режет, даже не касаясь.

Я опускаюсь на циновку.

Но потому, что ноги больше не держат. Боль в боку разливается жаром, и я чувствую, как повязка под одеждой намокает чем-то тёплым и липким. Кровь. Снова.

Он смотрит на меня поверх свитка.

Долго. Пристально. Так смотрят на карту перед битвой, оценивая слабые места, просчитывая ходы, прикидывая, стоит ли игра свеч.

— У тебя нет имени, — наконец говорит он.

— Нет, — отвечаю я.

— Ты не помнишь, кто ты.

— Не помню.

— Не помнишь, откуда ты. Не помнишь, кто тебя ранил.

Не помнишь, почему на тебе мужская одежда и почему твои руки покрыты шрамами старых боёв.

— Не помню.

Он откладывает кисть. Откидывается на спинку стула. Складывает руки на груди. Широкие ладони в чёрных перчатках, каждый палец обтянут кожей, как лезвие ножами.

— И ты хочешь, чтобы я поверил в это?

Я смотрю прямо в его глаза.

— Решать только вам, — говорю я тихо. — Я не знаю, кто вы. Не знаю, где я. Не знаю, почему я ещё жива. И мне ничего не нужно!

Он усмехается.

В этой скупой ухмылке столько презрения, что оно причиняет боль сильнее физической. Она режет по живому, как нож, которым орудуют не спеша, наслаждаясь каждым движением.

— Ничего не нужно, — повторяет он, растягивая слова. — Смелая. Или глупая. Или и то, и другое.

Он встаёт.

Одним движением. Плавно, как клинок, выходящий из ножен. И начинает ходить по шатру. Медленно, тяжело, каж-

дый шаг отдаётся в земле глухим ударом.

— Ты появилась на границе, — говорит он, не оборачиваясь на меня. — Одетая, как мужчина. На теле шрамы, которым больше десяти лет. Ты владеешь оружием. Но ты ничего не помнишь об этом?

Он останавливается. Поворачивается ко мне.

— Знаешь, как часто я слышу подобные сказки?

— Откуда мне это знать, — отвечаю я.

Его глаза сужаются.

— Ты дерзишь мне?

— Я говорю правду. Если правда похожа на дерзость — это не моя вина.

Юноша смотрит на меня.

Я смотрю на него.

— Меня зовут Ли Цзинъюань, — наконец говорит он. — Второй принц империи Цинь. Генерал Северной границы. Ты находишься на заставе. Твою жизнь спас я. Твою смерть тоже могу подарить я... В любой момент, который сочту нужным. С момента, как я нашел твое бездыханное тело — твоя жизнь принадлежит только мне!

Он делает плавный, хищный шаг ко мне. Его движения лишены суеты. Это повадки крупного хищника перед прыжком на жертву.

Останавливается в двух шагах от меня. Так близко, что я чувствую приятных запах от его одежды...

— Какая плохая игра, — говорит он, нависая надо мной.

От него пахнет дорогим ладаном, морозом и вьевшейся в доспех кровью. — Обычный крестьянин, найденный моими людьми на самой границе двух враждующих государств. Юноша-бродяга в грязных лохмотьях. Вот только у этого бродяги оказалась слишком нежная для крестьянского мальчишки женская плоть, а под ней тело, превращенное в кровавое решето.

Он опирается руками в стальных наручах о края моей койки, наклоняясь так низко, что его лицо оказывается пугающе близко к моему.

— Шестнадцать ножевых ранений. Дважды пробито легкое. Яд «Черной Камелии» в кровеносном русле. Любой нормальный человек прощался бы с жизнью еще на второй день. Любая обычная женщина сгнила бы в приграничной грязи. Но ты цеплялась за жизнь с завидной злобой. И даже в бреду чуть не сломала шею моему лекарю, проявив чудеса школы боевых искусств.

Я слушаю его и чувствую, как по позвоночнику стекает холодный пот. Шестнадцать ножевых? Яд?

— Я... Ничего не помню, — выдавливаю я, глядя прямо в эти черные, как бездна, глаза.

Страх нет. Точнее, он есть, но где-то на задворках сознания, подавленный странной, непреклонной гордостью, которая вдруг поднимается во мне. Мой дух превосходит слабость тела. Я смотрю на него, не отводя взгляда. И эта моя непокорность, кажется, искрой распаляет его гнев.

Он резко выбрасывает руку вперед. Его сильные пальцы в грубой кожаной перчатке безжалостно смыкаются на моем подбородке, силою заставляя приподнять голову.

— «Не помнишь»? — шипит он, и в его тоне прорезается лязг клинка. — Ты считаешь меня глупцом? В нашу эпоху, когда удел любой благочестивой женщины — склонять голову, вышивать шелком и не выходить за пределы покоев, ты владеешь мастерством убийцы. Твое тело реагирует на угрозу быстрее мыслей. Кто послал тебя во владения принца? Какое государство хочет моей крови? Дворовая стража Севера? Или предатели из столицы решили сыграть со мной?

Принц. Генерал армии империи Цинь. Вот кто держит меня за горло.

Его хватка становится жестче. Боль пронзает шею, отдает в израненную грудь, но я не позволяю себе издать ни звука. Мои губы упрямо сжимаются в тонкую линию.

— Говори, — приказывает он, тяжело и угрожающе.

— Если бы я... Была шпионкой... — слова даются с мучительной болью, каждый слог рвет воспаленное горло, — я бы умерла... Еще там, на границе. Чтобы не отдать вам... Свои тайны.

Я делаю судорожный вдох, глядя на его безупречное, искаженное жесткостью лицо.

— Мой разум пуст. Мое единственное воспоминание — это боль, в которой я проснулась. Вы генерал своей армии, Ваше Высочество, вы можете сломать мне шею одним дви-

жением прямо сейчас. Но вы не сможете вырвать у меня то, чего не существует.

В воздухе повисает тяжелое, звенящее молчание. Лишь треск углей в жаровне нарушает тишину.

Генерал медленно, с прищуром изучает мое лицо, ища ложь, дрожь, страх. Его дыхание касается моей щеки, горячее на контрасте с ледяным воздухом шатра. В этот момент мы находимся непростительно близко друг к другу. Я могу пересчитать острые, как иглы, ресницы, обрамляющие его хищный взгляд. Война и смерть отражаются в глубине его зрачков.

Он с нескрываемой неохотой разжимает пальцы, отпуская мой подбородок, словно брезгует мараться, и медленно выпрямляется, возвышаясь надо мной несокрушимой скалой.

— Значит, ты решила играть в амнезию птички с подрезанными крыльями, — бросает он предельно холодно. — Что ж. Играй. Но заруби себе на носу одну вещь, безымянная девчонка. В моем военном лагере нет места чужим тайнам. Я приказал вытащить тебя из пасти смерти не из милосердия. Я сделал это лишь для того, чтобы выпотрошить правду.

Он отворачивается, закладывая руки за спину.

— Ты поправишься. И каждое мгновение будешь под моим взором. А когда я докопаюсь до истины о том, кто ты и за чьи грехи в тебя вонзили десяток ножей...

Принц слегка поворачивает голову, бросая на меня взгляд

через плечо. В нем вспыхивает безжалостное пламя.

— ...я решу, стоила ли твоя жалкая жизнь моих потраченных лекарств. До тех пор, считай, что каждая капля крови в тебе принадлежит мне.

Он не ждет ответа. Принц резко разворачивается, тяжелые полы его плаща взмывают в воздух, подобно крыльям хищной птицы. Полог шатра со свистом опускается за его спиной, отрезая дневной свет.

И я снова остаюсь в полумраке. Наедине с запахом трав, пульсирующей агонией ран и гробовой пустотой вместо прошлого.

Я закрываю глаза, заставляя себя медленно, ритмично дышать, собирая по крупичкам раздробленную энергию внутри тела. Я должна выжить. Вопреки шестнадцати смертельным ранам. Вопреки расколотой памяти. Вопреки этому пугающе красивому, жестокому мужчине, в руках которого оказалась моя судьба.

Какая бы тьма не скрывала мое прошлое, я обязательно справлюсь.

Я не помню, как уснула.

Помню только, как сжимала край циновки побелевшими пальцами, заставляя себя дышать ровно и глубоко. Вдох, сквозь боль. Выдох, сквозь тьму, которая наваливалась на глаза тяжёлыми веками. Каждый удар сердца отдавался в груди, как удар кузнечного молота по наковальне.

Чёрная, глубокая пропасть без снов, без голосов, без вос-

поминаний. Только пустота. Та же самая, что ждала меня внутри.

Я просыпаюсь, когда первые лучи зари окрасили небо в цвет старой бронзы, а с небес полетел мелкий снег.

Он струится, как сквозь сито, бесконечной тонкой крупой, и за пологом шатра всё тонет в белой мгле. Граница утопает в облаках и тумане, сливаясь с сине-чёрным небосводом в единое целое. Так искусный каллиграф сливает тушь с водой, не оставляя границы между тьмой и светом. Лишь смутные, бескрайние и таинственные очертания гор открываются взору простых смертных, как намёк на истину, которую нельзя постичь, но можно почувствовать кожей.

Снаружи раздаются мужские голоса. Оживлённые звуки всадников, выкрики солдат, ржание лошадей. Этот отрезанный от большого мира уголок наполняется дыханием человеческой жизни. Кто-то ругается, кто-то смеётся, кто-то точит меч о камень. Звуки вливаются в шатёр сквозь неплотно завязанный полог. Кажется, они знакомы моему телу. Как будто я сотни ночей засыпала под этот же грубый, мужской, военный шум.

В палатке, где мерцает пламя свечей, царит приглушённый свет. Жаровня почти погасла. Только несколько алых углей тлеют на пепле. Холод пробирается под одеяло, и я чувствую, как он щиплет кончики пальцев, как забирается под повязки, касаясь ещё не заживших ран.

Я медленно спускаюсь с постели.

Босиком, бесшумно ступаю, чтобы не скрипнула ни одна половица, не качнулась ни одна циновка. Я подхожу к почти догоревшей жаровне, опускаюсь на колени и беру совок с углями. Движения мои плавны, хотя каждое отдается болью. Тело неохотно слушается.

Я добавляю свежие угли. Алые искры взлетают вверх, рассыпаются золотым дождём и гаснут, не долетев до земли. Тепло разливается по лицу, и я закрываю глаза на мгновение, отмахиваясь свободной рукой, от пепла.

Непроизвольно мои мысли возвращаются к принцу. Кроме него, я никого не знаю в этом мире... Больше мне не о ком думать.

В его облике чувствуется какая-то невыразимая словами теплота. Не та, что греет, как огонь в жаровне. А та, что притягивает, как магнит, или как пропасть, в которую смотришь и не можешь оторваться, потому что в глубине её мерцает что-то запретное, манящее, смертельно опасное.

Мне показалось, что между нами есть, что-то общее, но что именно я пока не знаю.

Не думаю, что он настолько жесток, каким кажется.

Если бы он был жесток, то он убил бы меня когда нашел. Не тратил бы лекарств, не отдавал приказ лечить.

Он хочет знать, кто я. И хочет докопаться до правды, даже если эта правда ему не понравится.

Подбрасываю ещё углей. Тепло разливается по шатру, и я чувствую, как оно проникает в кости, как оттаивает что-то

внутри, что было замёрзшим очень долго.

Я сажусь на циновку, прижимаю колени к груди и смотрю на огонь.

Снаружи всё так же падает снег.

Полог шатра приподнимается.

Входит принц Ли Цзиньюань.

В его руках чаша с рисом.

— Я думал, ты будешь лежать три дня, — говорит он, глядя на мои дрожащие ноги. — Ты спишь как убитая, — говорит он, и в его голосе нет насмешки. — Не шевелишься. Не ворочаешься. Не кричишь во сне.

— Мне просто не о чем кричать, — отвечаю я. Голос хриплый, простуженный. Горло саднит после прошлой встречи. Его пальцы оставили на шее синяки. Я чувствую тянущую боль, когда поворачиваю голову.

— Или тебя слишком хорошо обучили быть, — парирует он, не отводя взгляда.

Сегодня на нём нет доспеха. Только чёрный шёлковый халат, расшитый серебряными нитями... Драконы, сворачивающиеся в кольца, прячутся в складках ткани. Волосы распущены, будто чёрная река стекает по плечам, достигая пояса. Без доспехов он выглядит иначе. Даже опаснее. Потому что теперь я вижу, как смертоносная мощь скрыта под шёлком.

Он подходит к жаровне и хмыкает. Красные искры взлетают вверх, рассыпаются золотым дождём и гаснут, не долетев до земли.

— Вспомнила что-нибудь? — спрашивает он, с особым безразличием, словно уже знал ответ.

— Нет.

— Лжёшь.

— Я не лгу.

Он поворачивается.

— Твои глаза говорят иначе.

— Мои глаза ничего не говорят. Вы просто видите то, что хотите увидеть.

Он делает шаг ко мне. Один. Медленный. Я не отодвигаюсь. Не отвожу взгляд. Даже когда он останавливается в шаге от моей лежанки, даже когда его тень падает на меня, накрывая целиком.

— Знаешь, в чём твоя проблема? — тихо спрашивает он.

— В том, что я жива? — отвечаю я.

Он усмехается. В этой усмешке проскальзывает удивление. Едва заметное, как трещина на старом клинке.

— В том, что ты слишком смелая для того, кто лежит с пробитым лёгким и ядом в крови, — говорит он. — Ты не дрожишь. Не плачешь. Не умоляешь. Ты смотришь на меня так, будто мы равны. Будто ты не служанка, а я не принц.

— Я не умею притворяться, — говорю я. — У меня нет прошлого, которое научило бы меня кланяться. Нет памяти, которая подсказала бы, кого бояться. Я могу только быть собой. Даже если это «я» — пустой лист.

Он наклоняется.

Его лицо снова оказывается слишком близко. Я чувствую его тёплое дыхание, с горьковатым привкусом чая. Он смотрит на мои губы. Потом, в глаза. Что он ищет? Правду? Или подтверждение своей правоты?

— Я видел много смельчаков, — шепчет он. — Все они кончили плохо. Их головы украшают стены вражеских крепостей. Их кости гниют в придорожных канавах. Смелость не всегда считается доблестью. Иногда, это самоубийство.

— Тогда убейте меня, — говорю я.

Его глаза сужаются.

— Что?

— Так убейте меня, — повторяю я. — Сейчас. Одним движением. Вы же генерал. Вы убивали тысячи. Что вам стоит прикончить одну раненую девчонку?

Слышу, как ветер шевелит полог шатра. Как где-то далеко кричит птица.

Принц смотрит на меня.

Я смотрю на него.

И вдруг, он смеётся.

Его смех похож на скрежет камней. Опасный.

— Ты интересная, — говорит он, выпрямляясь. — Очень интересная. Жаль, что я не могу тебя убить.

— Почему?

— Потому что мой лекарь сказал, что яд в твоей крови уникален. Таких составов он не видел за тридцать лет службы. Ты — живая загадка. А таких не убивают.

Он отворачивается. Идёт к столу. Садится.

— Сегодня к вечеру в лагерь прибудет мой личный лекарь. Он осмотрит тебя. Скажет, можно ли вылечить твою память и вывести яд, который уже вёлся слишком глубоко.

— А если нельзя?

— Если нельзя, то тогда тебя будут звать Мо Цинчжао, ты станешь служанкой при шатре генерала. Будешь жить. Дышать. Подавать чай. И никогда не узнаешь, кто ты на самом деле.

— Это звучит как приговор, — тихо говорю я.

— Это звучит как надежда, — поправляет он. — Не путай. Приговор — это когда ты лежишь в снегу с шестнадцатью ножевыми ранениями, отравленная ядом и никто не приходит тебя спасать. Если бы не я, то ты сдохла бы, как собака, а твой труп разорвали бы дикие звери на куски.

Он берёт кисть. Обмакивает в тушь и что-то пишет. Кажется, в этом месте, его кабинет!?

— Отдыхай. К завтрашнему дню, ты должна быть в нормальном состоянии. Ты должна мне хорошо служить, чтобы выжить. И не забудь поесть, — он ядовито улыбается и кивает, указывая на миску риса.

Вскоре принц уходит. Я остаюсь одна в полумраке, где только угли в жаровне мерцают красными глазами умирающего зверя.

Миска с рисом стоит на низком столике у моей лежанки. Пар давно осел, но рис ещё тёплый. Чувствую приятный за-

пах, когда наклоняюсь ближе.

Я беру палочки.

Рука не дрожит. Я не помню, как держать палочки, но пальцы сами ложатся правильно. Большой и указательный сжимают дерево, средний поддерживает снизу. Я ем медленно, маленькими кусочками, потому что желудок сжимается после каждого глотка.

Рис пресный. Почти безвкусный. Но я чувствую, как тепло растекается по телу, как силы возвращаются по крупицам, как кровь быстрее бежит по жилам.

Я должна выжить. Даже если не знаю зачем.

Глава 2

«Даже могучий дракон не сможет справиться со змеями».

Я просыпаюсь от того, что кто-то трогает моё запястье. Кончики пальцев сухие, тёплые, с мозолями на подушечках, и я чувствую, как они считают удары моего сердца. Один. Два. Три. Четыре.

Я не открываю глаза сразу.

В комнате пахнет травами и чем-то горьким.

Сначала слышу потрескивание углей в жаровне. Кто-то зажёл новую партию, и огонь весело лижет бока глиняного сосуда. Слышу шелест ткани, и как кто-то двигается по шатру. Слышу чужое, спокойное, размеренное дыхание, напоминающее звуки прилива и отлива морской волны.

— Я знаю, что ты не спишь, — говорит старый, скрипучий голос.

Открываю глаза.

Свет льётся тонкой нитью сквозь бумажные окна, рисуя на полу узоры, похожие на трещины в пересохшем русле реки.

Надо мной склонился старик. Его лицо похоже на кору векового дуба... Морщины глубоки, как трещины в пересохшей земле, но глаза... Глаза молодые. Живые. В них светится острый ум и та спокойная мудрость, которая приходит толь-

ко к тем, кто видел слишком много смертей.

— Лекарь Хуа, — представляется он. — Его Высочество приказал осмотреть тебя.

Он не ждёт ответа. Его пальцы уже скользят по моему запястью, нащупывая пульс в трёх точках. Я смотрю на его руки. Пальцы тонкие, длинные, с идеально подстриженными ногтями. Руки человека, который не знает никакой грязной работы.

— Пульс нитевидный, — бормочет он себе под нос. — Скрытый. Как река подо льдом. Но бьётся. Значит, жива будешь.

Он отпускает мою руку и щупает лимфоузлы. Я не сопротивляюсь. У меня нет сил сопротивляться. Да и зачем? Этот старик не враг. Враг не стал бы так осторожно касаться моих ран.

— Раздевайся, — командует он.

— Что? — я впервые подаю голос. Хрипло, с присвистом, и кашляю.

— Раздевайся, говорю. До пояса. Я должен осмотреть твои раны и меридианы. Или ты ожидала, что тебя будет осматривать женщина?

Я медленно стягиваю халат. Движения даются с трудом. Каждый взмах руки отдаётся болью в груди, в боку, в плече. Лекарь не помогает. Он просто ждёт, глядя на меня спокойно, как смотрит врач на больного. Без смущения, без жалости, без осуждения.

Когда ткань падает на колени, я слышу его тихий вздох.

— Ты же женщина. Кто мог быть так жесток? — произносит он, как заклинание. — Дважды пробито лёгкое. Трижды — печень. Один удар пришёлся в селезёнку. Ещё чуть-чуть, и ты истекла бы кровью. Тебе повезло, что при таких травмах, ты осталась жива.

Он обходит меня, рассматривая рубцы, как антиквар. С интересом, с восхищением, с лёгкой грустью.

— Но это не самое страшное, — продолжает он. — Самое страшное — это яд в твоей крови, который я не могу точно определить.

Его палец касается моей груди, под левой ключицей. Там, где родимое пятно в форме полумесяца.

— Знак клана Нин, — удивленно говорит он. — Я не видел его двадцать лет. Думал, все умерли.

— Я не помню никакого клана, — тихо говорю я.

— Не помнишь, — кивает он. — И можешь никогда не вспомнить. Насколько мне известно, из клана Нин никого в живых не осталось.

Он отворачивается, идёт к столу, достаёт из холщового мешка длинные, тонкие, серебряные иглы. Они поблёскивают в свете жаровни, как зубы маленького, но очень злого дракона.

— Ложись, — приказывает он. — Я буду открывать твои меридианы. Кровь застоялась в них. Если не запустить ци, ты можешь остаться калекой.

Я ложусь на живот.

Холодная, острая игла входит под лопатку. Я не вскрикиваю. Только сжимаю зубы и чувствую, как по позвоночнику разливается странное тепло.

— Терпи, — говорит лекарь. — Это только начало.

Иглы входят одна за другой.

В плечи. В поясницу. В руки. В ноги. Я лежу неподвижно, как кукла, в которую воткнули сотню булавок, но вместо боли я чувствую... Приятное тепло. Оно растекается по телу, как расплавленный воск, заполняя пустоты, согревая замёрзшие сосуды, пробуждая спящие меридианы.

Лекарь работает молча. Только иногда бормочет что-то себе под нос. Названия точек, техник, трав. Я не понимаю половины слов. Но я знаю каждую точку, куда входит игла.

— Удивительно, — наконец говорит он. — Кто-то очень сильный запечатал яд, чтобы избежать распространения. Последствия этой техники - потеря памяти. Это древняя техника клана Нин. Я думал, она утеряна. Я мало, что знаю о ней.

— Можно снять печать? — спрашиваю я.

— Можно, — он замолкает. — Но яд убьёт тебя через сто дней.

— А если не снимать?

— Будешь жить. Возможно долго. Но никогда не вспомнишь, кто ты.

Я закрываю глаза.

Сто дней. Сто дней жизни или вечность в пустоте?

— Что за яд в моей крови? — спрашиваю я.

Лекарь вздыхает. Опускается на колени рядом со мной, заглядывает в глаза.

— Яд «Чёрной Камелии». Точнее, похожий яд, но намного сильнее, — говорит он. — Древний состав. Его создали алхимики триста лет назад для казни предателей. Он не убивает сразу. Яд добирается до сердца постепенно, а затем, тот, кто отравлен, умирает в бесконечных мучениях.

— Но я не умерла.

— Потому что яд запечатан, — он касается родимого пятна на моей груди. — Наложённая печать остановила яд. Замерозила его. Но если печать сломать — яд проснётся. И у тебя останется мало времени.

Я молчу.

Угли потрескивают в жаровне.

— В любом случае, печать может снять только старейшина из клана Нин, — говорит лекарь тихо. — Боюсь никто из них не выжил.

Лекарь качает головой.

— Вы знали кого-то из клана Нин?

Он не сразу отвечает. Просто встаёт, собирает иглы, укладывает их в холщовый мешок.

— Отдыхай, — говорит наконец, он. — Завтра я приду снова. Будем лечить твои раны. Поговорим позже.

Он уходит.

Полог шатра падает за его спиной, и я снова остаюсь одна.

Я сижу на циновке, прижимая колени к груди, и смотрю на огонь.

Полог шатра откидывается.

Входит он.

Принц Ли Цзинъюань. Сегодня на нём тёмно-синий халат, расшитый серебряными облаками. Волосы собраны в высокий хвост и скреплены заколкой в форме летящего журавля. На поясе висит меч.

Он останавливается на пороге, и его длинная тень падает на меня, как крыло ночной птицы.

— Лекарь Хуа доложил, — говорит он. — Яд «Чёрной Камелии» запечатан, поэтому ты ничего не помнишь. Ты не солгала...

Он говорит это сухо, без эмоций, как зачитывает военный приказ.

Он садится напротив меня. Скрещивает руки на груди. Смотрит долго и пристально, оценивая, просчитывая, взвешивая.

— Знаешь, что говорили в древности? — спрашивает он.

— Откуда мне знать.

— «Закон дракона», — он усмехается. — Дракон не спрашивает у тигра, почему тот рычит. Дракон просто приказывает. А тигр подчиняется. Так устроен мир.

— Я не тигр, — говорю я, отворачиваясь в сторону, и скрестив на груди руки.

— Ты даже не мышь, — он наклоняется ближе. — Ты ни-

кто. Безымянная девчонка с ядом в крови. Но в тебе есть что-то, что заставляет меня сомневаться.

— Что именно? — я поворачиваюсь, сталкиваясь с его прищуренным взглядом.

Он не отвечает. Просто смотрит. В его чёрных глазах тьма. Но в этой тьме я вижу искру. Маленькую, опасную, как уголёк, готовый разгореться в пожар.

— Я не верю в совпадения, — наконец говорит он. — Ты появилась на границе в тот момент, когда армия Да Чэнь готовила наступление. На тебе следы древних техник. В твоей крови яд, который могут изготовить только древние кланы, которые уничтожены уже давно. Ты точно необычная женщина...

— Если я опасна — убейте меня, — отвечаю холодно я.

— Не могу, — он качает головой. — Пока я не знаю, кто ты. Ты можешь быть ключом к тайне, которая стоит дороже любой войны.

Он встаёт. Идёт к столу. Раскладывает какие-то бумаги.

— Лекарь Хуа сказал, чтобы ты отдыхала. Делай, как он сказал. Не люблю, когда мои вещи сломанные.

После еды я сижу у жаровни и смотрю на огонь.

Угли догорают. Тени становятся длиннее. Холод ощущается сильнее. Где-то за стенкой шатра солдаты поют грубую, солдатскую песню, о том, как тоскуют по дому в зимнюю ночь.

Он назвал меня «своей вещью».

Странное слово. Холодное. Оскорбительное. Но в нём есть что-то... Вещи не выбрасывают просто так. Вещи берегут. Хранят. Пока они нужны.

А я ему нужна.

Пока.

Я не знаю, кто я. Не знаю, откуда пришла. Не знаю, почему моё тело покрыто шрамами, а руки помнят хватку меча. Но пока я буду жить... До тех пор, пока не решатся выбросить...

На следующий день, я просыпаюсь оттого, что кто-то бросил свёрток у моего изголовья.

Грубо, небрежно, как бросают подачку собаке. Ткань глухо стучается о циновку, и я вздрагиваю, открывая глаза.

В шатре уже никого нет. Только свёрток.

Серый, грубый, перетянутый верёвкой из пеньки. Я сажусь. Тело ломит, но уже не так, как вчера. Иглы лекаря Хуа сделали своё дело.

Я развязываю верёвку. Ткань распадается.

Внутри грубая, черная, мужская одежда. Куртка из хлопка, такие же штаны, широкий пояс из чёрной кожи. Ни вышивки, ни узора. Ничего, что говорило бы о женщине. Это одежда слуги. Того, кто подаёт чай и подметает пол, того, кто невидим, как тень, и безмолвен, как рыба в мутной воде.

Рядом, ещё один свёрток, поменьше.

Я разворачиваю его.

Простой, деревянный гребень, с редкими зубьями. Маленькое, бронзовое зеркальце, потускневшее от времени. И

шпилька... Одна-единственная, чёрная, без украшений.

Женские принадлежности... Скучные, грубые, почти оскорбительные в своей простоте. Зачем они мне здесь? Мог бы не утруждаться.

Я смотрю на них и не знаю, что чувствовать. Гнев? Благодарность? Или пустоту, что поселилась в груди и никак не хочет уходить?

Спустя некоторое время, полог шатра откидывается.

Он просто возникает на пороге, как призрак, как сама судьба, которой не нужны приглашения. В конце концов, ему не нужно разрешение «войти». Ведь это его шатер. Все здесь принадлежит принцу, в том числе, и моя никчемная жизнь.

— Очнулась, — говорит утвердительно принц.

Сегодня на нём чёрный халат, подпоясанный широким ремнём с серебряной пряжкой. Волосы снова собраны в высокий хвост. Ни одной выбившейся пряди, ни малейшего намёка на небрежность. Его пальцы в чёрных перчатках покоятся на рукояти меча, как на троне. Его высочеству точно не место в военном лагере. Слишком хорош собой, слишком аристократичен.

Прошло уже несколько дней, а я все еще не разгадала его намерений.

Принц смотрит на развёрнутый свёрток, потом на меня.

— Придётся одеваться самой, — говорит он, и в голосе его нет ни тени сочувствия. — Помочь тебе некому. Женщин в лагере нет.

— Я заметила, — отвечаю я.

— Ванну нагреешь сама, — продолжает он, не обращая внимания на мои ответы. — Воды набирай в котле у восточной стены. Дрова там же. Огонь разожжёшь сама.

Он делает шаг вперёд. Останавливается в двух шагах от моей лежанки. Смотрит сверху вниз, как смотрят на насекомое, которое ещё не раздавили, но уже выбрали жертвой.

— Справишься, — бросает он.

— А если не справлюсь? — спрашиваю я.

Он усмехается.

— Умрёшь от грязи и собственной вони, — говорит он.

— Мне же меньше хлопот.

Он поворачивается, чтобы уйти, но на полпути останавливается. Не оборачиваясь, бросает через плечо:

— Еда у северного входа. Опоздаешь к раздаче — останешься голодной. Я не кормлю бездельников, даже тех, кто прикидывается калекой. И еще... Большинство не знают, что в лагере есть женщина. Запомни - ты всего лишь слуга.

Полог падает.

Я снова одна.

Смотрю на одежду. На гребень. На зеркальце, в котором отражается моё бледное лицо, с тёмными кругами под глазами, чёрные пряди, спутанные, как после бури.

Ловлю себя на мысли, что я довольно симпатичная... Если бы не мой измученный внешний вид...

— Справишься, — шепчу я, передразнивая его холодный

ГОЛОС.

Встаю.

Ноги дрожат. Болит бок. Лёгкое свистит при каждом вдохе. Но я стою преодолевая боль.

Котёл у восточной стены, огромный, чёрный, покрытый копотью, как старый демон, уснувший на дне пепелища.

Дрова лежат рядом. Поленья грубо нарублены, некоторые с корой, некоторые с ещё не облетевшими иглами. Я разжигаю огонь. Разум помнит, как складывать щепки пирамидкой, как поджечь трут, как раздуть искры в пламя.

Но это оказалось для меня тяжелее, чем я думала... Кажется, даже разошлась рана на ребрах.

Вода греется медленно. Пар поднимается над котлом, белый, густой, как туман над горным озером. Я смотрю на него и думаю о том, что говорил лекарь Хуа.

«Клан Нин уничтожен».

Он сказал, что такие родимые пятна только у клана Нин... Но я жива. А может лекарь Хуа ошибся?

Возможно, по этой причине меня хотели убить? Потому что я из клана Нин?

Я переливаю воду в деревянную, тесную бадью. Снимаю грязные бинты. Кровь засохла и прилипла к коже. Я отдираю её вместе с кусочками запёкшейся корки.

Некоторые раны сочатся. Прозрачная, розоватая влага выступает на поверхности, собирается в капли и медленно стекает по рёбрам, оставляя на коже влажные дорожки. Запах

металла витает вокруг. Он напоминает мне о чём-то. Но воспоминания тут же ускользают.

Острая боль пронзает. Ноющая, как старая рана перед дождём. Боль разная, многоликая, но я знаю её. Я привыкла к ней.

Вхожу в воду.

Горячо.

Так горячо, что перехватывает дыхание. Я замираю на мгновение, прижимая руки к груди, чувствуя, как тепло проникает сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости.

Тру кожу жесткой, колючей мочалкой из сухой травы, но такой приятной после дней, проведённых в грязи и крови. Волосы промываю золой. Они становятся чистыми, тяжёлыми, стекают по спине чёрным водопадом.

Я ощущаю усталость... Глубокую, въевшуюся в кости, в самую сердцевину естества. Усталость человека, который слишком долго боролся.

Смотрю на свои руки. На шрамы. На мозоли. На кровь, которая не хочет отмываться, как будто въелась в кожу навсегда, как память о грехах, которых я не совершала.

— Кто ты? — шепчу я своему отражению в воде.

В ответ, лишь молчание...

Только пар поднимается над бадьёй, белый, как призрак, и тает в воздухе, не долетев до потолка.

Я опускаю руки в воду.

Тепло разливается по телу, заставляет мышцы рассла-

биться.

Выхожу из воды. Прошло много времени... Успеваю ли я к трапезе?

Одеваюсь.

Куртка грубая, трёт плечи. Штаны слишком широки. Я подвязываю их верёвкой. Кожаный пояс затягиваю на талии.

Смотрю на себя в маленькое бронзовое зеркальце.

Чистое лицо. Белая кожа. Тёмные, глубокие глаза, как два колодца на дне ущелья. Бледные губы, но уже не синие. Ссадина на скуле затянулась, превратилась в розовый шрам.

Я провожу гребнем по волосам.

Зубья путаются в прядях, вырывают волоски, но я терплю. Боль - единственное, что не вызывает сомнений.

Закалываю волосы шпилькой.

Смотрю на себя.

Слуга. Прислуга. Никто. Но я улыбаюсь своему отражению.

— Справилась, — говорю я вслух.

И впервые за эти пару дней, чувствую себя цветком, пробившимся сквозь камни.

Я вышла из шатра впервые, за все пребывание в военном лагере.

Запах сырой земли, смешанный с запахами лошадей, мужского пота и дыма. Серое небо, низкое, тяжёлое, набрякшее снегом. Солдаты, заросшие, в доспехах, пробитых стрелами и заштопанных грубыми стежками, оборачиваются, когда я

прохожу.

Смотрят с любопытством.

Я чувствую их взгляды на своей спине. Но никто не говорит ни слова. Потому что я — вещь принца. Не многие об этом знают. Однако, я чувствую себя неловко.

Добираюсь до северного входа. Две большие кадки с рисом и похлёбкой. Солдаты толпятся, толкаются локтями, ругаются. Я встаю в конец очереди.

— Эй, малец, — окликает меня кто-то сбоку. — Ты чей будешь?

Я не отвечаю. Смотрю прямо перед собой.

— Глухой, что ли? — голос становится настойчивее.

— Он мой, — раздаётся голос за моей спиной, не терпящий возражений.

Солдаты расступаются, как вода перед носом лодки. Принц проходит мимо меня, не глядя. Останавливается у кадки, зачерпывает рис, кладёт в мою миску.

— Бери, — говорит он. — И возвращайся в шатёр. Не шлейся без дела.

Я смотрю на миску. Рис белый и рассыпчатый.

— Спасибо, — тихо говорю я.

Он не отвечает.

Насыпает себе порцию и уходит, не оборачиваясь.

Солдаты молчат. Кто-то отворачивается, кто-то качает головой, кто-то усмехается.

Я ем стоя, под снегом, который начал падать мелкой кру-

пой. Снежинки тают на моих ресницах, а я смотрю на небо, без единого просвета.

Я доела рис до последнего зёрнышка.

Миска опустела, и я провела пальцем по дну, собирая остатки.

Затем, вернулась в шатёр.

Тот же полумрак, та же жаровня с догорающими углями, та же лежанка с грубым одеялом. Я села на циновку, привалившись спиной к столбу, и закрыла глаза.

Ветер играет с пологом. Снаружи, как обычно шумно.

Полог откинулся.

Лекарь Хуа вошёл бесшумно, как осенний лист, падающий с ветки. В руках он держал глиняную пиалу. Из неё поднимался тонкий, прозрачный пар, пахнувший горечью.

— Пей, — сказал он, протягивая пиалу.

Я взяла. Пальцы обхватили тёплую глину, и тепло разлилось по ладоням.

— Что это? — спросила я.

— Отвар из корня женьшеня, лимонника и горькой полыни, — он сел напротив меня, скрестив ноги. — Восстанавливает кровь. Заживляет раны изнутри. Пей, не бойся. Если бы я хотел тебя отравить, ты была бы уже мертва.

Я сделала глоток. Знала, что он не желает мне смерти.

Горько. Так горько, что свело скулы, а язык стал деревянным. Но следом приходит облегчение и тепло, как огонь, разгорающийся в печи после долгой зимы.

Я выпиваю всё до дна.

Лекарь Хуа кивает. Лезет за пазуху и достает маленький холщовый мешочек, затянутый шнурком. Развязывает. Внутри оказались чёрные, круглые пилюли, размером с горошину, матовые, как речная галька.

— Две утром. Две вечером, — говорит он, протягивая мешочек. — Не больше. Не меньше.

Я беру пилюли и одобрительно киваю.

— Вы кого-то знали из клана Нин? — спрашиваю я.

Лекарь Хуа замер.

На одно мгновение его лицо становится непроницаемым, как каменная стена древней крепости. А потом появляется, едва заметная трещина. Давняя боль в глазах.

— Когда-то знал, — говорит он тихо. — Давно.

Он замолчал. Посмотрел на жаровню, на угли, которые догорали, превращаясь в пепел.

— Сейчас никого не осталось, — продолжает он. — Старики, женщины, дети. Все погибли. Даже младенцев не пощадили.

— Но я жива, — говорю я, полной уверенностью. Но почему я так уверена в том, что я из клана Нин.

— Ты жива, — он смотрит на меня. В его глазах появился вопрос. — И это странно. А может, я ошибаюсь. Рано строить предположения.

— Почему?

Он покачал головой.

— Потому что клан Нин был не просто семьёй. Это была династия воинов-отшельников, хранителей древних техник. Они не брали чужих в свой род. Не усыновляли. Не принимали посторонних. Кровь Нин — это особая кровь. Она течёт только в жилах тех, кто рождён в клане.

Он молчит.

— Может быть, ты и не из их клана, и это пятно — просто совпадение, — говорит он задумчиво. — Может быть, ты — дитя, рождённое от запретной любви. А может, та, кого спрятали в надежде, что ты вырастишь и отомстишь.

Я молчу. Возможно, лекарь Хуа прав...

Угли потрескивают, отвлекая от плохих мыслей.

— Кто знает, — вздыхает лекарь. — Но ты точно не обычная девушка.

Я молчу, обдумывая его слова. Мое прошлое скрывает много тайн. Должна ли я пойти на риск, и снять печать?

— У клана Нин много врагов, — продолжал он. — Императорский дворец. Северные дома. Если ты связана с ними, то тебя будут искать. Будут пытаться убить. И не остановятся, пока ты не умрёшь. Но сейчас ты на границе Цинь. Пока, ты в безопасности.

Он наклонился ближе. Голос его стал тише, почти шёпотом.

— Ты выжила благодаря своему мастерству. Очевидно, тебя готовили с детства. Твоё тело помнит то, что разум забыл. Тот, кто учил тебя, возможно, был мастером высочай-

шего уровня. Может быть, даже главой клана. Думаю, ты еще покажешь, на что способна.

Он замолчал.

— Лекарь Хуа, — говорю я тихо, почти шепотом. — Вы верите, что я смогу вспомнить? Есть шанс, что я смогу выжить, после того, как все вспомню?

Он смотрит на меня долго. В его глазах, что-то, похожее на надежду.

— Ты сможешь жить, но без памяти, — отвечает он. — Печать пока нельзя снимать. Я не сказал принцу, что ты из клана Нин.

Я подняла голову.

— Почему?

— Потому что есть правда, которая должна оставаться тайной, — он посмотрел на меня. В его глазах, что-то тёмное, давнее, то, что он носил в себе много лет. — И еще, я не уверен в своих предположениях.

— Вы боитесь принца?

Он усмехнулся.

— Принца? Нет. Я не боюсь императорской семьи.

Он замолчал, а через минут снова заговорил.

— Если ты и правда из клана Нин, то я многое задолжал их главе. Долг, который не измерить золотом, — он повернулся ко мне. В его глазах проскальзывает настоящая боль. — Однажды, очень давно, глава клана Нин спасла мне жизнь. Я умирал в горах, всеми забытый. Она нашла меня.

Вылечила. Дала кров и еду. Все мои навыки принадлежат главе Нин. Глава обучила меня, и теперь я императорский лекарь. Все, что я имею сейчас, благодаря клану Нин.

Он замолчал, лишь на мгновение.

— Теперь я смотрю на тебя, — продолжает он тихо, — и вижу ее. Ту же непокорность. Тот же огонь в глазах. Тот же отказ сгибаться, даже когда мир давит со всех сторон.

— Вы думаете, я — ее дочь?

— Вы не похожи внешне, — он тяжело вздыхает, собирая свои принадлежности в мешок. — Но если это так, то мой долг перед ней, это мой долг перед тобой. Я не расскажу принцу всего, что знаю. Пока. Не потому, что я предатель. А потому, что я не хочу, чтобы ты стала пешкой в его игре. Дворцовые интриги меня не касаются. Надеюсь, и тебя не коснутся.

Он встал. Поправил мешок на плече.

— Мне пора, — говорит он. — В лагере есть и другие раненные.

— Лекарь Хуа, — окликнула я его, когда он уже взялся за полог.

Он оборачивается.

— Спасибо, — шепчу я.

— Еще рано благодарить, девочка, — отвечает лекарь Хуа, с необъяснимой грустью в голосе.

Поправляет холщовый мешок на плече.

— Отдыхай. Завтра я приду снова. Будем лечить твои ра-

ны.

Он ушёл.

Полог упал.

Я осталась одна.

Сжимая в руке холщовый мешочек с чёрными пилюлями, пахнущими горечью, я сижу у жаровни и смотрю на огонь.

Думаю о том, что сказал лекарь Хуа.

«Тебя готовили с детства».

Значит, у меня был учитель. Была школа. Был кто-то, кто вкладывал в меня техники, движения, эту способность выживать.

«Кровь Нин — это особая кровь».

Значит, я не случайно ношу этот знак на груди.

«У клана Нин много врагов».

Те, кто пытался меня убить, не остановятся. Рано или поздно они узнают, что я жива. Они придут за мной.

Я закрываю глаза.

И передо мной встаёт бамбуковая роща. Шелест листьев. Запах жасмина. И женский, усталый голос.

«Твоя рука должна быть быстрее твоей тени».

— Кто ты? — шепчу я в темноту.

Эти образы быстро ускользают.

И где-то далеко, за гранью сна и яви, всё так же шелестит бамбук.

Глава 3

«Самая тёмная ночь не может спрятать того, что луна освещает. И даже самая глубокая тайна не может укрыться от тех, кто умеет слушать тишину».

(Из наставлений клана Нин).

Проходит несколько дней.

Я почти поправилась.

Возвращаться к жизни, вызывает странное чувство. Словно весенняя река, которая медленно оттаивает после долгой зимы.

Раны затянулись. Но ещё остались розовые рубцы, которые чешутся, когда я лежу неподвижно, и напоминают о себе при резких движениях. Я уже не хриплю, не задыхаюсь после каждого шага. Мои ноги держат меня. Мои руки слушаются.

Лекарь Хуа приходит каждый день.

Утром, с неизменной пиалой горького отвара. Днём проверяет пульс и щупает лимфоузлы. Вечером приносит новые пилюли.

— Твоё тело восстанавливается быстрее, чем я ожидал,
— говорит лекарь Хуа.

— Это плохо? — спрашиваю я.

— Это необычно, — он смотрит на меня поверх очков.

— Такие раны заживают месяцами. А ты, как бамбук после

дождя. Тянешься вверх, даже когда тебя пытаются сломать.

Я усмехаюсь.

— Будешь выполнять все мои наставления, и через несколько дней сможешь бегать, как ни в чем не бывало.

Он уходит. Я остаюсь одна.

В последнее время, принц не наблюдает за мной так пристально, и я смогла наконец-то, расслабиться.

Сегодня вечер выдался ясным.

Снег перестал покрывать землю своим покрывалом. Небо очистилось от туч, и луна вышла из своего укрытия. Она огромная, похожа на старый нефритовый диск, который кто-то повесил над миром, чтобы осветить путь заблудшим душам.

Я стою у входа в шатёр.

Вокруг только лагерь. Костры. Тени солдат, играющих в кости. Ржание лошадей. Где-то вдалеке виднеются горы. Чёрные, молчаливые, похожие на спящих драконов, свернувшихся в кольца и застывших в вечном сне.

Принц Ли сегодня занят.

С утра к нему прибыли гонцы из столицы. Я видела троё всадников в чёрных плащах, с печатями на поясах. Они проскакали через лагерь, и скрылись из вида.

Я стою у старой сосны, что растёт в десятке шагов от шатра принца.

Ветви её покрыты инеем, и при каждом порыве ветра с них срываются серебряные хлопья, кружатся в воздухе, как

призраки, и тают, не долетев до земли. Я прячусь в тени, сама не зная зачем. Может быть, любопытство?

Голоса доносятся отчётливо.

Шатер принца из толстой верблюжьей шерсти, но не выдерживает он и шепота, когда говоришь слишком громко.

— Как вы и предполагали, это были люди Чжао, — говорит чужой, хриплый голос. — Они устроили засаду нашим и выдали себя за сборщиков зерна в уезде Динсин. Смерть нескольких десятков человек — тоже дело рук повстанцев.

Пауза.

— Я подозреваю, что инциденты со сбором зерна и смерти в провинции Чун также связаны с ними.

Тишина.

Потом, голос принца.

— Мо Янь, — говорит он. Спокойно. Холодно. Как будто обсуждает погоду, а не смерть десятков людей. — Скажи мне, те сто тысяч ши зерна, которые прошли через руки торговца Сяо... Как думаешь, куда они были отправлены?

Столько зерна хватило бы, чтобы накормить целую армию.

— Торговец Сяо утверждает, что зерно ушло в восточные провинции, — отвечает Мо Янь. — Но у меня есть сведения, что караваны свернули с торгового тракта у перевала Белого Тигра и ушли на юг.

— На юг? — переспрашивает принц. В его голосе появляется что-то опасное. Как лёд, который трескается под но-

гами, но ещё не провалился. — На юг — это в Да Чэнь.

— Именно, Ваше Высочество.

— Значит, зерно ушло к врагу, — наконец говорит принц.
— А сборщики зерна — всего лишь прикрытие. Кажется, я догадываюсь кто за этим стоит.

— Пока неизвестно, Ваше Высочество. Но я провожу расследование.

— Расследование? — в голосе принца звучит усмешка, холодная, как зимний ветер. — Ты проводишь расследование, Мо Янь, а тем временем кто-то в столице продаёт наше зерно тем, кто завтра придет с мечом к нашим воротам. Хорошо. Очень хорошо.

Он замолкает.

Я слышу, как он ходит по шатру, как скрипят доски под его ногами.

— Возвращайся в столицу, — говорит он. — Узнай, кто получал зерно. Кто подписывал бумаги. Кто закрывал глаза. И когда узнаешь — не докладывай мне. Доложи отцу. Пусть император знает, какие змеи греются у его трона.

— А вы, Ваше Высочество?

— Я останусь здесь, — голос принца становится тише. — У меня есть другие дела. Более важные.

— Более важные? Ваше Высочество, вы же сами знаете, что если зерно ушло к врагу, то это не просто кража. Это подготовка к войне. Армия Да Чэнь не сможет наступать без провизии. Значит, они уже получили то, что им нужно. А это

значит...

— Я знаю, что это значит, — перебивает принц. — Это значит, что враг готовит наступление.

— Тогда зачем вы остаётесь здесь, на границе, с горсткой солдат, без провизии, без подкрепления? — Мо Янь почти кричит. Я слышу, как он делает шаг отчаянный шаг вперед. — Ваше Высочество, позвольте мне отправить вас в столицу. Император должен прислать подкрепление... Вы должны доложить лично.

— Император не станет присылать подкрепление, — принц горько усмехается. — И ты знаешь, я не посмею вернуться без приказа.

— Ваше Высочество, — голос Мо Яня становится тише, но не теряет напряжения. — Провизии почти не осталось. Солдатом вскоре придется есть похлёбку из травы и коры. Если через семь дней не прибудет обоз — солдаты начнут бунтовать.

Он замолкает. Потом добавляет, почти шёпотом:

— А бунт на границе — это смерть для всех нас.

Страх в старых воинах уже не остаётся, его выжигают годы и битвы. Когда люди перестают верить в тех, кто ведёт их за собой, наступает хаос. Именно этого добивается вражеское государство.

— Разберись с этим сам, — говорит принц ледяным тоном. — В ближайшее время провизия должна быть здесь.

Он останавливается. Я представляю, как он смотрит на

карту, разложенную на столе.

— Я отправил гонцов три дня назад, — продолжает он. — Обоз уже в пути. Если всё пойдёт по плану — через пять дней у нас будет зерно, мясо и лекарства.

— А если не по плану? — спрашивает Мо Янь. В его голосе осторожность.

— Если не по плану, — принц усмехается, — то мы умрём. Если не от меча Да Чэнь, то от собственного голода. И это будет самая позорная смерть для воина — не пасть в бою, а сгнить в грязи, грызя сырую кору.

Тишина звенит, как струна цитры, на которой играют похоронный марш.

— Голодные солдаты не смогут воевать, — продолжает принц. — Это знают даже дети. Без провизии мы не выстоим. Кто-то при дворе не хочет, чтобы я вернулся.

Он замолкает на мгновение, о чем-то размышляя.

— Поэтому, Мо Янь, — голос его становится твёрже, — ты сделаешь всё, чтобы обоз пришёл. Подкупишь чиновников. Пригрозишь. Убьёшь, если понадобится. Но через пять дней зерно должно быть на границе.

— Я сделаю все, что в моих силах, Ваше высочество.

— Ступай, — произносит принц с безразличием.

Я слышу, как скрипит полог и кто-то выходит.

Отступаю в тень, бесшумно, и возвращаюсь к своему шатру.

Я думаю о том, что услышала.

Возвращаюсь в шатёр, надеясь на то, что меня никто не заметил. Полог закрывается за моей спиной, отрезая лунный свет.

Сажусь на циновку.

Сердце колотится где-то в горле от странного, щемящего чувства, которое я не могу понять.

Кажется, кто-то предал принца Ли Цзиньюаня.

Кто-то продаёт зерно врагу. Кто-то в столице плетёт интриги. Кто-то хочет его смерти.

Но почему меня должно это заботить?

Я закрываю глаза. В конце концов, он спас меня...

Передо мной возникает его лицо. Холодное. Высокомерное. На мгновение, поднимается ненависть, из ниоткуда.

Но где-то глубоко внутри, под слоем яда и пустоты просыпается что-то тёплое. Сочувствие? Понимание? Признательность за то, что он не дал мне умереть в снегу?

В конце концов, он генерал. На нем лежит груз ответственности...

В военном лагере не так уж и плохо....

Появились люди, которые обо мне заботятся, а не пытаются убить или унижить.

Странное чувство — когда кто-то беспокоится о тебе, не требуя ничего взамен. Я не помню, было ли это в моей прошлой жизни.

Лекарь Хуа приходит каждый день. Он ворчит, называет меня «упрямой девчонкой». Его голос всегда спокойный, ко-

гда он объясняет, как заботится о себе. Он смотрит на меня так, будто видит кого-то другого — кого-то, кого он знал давно и потерял.

Он заботится обо мне. Не потому, что приказал принц.

А для солдат, я лишь тень принца, слуга, вещь. Но есть кое-кто, кого я случайно встретила...

Его зовут Чэнь Ган.

Он молод... Может быть, лет двадцать. Широкоплечий, с грубым, обветренным лицом и добрыми глазами, которые не вяжутся с его военной формой. Он из тех, кто не задаёт лишних вопросов, но всегда готов протянуть руку помощи.

Я впервые заметила его, когда пыталась принести воду из котла.

Ведро было тяжёлым. Мои руки дрожали. Раны ещё не зажили, мышцы ослабли. Я споткнулась о камень и чуть не упала, расплескав воду.

Он подхватил ведро.

— Давай помогу, — сказал он.

За эти несколько дней мы успели с ним сблизиться. Когда появлялась свободная минутка, он приходил, чтобы помочь мне.

Я знаю, что Ли Цзиньюань разозлился бы, если бы узнал, что мне помогает кто-то из его солдат. Для него это было проверкой на прочность. Доказательством того, что я не обуза.

Но меня мало заботило, что подумает принц.

Я принимала помощь. Потому что была слаба. Потому что нуждалась.

После выполнения всех своих обязанностей, когда солнце уже клонится к закату, а лагерь затихает, готовясь к ночи, я могу наконец уделить внимание себе.

Моё физическое состояние настолько слабое, что даже простые передвижения даются мне с большим трудом.

Каждый шаг, как битва. Каждый вздох, как испытание.

Голова кружится так сильно, что мир перед глазами расплывается в мутное пятно, и я хватаюсь за столб шатра, чтобы не упасть.

Несмотря на головокружение, которое наваливается тёмной волной и угрожает утянуть в беспамятство. Несмотря на сбивчивое дыхание, когда лёгкие горят, как будто в них насыпали песка, а каждый выдох даётся с хрипом и свистом... Я заставляю себя работать.

До полного истощения сил.

До того момента, когда мышцы отказываются подчиняться, когда пот заливает глаза, когда сердце колотится где-то в горле, грозя выпрыгнуть наружу.

Теперь благодаря Чэнь Гану мне легче.

Когда я задыхаюсь после очередной работы он приносит кружку с холодной водой.

Сумерки опустились на четыре стороны, и быстро настала ночь.

Лёгкий туман в лагере сделал лунный свет призрачным.

Он струился сквозь мглу неохотно, как вода, которая пробивается сквозь трещину в плотине — тонкой, серебристой нитью, почти невесомой. Тени деревьев и шатров сливались с туманом, и казалось, что мир вокруг растворился в молочной реке, текущей между небом и землёй.

Я шла к шатру, пиная по пути, маленькие камни.

Внутри шатра мерцали огни. Свет просачивался сквозь плотную ткань. словно звёзды спустились с небес и устроили танец внутри этого грубого военного жилища.

Я откинула полог и вошла.

На письменном столе был развёрнут документ.

Свиток из плотной жёлтоватой бумаги лежал на столешнице, придавленный по углам бронзовыми фигурками львов. Иероглифы покрывали поверхность плотным строем.

Принц держал в руке военную печать.

Он застыл над тем местом, где следовало поставить её. Ещё не поставил, но уже занёс. В этом застывшем движении было что-то от хищной птицы, которая готовится схватить добычу, но медлит в последний миг, наслаждаясь предвкушением.

Печать была тяжёлой. Чёрный нефрит, вырезанный в форме лежащего тигра, сжимал в лапах свиток с иероглифами, которые я не могла разобрать издалека. Красная кисточка свисала с рукояти, качаясь в такт едва заметному сквозняку.

Звук поднимающегося полога заставил его поднять голову от раздумий.

Разглядев меня как следует, Ли Цзинъюань расслабил нахмуренные брови и глаза.

Будто внутри него натянутая струна ослабла на одно мгновение. Всего на одно. Но я заметила. Я научилась замечать эти мелочи. С тех пор, как поселилась в его шатре, я наблюдала за ним каждый день, каждую ночь, каждый час, когда он думал, что я смотрю в другую сторону.

Он не просто красив сегодня... Он прекрасен.

Он как холодное, смертоносное лезвие императорского меча, но притягивающее взгляд своей безупречной остротой. Как луна в безоблачную ночь — далёкая, недостижимая, но такая яркая, что невозможно отвести глаз.

Он одет в облегающее чёрное одеяние. Тонкий шёлк ложится по фигуре, как вторая кожа, не скрывая, а подчёркивая каждое движение, каждый изгиб мышц. Точный покрой и ручная вышивка золотой каймой делали его фигуру ещё более стройной и подтянутой. Золотые нити вились по вороту и манжетам, как побеги плюща.

Он держался отчуждённо, не подпуская к себе посторонних. Даже меня... Хотя я спала в его шатре, ела его хлеб, дышала его воздухом.

Если бы не его жестокий нрав... Он бы мне точно понравился...

Он поставил печать в левом нижнем углу документа.

Движение было точным, выверенным, как удар меча. Чёрный нефрит коснулся бумаги, и красная тушь оставила от-

печаток.

Он отложил печать в сторону.

Поднял глаза. Взглянул на меня.

— Я закончил, — говорит он. — Мо Цинчжао, садись.

Я слегка скользнула взглядом по документу, на котором только что появилась алая печать.

Я не успела прочитать ни одного слова, но увидела герб в верхнем углу. Императорский дракон, свернувшийся в кольцо, охраняющий покой империи.

Письмо из столицы.

Я почтительно склонила голову и села на циновку у входа. Перед ним, я каждый раз испытываю странное, неуловимое чувство, которое возникает между хищником и жертвой, когда они смотрят друг на друга и не знают, кто из них кто.

— Ты слышала, что сегодня говорил советник, — сказал принц утвердительно.

Я подняла глаза.

Он смотрит на меня. Спокойно. Бесстрастно. В его чёрных глазах нет ни гнева, ни удивления.

— Что скажешь? — продолжает он.

Он знает, что я слышала их разговор. И даже не отхлестал меня за это.

Почему?

Проверяет меня?

Я уже видела гнев принца. В день, когда он держал меня за подбородок, сжимая так сильно, что остались синяки. Ко-

гда угрожал вырвать правду из моей глотки собственными руками.

Сейчас он смотрит на меня, как смотрят на доверенного человека. Но в этом взгляде нет доверия у него его нет ни к кому. Любопытство?

— Я слышала, — говорю я. — Не всё. Но достаточно.

— И?

— И я думаю, что ваши подозрения верны, — я смотрю прямо в его глаза. Не отвожу взгляда. — Я ничего не понимаю в политических интригах, но знаю, какими могут быть люди. Ради власти они готовы пойти на многое, а тем более, на предательство. Кто-то в столице продаёт зерно врагу. Кто-то из дворца хочет ослабить границу, а затем позволить государству Да Чэнь напасть, когда армия потеряет веру и силы. Каждый будет в выигрыше. Вас накажет Император, а Да Чэнь получит то, что хочет.

Принц усмехается. Смотрит на меня некоторое время, и от этого взгляда внутри все переворачивается.

— Ты не боишься меня, Мо Цинчжао, — наконец говорит он. Это не вопрос, а утверждение.

— Боюсь, — отвечаю я. — Наверное...

Он снова усмехается. Его так забавляют мои ответы?

Будто он проверил меня и остался доволен. И теперь может позволить себе эту маленькую, почти нежную снисходительность.

— Хорошо, — говорит он. — Ты свободна. Ступай и на-

бери мне воды в чан.

Я встаю.

Медленно поворачиваюсь.

Он уже не смотрит на меня. Его взгляд снова прикован к свитку. Пальцы теребят край бумаги, и я вижу, как под тонкой кожей перекачиваются тугие узлы мышц. Он спокоен. Он даже не думает о том, что только что сказал. Для него это обычный приказ, один из сотни, которые он отдаёт каждый день.

Для меня — это капля, переполнившая чашу.

Я злюсь. Горячая волна гнева поднимается откуда-то из глубины, из того места, где спит моя прошлая жизнь. Она обжигает горло, заставляет пальцы сжаться в кулаки, а зубы стиснуться так сильно, что сводит скулы.

Я сегодня и так уже вымотана.

До костей. До хруста в суставах. До той чёрной усталости, когда тело перестаёт слушаться, когда каждый шаг даётся через «не могу», когда я падаю на циновку и не нахожу сил даже на то, чтобы скинуть грязные бинты.

Я таскала воду. Я чистила доспехи. Я перебирала стрелы. Я молола рис. Я ходила, пока ноги не подкашивались, а лёгкие не начинали гореть огнём.

А теперь, снова?

Он издевается.

Он наверняка знает, как я устала. Видит это по моим глазам, по тому, как я хватаюсь за столб у входа, чтобы не

упасть. Он просто хочет напомнить, что я здесь никто. Вещь. Слуга, которая не смеет отказать.

И эта мысль злит меня ещё больше.

Я смотрю на него. А он, даже не смотрит в мою сторону.

— Ваше Высочество, — голос мой звучит твёрже, чем я ожидала. В нём нет почтения. Есть только гнев, кипящий под тонкой коркой самообладания.

Он поднимает голову.

В его глазах вспыхивает лёгкое удивление. Он не привык, чтобы ему перечили.

— Что-то не так? — спрашивает он, совершенно спокойно.

Я хочу крикнуть: «Я устала». «Я не железная». «В конце концов, мое тело ещё изранено, и каждый ваш приказ причиняет мне боль».

Но не говорю.

Потому что знаю, что ему всё равно. Слабость здесь не прощают. И если я сейчас пожалуюсь — он только усмехнётся и скажет что-нибудь вроде: «Тогда умри от усталости. Мне не нужны слабаки».

Я делаю глубокий вдох. Сдерживаю гнев.

— Ничего, Ваше Высочество, — говорю я ровно.

Он кивает. Отворачивается. Мне кажется, он снова усмехнулся, и это меня только больше разозлило.

Я выхожу из шатра, сжимая кулаки так сильно, что ногти впиваются в ладони.

Луна светит призрачным светом. Туман струится между шатрами, холодный, липкий, как паутина.

Когда наконец, все сделано, я возвращаюсь в шатёр.

Ноги не слушаются. Руки висят плетьюми, я даже не чувствую их. Спина ноет, плечи горят, в груди, колючий комок, который не даёт дышать полной грудью.

Добираюсь до лежанки.

Падаю без сил, как мешок с песком, который сбросили с телеги, не успев даже подстелить одеяло.

Я лежу на циновке, щекой в холодную ткань, и смотрю в одну точку.

Живот подводит от голода. А я ведь даже не успела нормально поесть сегодня.

Утром — только горький отвар лекаря Хуа. Днём — принц вызвал меня, нагрузил поручениями, не дав и минуты на передышку. Вечером — снова поручения.

Я не доела днем, потому, что у меня не было времени.

Закрываю глаза, и тяжело вздыхаю. Интересно, как я жила в прошлом? Надо мной тоже кто-то так издевался?

Вскоре, проваливаюсь в пустоту... Без снов.

Проходит несколько дней.

Провизии всё нет.

В лагере постепенно поднимается паника среди солдат.

Теперь в их глазах только страх. Тот самый, который живёт в каждом воине, даже самом храбром. Вместо трёхразового питания теперь их кормят один раз в день.

Маленькая миска жидкой похлёбки. Я вижу, как солдаты слизывают остатки с пальцев и как облизывают миски.

На место смирения, приходит злоба. Она тлеет в каждом их взгляде, в каждом сжатом кулаке, в каждом негромком проклятии.

Я догадываюсь, чем это кончится.

Голодные солдаты — это стая волков, готовая растерзать своего же вожака, если он не накормит их.

Спустя ещё несколько дней советник Мо Янь вернулся в лагерь.

Я стояла у шатра, когда его отряд въехал в ворота. Вместо того чтобы идти быстрым маршем с гружёными телегами, они тащились медленно, как похоронная процессия.

За их спинами всего несколько мешков. Всего несколько... Этого хватит на пару дней. Если сильно растянуть, то на неделю.

Мо Янь прыгнул с лошади. Его лицо было серым. Он прошёл к шатру принца, низко опустив голову, как побитый пёс.

Я слышала их разговор сквозь ткань.

— Простите, Ваше Высочество. Люди Чжао перехватили обоз. Они сожгли всё зерно. Нам удалось отбить только это.

— Сколько людей потерял? — голос принца был спокоен. Слишком спокоен.

— Сорок семь.

— А сколько убили?

— Двадцать три. Остальные ранены.

Пауза.

— Ваше Высочество, я не понимаю. Откуда они узнали маршрут? Обоз шёл тайно, в обход основных дорог. Кто мог предупредить их?

Принц не ответил.

Я представила его лицо в этот момент — холодное, непроницаемое, как каменная маска. Но внутри, я знала, он уже просчитывал. Уже думал. Уже искал предателя, который продал врагу не только зерно, но и жизни сорока семи солдат.

— Ступай, — наконец сказал он.

— Но провизия, Ваше Высочество...

— Я решу.

Мо Янь вышел. Его плечи поникли. Он выглядел старым, хотя ему было не больше сорока.

Я отошла от шатра, делая вид, что занята важным делом. Но внутри меня всё кипело.

Сорок семь погибших солдат... Голодный лагерь... И предатель, который сидит где-то рядом, вероятнее всего, в этом самом лагере, и ждёт, когда армия ослабеет настолько, чтобы враг мог ударить.

Я сижу у жаровни и думаю

Что бы сделала я на месте принца?

В горах водятся кабаны и олени. Но охота отнимет силы, а сил и так мало.

Рыбалка. В реке, что течёт в трёх ли к востоку, есть рыба.

Но лёд ещё не растаял, придётся прорубать лунки.

В лесу полно съедобных корней... Солдаты презируют их, но в голодное время сгодится всё.

План не идеален. Но это лучше, чем сидеть и ждать смерти.

Я встаю. Иду к выходу.

Но останавливаюсь.

Кто я такая, чтобы давать советы принцу? Безымянная девчонка, которую подобрали в снегу. Он не станет слушать меня. Он высмеет. Или прикажет молчать и не лезть не в свои дела.

Я возвращаюсь к жаровне.

Сажусь.

Смотрю на огонь.

Но я знаю, что могу помочь. Я почти поправилась, и могла бы помочь... Но я не могу заставить себя заговорить.

Пока я размышляла, сидя на циновке и глядя на догорающие угли, внутрь бесшумно вошёл принц.

Я даже не услышала шагов. Только лёгкий сквозняк коснулся моей щеки, и я подняла голову.

Он сел на резной стул, из тёмного дерева, с высокой спинкой, на которой был вырезан дракон, обвивающий облака. Сел, как обычно, скрестив на груди руки, откинувшись на спинку, вытянув длинные ноги в чёрных сапогах.

Он смотрит на меня, как на карту, оценивая слабые места, просчитывая ходы, взвешивая возможные потери.

— Поделись своими мыслями, Мо Цинчжао, — говорит он.

Не ожидала, что он спросит. Я даже немного опешила.

Губы приоткрылись, но слова не пришли сразу. Я моргаю, разглядывая его лицо, в поисках подвоха, насмешки, желания унижить. Но в его взгляде, только холодное, чистое любопытство.

Я делаю глубокий вдох.

— Ситуация сложная, — начинаю я осторожно. — Для войны нужны силы. Если солдаты голодны, они не смогут сражаться. Никакая стратегия не спасёт армию, которая падает от истощения.

Принц не перебивает. Только чуть склонил голову, показывая, что слушает.

— Вы могли бы отправиться в столицу, — продолжаю я. — Лично разобраться со шпионами, а затем доставить рис и зерно. Ваше присутствие там ускорило бы решение многих вопросов.

Я сделала паузу.

— Но что, если, покинув лагерь, вы оставите границу без защиты? Армия Да Чэнь только и ждёт момента, чтобы ударить. Возможно, они специально затягивают поставки. И когда вы уйдёте — нападут. Тогда, Ваши враги будут в выигрыше. Вас накажут, лишат звания и титула. Армию разгромят. Погибнет много людей.

Я посмотрела ему в глаза.

— Это не лучший вариант. Риск, из-за которого вы можете проиграть... Из-за предательства, которое сгноит вашу армию изнутри быстрее, чем любой враг.

Принц одобрительно кивнул. В его глазах мелькнуло что-то, похожее на удовлетворение.

— Хорошо, — говорит, почти без эмоционально. — И что бы ты делала в этой ситуации?

Я опустила взгляд на жаровню.

— Так как покинуть лагерь сейчас не вариант, остаётся только ждать. Но долго мы не протянем с той провизией, что у нас осталась.

Я подняла голову.

— Позвольте сказать, Ваше Высочество.

— Говори.

— Я знаю, что армия не привыкла охотиться. Навыков у них попросту нет. Империя всегда заботилась о солдатах и доставляла провизию вовремя — никто не учил их добывать еду в лесу и в реке. Это не их ремесло.

Принц слушал, не перебивая. Его пальцы, сложенные на груди, чуть стучат по рукаву. Это был единственный признак того, что он напряжён.

— Но что, если сейчас у нас нет других вариантов? — продолжила я. — Сейчас, нам важнее выжить.

Он смотрел на меня с любопытством.

Словно что-то пытался выяснить обо мне. В его чёрных глазах вспыхнул живой интерес. Словно он о чём-то догады-

вался. Словно мои слова подтвердили его подозрения.

Я не знала, что именно он искал. Возможно, все еще, пытаются выяснить о том, кто я на самом деле.

— Как ты и сказала, здесь нет охотников, — усмехается Ли Цзинъюань. — Боюсь, эти мужланы только распугают всех птиц и зверей. Да и рыбачить тут некому. Поэтому идея так себе.

— Позвольте пойти мне, — говорю я.

Тишина.

— Я не уверена, что получится, — продолжаю я, через некоторое время. — Моё тело ещё не полностью восстановилось. Но я думаю, что я могла бы помочь. Я знаю, где искать зверя и где ставить силки, думаю, что могла бы помочь и с рыбалкой.

Я не знаю, откуда во мне это знание. Но оно есть. Может быть, меня учили выживать в диких местах?

— Не обещаю, что все будут довольны, — добавляю я. — Но солдаты смогут поесть горячей похлёбки.

— Хорошо, — наконец сказал принц. — Это дело я доверяю тебе.

Он встал и подошёл к столу, взял лист бумаги, быстро нацертал несколько иероглифов. Не глядя, протянул мне.

— Возьми с собой несколько коренастых солдат, которые тебе подойдут, — говорит он. — И отправляйся завтра на рассвете.

Он поворачивается ко мне.

— Буду ждать хороших новостей, Мо Цинчжао. Это мой указ. Никто не посмеет с тобой спорить.

Я беру лист.

Пальцы чуть дрожат.

— Сделаю, что смогу, Ваше Высочество, — отвечаю я.

Он кивает и выходит из шатра.

А я остаюсь сидеть на циновке, сжимая в руке лист с иероглифами, и смотреть на огонь.

Завтра на рассвете я уйду в лес. Завтра я докажу ему, что я не просто слуга.

На следующий день принц собрал солдат, не дожидаясь первых лучей солнца.

Я стою у входа в мой шатёр, неподвижно застывшая, словно древняя сосна, укоренившаяся в земле. Легкий ветер касается моего лица прохладными пальцами. Мой взгляд устремлён вдаль, туда, где возвышается старая крепостная стена.

Там, на вершине стены, силуэт принца резко выделяется на фоне серого неба. Его длинные тёмные волосы развеваются подобно крыльям мифического дракона, парящего над полем битвы. Чёрный плащ колыхается на ветру, придавая ему величественный и грозный вид. Тысячи глаз прикованы к нему — одни полны надежды увидеть спасение, другие сверкают злобой и недоверием.

Голос принца громогласно разносится над равниной,

твёрдый и уверенный, лишённый малейших нот сомнений или страха:

— Мы ждали обоз с продовольствием. Но он не дошёл до нас...

Толпа всколыхнулась. Раздаются гневные возгласы, слышится плевок злобы и отчаяния. Воздух наполняется напряжением, острым, как лезвие клинка.

Но вот рука принца поднимается вверх, властным жестом призывая к тишине. Шум постепенно стихает, уступая место напряжённой тишине ожидания.

— Люди Чжао предательски сожгли нашу провизию, — продолжает он спокойно, но с силой, проникающей глубоко в сердца воинов. — Они надеются, что голод и лишения заставят нас обратить оружие друг против друга. Они мечтают видеть нас слабыми и разобщёнными, чтобы потом обрушиться на нас всей своей мощью.

Я чувствую, как холодок пробегает вдоль позвоночника, осознавая всю глубину замысла врага. Ветер усиливается, играя складками одежды принца.

Он обводит взглядом толпу.

— Они ошибаются. Мы — воины Северной границы и Великой империи Цинь. Мы не сдадимся врагу так просто.

Принц медленно поворачивает голову, его глаза, подобны раскалённым углям. Лицо его остаётся спокойным, лишь уголки губ едва заметно приподнимаются в холодной улыбке.

— Тогда мы будем пожирать врагов, — произносит он тихо, но голос его отчётливо слышен каждому в наступившей тишине. — Каждый воин Да Чэнь, павший от наших клинков, утолит наш голод.

Он отворачивается, бросив последний взгляд поверх голов собравшихся. Черты его лица резкие, словно высеченные из камня, отражают непреклонную решимость.

— Возвращайтесь в лагерь. Готовьтесь. Сегодня не многие из вас отправятся на охоту, под руководством моего доверенного лица. Охота начнётся с первыми лучами солнца.

Его фигура растворяется за зубцами древней стены, оставляя воинов в глубоком молчании.

Я остаюсь стоять у шатра, ощущая, как сердце бьётся чаще. Внутри растёт смесь восхищения и тревоги. Этот человек готов вести нас не только к выживанию, но и к победе любой ценой. Даже если цена эта окажется слишком высока.

С первыми лучами зимнего солнца мы выходим из лагеря. Принц доверил мне выбрать лучших солдат для охоты, и среди них — Чэнь. Лес встречает нас хрустом снега под ногами и морозным воздухом, который обжигает щёки. Я чувствую, как в груди разгорается азарт... Сегодня мы должны вернуться с добычей.

Мы движемся цепочкой по узкой тропе, окружённой заснеженными елями. Вокруг царит тишина, только изредка слышны крики птиц и далёкий треск веток. Я замечаю следы

косули и жестом останавливаю отряд. Солдаты замирают, их дыхание облачками растворяется в воздухе.

Я натягиваю тетиву, лук привычно ложится в руку, словно я делала это всю жизнь. Выстрел — стрела со свистом рассекает морозный воздух и вонзается точно в цель. Косуля падает, не успев даже дёрнуться.

Чэн смотрит на меня с восхищением, но я не могу объяснить ему, откуда у меня такая меткость. Это чувство внутри, как будто лук и я одно целое.

Дальше, у замёрзшего ручья, я показываю солдатам, как ловить рыбу через прорубь. Руки помнят каждое движение: как правильно держать острогу, где ждать появления серебристой тени. Один из воинов вытаскивает первую рыбу, и на его лице появляется улыбка.

Солнце поднимается выше, снег искрится, а я ощущаю странное единение с этим зимним лесом, с луком в руках и с людьми, которые идут за мной.

Мы разделились.

За моей спиной остались четверо солдат.

Чэнь Ган среди них. Он держит в руках грубое копьё, са- модельное, с наконечником из заточенного железа. Остальные — коренастые, молчаливые мужчины. Никто из них не задаёт лишних вопросов.

Мы уходим в лес все глубже.

Я иду первой. Мои ноги сами находят нужную тропу. Солдаты следуют за мной, стараясь ступать тихо, но я слышу

каждый их слишком тяжёлый, слишком неуклюжий шаг. Городские вояки. Они привыкли к плацам и казармам, а не к дикой чаще.

Я не оборачиваюсь. Иду вперёд, раздвигая ветки руками. Закрываю глаза, и мир преображается. Звуки рождаются из тишины, как цветы из утреннего тумана.

Тишина зимнего леса взрывается тысячью голосов. Скрип снега под лапами зверьков становится отчетливым стуком барабанов, каждый звук резонирует в моем сознании подобно ударам бамбуковой палочки.

Холод пробегает мурашками по коже, но я чувствую каждое прикосновение воздуха, будто нежные пальцы танцуют по моему лицу. Ощущаю тепло дыхания дичи впереди, различаю едва уловимый аромат мускуса среди терпкого запаха хвойных игл, смешанного с дымком далекого костра. Шелест крыльев птицы, взлетающей с ветки, заставляет мое сердце замереть на мгновение, пока разум не распознает знакомый ритм её полета.

Пространство вокруг пульсирует жизнью, каждая деталь обретает четкость и ясность. Я знаю, куда идти, потому что мои чувства ведут меня вперед, сквозь белоснежную пелену зимы, навстречу добыче, скрытой в тени древних кедров.

Стрела ложится на лук.

Я не смотрю на цель. Я чувствую её. Кончики пальцев знают, куда полетит стрела, ещё до того, как я отпущу тетиву. Они помнят сопротивление воздуха, которое придётся пре-

одолеть моему выстрелу.

Когда я открываю глаза после выстрела, я вижу не только падающего зверя.

Я вижу нити.

Тонкие, серебряные, почти невидимые. Они тянутся от каждого дерева, от каждой травинки, от каждой снежинки, которая ещё не упала на землю. Они соединяют всё в этом лесу: прошлое с настоящим, жизнь со смертью.

Я не знаю, что это. Я использовала особую технику? Или... Дар? Проклятие? Быть может, это память, которую не смог вытравить даже яд?

Мы возвращаемся в лагерь затемно.

Ворота лагеря открываются перед нами, и я чувствую, как тяжелеют ноги. Снег под подошвами скрипит. Мешки с добычей оттягивают плечи солдат, но их взгляды стали другими. В них больше нет прежней насмешки или равнодушия. Теперь это уважение, и оно ощущается почти физически, как холодный ветер на щеках.

Чэнь Ган идёт рядом, его дыхание вырывается паром в морозном воздухе. Он не задаёт вопросов вслух, но я чувствую его изучающий взгляд на себе.

Мы входим в круг света от костров. Запах дыма смешивается с ароматом свежей дичи. Принц встречает нас у входа, его глаза скользят по добыче, по нашим лицам. Он коротко и сдержанно кивает.

Я отпускаю мешок, и он глухо падает на землю.

Поднимаю взгляд к небу. Уже так темно... Звёзды проступают одна за другой, как искры от костра. Лес остался там, за стеной лагеря, но его дыхание всё ещё со мной.

Эта жизнь похожа на ту, которой я когда-то жила?

Может, я была охотницей? Торговцем? Или наемным убийцей? От последней мысли меня передергивает... А иначе, как еще объяснить мои потрясающие навыки?

Глава 4

«Есть миллион путей к отступлению, но ни один из них не ведёт к победе».

(Принц Ли Цзинъюань)

Не прошло и двадцати дней, как смута усилилась.

Более тысячи солдат оказались втянуты в пламя войны, словно тягучего пожара, который тлеет под пеплом и вспыхивает в самых неожиданных местах.

Солдаты перешёптываются у костров. В их голосах тревога, что приходит перед тем, как судьба делает свой ход.

Застава занимает особое географическое положение.

Она находится в зазоре между южным государством Да Чэнь и империей Цинь — на узкой полосе земли, которую ни одна сторона не может назвать своей. В мирные годы обе империи пытались оспорить её, отправляя послов с картами и свитками, доказывая своё право на каждый клочок замёрзшей земли.

Настало смутное время...

Волнения среди пострадавшего от бедствий народа не утихли. Напротив, они разгораются всё сильнее, как костёр, в который подбросили сухих веток. Измождённые беженцы, с пустыми глазами и детьми на руках не просят еду. Они просят защиты. Но никто не может дать им то, чего нет у самого.

Прошения о помощи, словно снежные хлопья, летят в столицу Цинь.

Сотни гонцов, сотни свитков, сотни подписей и печатей. Они умоляют Императора прислать войска для усмирения. Но ответа нет. Или застревает где-то в чиновничьих канцеляриях, тонет в бумагах, исчезает в лабиринтах дворцовых интриг.

Все судачат о грядущей битве.

Солдаты у костров, торговцы, которые всё ещё рискуют возить товар через границу, даже лекарь Хуа, и тот бросает на меня короткие взгляды, полные беспокойства. Они полагают, что положение на границе стало критическим и армия Цинь выдвигается на подмогу.

Император наконец очнулся от своей дворцовой дрёмы и послал войска, чтобы защитить своих людей.

Лишь два дня спустя, когда прибыли донесения, император осознал, что что-то не так.

Началось оживлённое движение наших войск.

Колонны солдат приходят к заставе и не останавливаются. Их доспехи блестят в сером свете.

Армия Да Чэнь каким-то образом умудрилась переправиться на берег заставы Империи Цинь. Они надеялись, что их небольшой лагерь никто не обнаружит, но их обнаружили... Когда солдаты охотились в лесу.

Как они перебрались? Никто не знает. Река скована льдом, но лёд тонкий, он может не выдержать тяжести воору-

жённому солдата. Мостов нет. Бродов — тоже. И всё же они здесь. На нашей земле. С мечами и знамёнами, на которых вышиты чужие драконы.

Я сжимаю кулаки, когда слышу эту новость.

Испытываю ли я страх? Нет... Только холодную, тягучую тревогу, которая разливается по венам, как яд, запечатанный в моей крови.

Принц действовал быстро.

Тайком, под покровом ночной метели, он отправил шпиона в армию Да Чэнь. Я не знаю, кто это был. Не спрашиваю. Принц не любит лишних вопросов.

Белые хлопья кружились в воздухе, как призраки, и снегопад скрывал всё, что происходит на реке и за ней.

Воспользовавшись моментом, еще несколько шпионов пересекли скованную льдом реку.

Они захватили небольшой лагерь солдат государства Да Чэнь, на их территории.

Всего лишь несколько шатров, догорающий костёр, усталых воинов, которые не ждали нападения. Это была не великая победа. Но она дала то, что нужно было принцу: сведения... И время...

Я не знаю, что именно узнали шпионы.

В одно мгновение в столице поднялась великая смута. Все крупные семьи пришли в напряжение.

Те, кто владеет землями и титулами, кто привык решать судьбы империи за чашкой чая и красивыми фразами, сей-

час мечутся по своим поместьям, пишут письма, шлют гонцов. Каждый боится за своё. Каждый надеется, что буря пронесётся мимо, не задев его крыши.

В чернильно-чёрном мраке ночи бурные подводные течения стремительно несутся под толщей тяжёлого льда.

Лёд кажется прочным. Но где-то там, в глубине, вода продолжает двигаться. Так же и в столице. Все идет своим чередом. Снаружи — тишина и порядок. А внутри — хаос, который может прорваться в любую минуту.

Еще несколько дней позади. Принц почти все время отсутствует в лагере.

Я занята привычными делами.

Чищу рыбу, которую мы поймали вчера, режу на куски, бросаю в котёл. Чешуя блестит под тусклым светом фонаря, и я смотрю на неё, думая о том, что будет завтра. О том, увижу ли я рассвет. О том, кто я и зачем здесь.

Внезапно разносится оглушительный звук рога.

Он похож на журавлиный, величественный крик, такой, от которого замирает сердце и перехватывает дыхание. Этот звук не для тревоги. Это звук сбора. Сигнал к битве. Тот, который солдаты ждут и боятся одновременно.

Я медленно выпрямляюсь.

Прищуриваюсь, глядя в темноту за пределами лагеря.

Ночь темна.

Так темна, что не видно ни звёзд, ни луны. Только бесконечная чернота, в которой тонут даже самые яркие костры.

А дорога в темноте — ох, как нелегка.

Я не знаю, что ждёт нас впереди.

Прошлой ночью выпал большой снег, сугробы намело толщиной более фута. Боюсь грядущее сражение окажется совсем нелегким.

Я иду к шатру принца, чтобы принести ему и двум генералам ужин.

Жаровня наполнила комнату теплом. Красноватый свет мягко ложился на ткань шатра, на лица людей, на золотистые письма на столе. В воздухе плыли тонкие струйки дыма, похожие на призраков, которые танцуют свой вечный, печальный танец.

Я ставлю поднос с едой на свободный край стола. Но сегодня меня никто не замечал, потому что в шатре происходило нечто более важное, чем мое присутствие.

На тяжёлом столе из золотистого дерева лежит письмо.

Оно развёрнуто. Смотрю на ровные строки иероглифов, каллиграфический почерк чиновника высокого ранга. Стоит красная, яркая печать, как капля крови на снегу. Специальная печать Военного министерства, которую ставят только на самых важных бумагах.

Это письмо только что доставили срочной курьерской службой.

Письмо легло на стол принца меньше часа назад. И за этот час в шатре не смолкали голоса.

Сейчас принц сидит за столом. Два генерала стоят перед

ним, но без той подобострастной почтительности, которая бывает у придворных.

Ли Цзинъюань не стал скрывать содержание письма от своих приближённых. Письмо лежало раскрытым, так что генералы могли видеть каждое слово. Это был жест доверия.

Я замерла у входа, ожидая указаний принца, которых не последовало.

Взгляд генералов мрачен.

Тот, что стоит справа — широкоплечий, с сединой в бороде. Он сжимает кулаки так сильно, что побелели костяшки. Его лицо, обветренное северными ветрами, побагровело от гнева.

— Это уже слишком! — процедил он сквозь зубы. — Они просто посылают тебя на верную смерть!

Второй генерал молчит. Но его молчание красноречивее любых слов. Он стоит, скрестив руки на груди, и смотрит на письмо так, будто перед ним была не бумага, а ядовитая змея, готовая ужалить.

Принц сидит неподвижно.

Он оперся локтями о стол, переплел пальцы, крепко сжал их, и снова расслабил. Он всегда так делал, когда предавался раздумьям. Когда взвешивал слова, прежде чем произнести их вслух.

Пальцы сжались. Разжались. Снова сжались.

Помолчав, принц поднял глаза.

В его чёрных зрачках отражался огонь, который не могли

согреть ту бездну, что застыла в глубине.

— Замысел моего брата очевиден, — говорит он.

Голос его спокоен, как гладь озера, под которой скрывается водоворот.

— На этот раз мы отбились. Но войско Да Чэнь загадочно. К югу простираются равнины — ни гор, ни холмов, ни лесов. У нас не останется естественных преград для обороны.

Он замолчал. Провёл пальцем по карте, разложенной на столе — от заставы до самого сердца империи.

— Если Да Чэнь захватят заставу, они двинутся напрямик на гарнизон «Нефритовые ворота» Цинь. Поэтому заставу нельзя терять ни в коем случае.

Он поднял глаза на генералов.

— И государство Да Чэнь это прекрасно понимает. Потому что вскоре развернётся решающее сражение.

Тишина.

Я стою у входа, стараясь дышать как можно тише. Моё сердце колотится где-то в горле от напряжения.

Второй генерал, который молчал, наконец заговорил.

— Войска Да Чэнь не привыкли к морозам, — говорит генерал. — Затяжная война — их главный страх. Они будут совершать ошибку.

Принц кивает.

— Пару их городов всё ещё удерживаются нами. Не сумев взять их штурмом, Да Чэнь неизбежно пришлют подкрепление. Они предвидят нашу попытку перерезать путь снабже-

ния и готовы стоять там насмерть.

Он снова посмотрел на карту.

— Чтобы защитить гарнизон, нам нужно...

Его палец переместился к участку реки, где течение было самым быстрым, а берега самыми крутыми.

— Пересечь реку. Зайти с тыла. И захватить управу обла-сти Даньцзи на территории Да Чэнь. Тем самым мы перере-жем сообщение между севером и южными предателями.

Первый генерал усмехается. В этой усмешке нет и капли радости. Это напоминает решимость человека, который идёт на смерть, но не может отказаться.

— Верно, главнокомандующий Ли Цзинъюань всё верно рассудил, — отвечает он принцу.

В его голосе скользит уважение и боль. Потому что он по-нимает: этот план — не просто стратегия. Это ловушка. И принц идёт в неё с открытыми глазами.

— Медлить нельзя, — проговорил принц. — Иначе мы не удержим заставу.

Он поднимается с места.

Движение резкое, как у хищника, который готовится к прыжку.

— Отправляемся.

Они проносятся мимо меня, даже не взглянув в мою сто-рону.

Трое мужчин выходят из шатра так стремительно, слов-но за ними гнались духи войны. Полог взметнулся, впуская

внутри клубы холодного воздуха, и снова упал, отрезая меня от их голосов.

Но у меня плохое предчувствие.

Мои пальцы вдруг становятся холодными. В висках стучит. Я сжимаю кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогает сосредоточиться.

Я посмотрела на карту, оставленную на столе. Стрелы, обозначающие движение войск. Красные отметки там, где враг.

Застава, почти незаметная, но играет важную роль в стратегии принца. Если заставу захватят, то и гарнизон тоже. Затем, пострадают маленькие близлежащие города.

Я медленно собираю поднос и выхожу из шатра.

Ночь была тёмной. Луна спряталась за тучами, и только костры разрывали тьму маленькими, дрожащими островками света. Солдаты готовились к выступлению. Они седлали лошадей и проверяли свои мечи.

Я смотрю на них, размышляя о том, что многие из них не вернутся после этого сражения.

А принц...

Я не знаю, что будет с принцем, но плохое предчувствие поселилось глубоко в сердце.

Возвращаюсь в шатёр, где меня встречает лекарь Хуа. Его лицо, как всегда, спокойно, но в глазах читается тревога. Почти все солдаты отправились в наступление. Я даже не знаю, что происходит за пределами нашей заставы, и от этого на

сердце становится тяжело.

— Пока армия и принц будут сражаться на поле боя, чтобы отодвинуть границы Да Чэнь, мы останемся здесь. Хорошо заботься о себе. Надеюсь, у них получится благополучно вернуться.

Я ничего не говорю, лишь тяжело вздыхаю. В лагере остались только лекарь Хуа и всего лишь пара сотен солдат. Пока наша армия сражается на границе Да Чэнь, застава в безопасности, но тишина вокруг кажется зловещей.

Сажусь у очага, где тлеют угли, и протягиваю к ним озябшие руки. Хуа молча готовит отвар из трав, его движения плавны и выверены, как у мастера каллиграфии. В шатре пахнет сушёной полыньёй и имбирём — ароматами, которые всегда приносят покой.

Хуа подаёт мне чашу с горячим отваром. Пар поднимается тонкой струйкой, растворяясь в полумраке шатра. Я принимаю её обеими руками — жест уважения и благодарности.

Выхожу наружу. Лагерь погружён в сумерки. Факелы отбрасывают длинные тени на стены заставы, а над головой раскинулось бескрайнее звёздное небо. Ветер доносит далёкий вой волков. Сегодня здесь необычайно, непривычно тихо...

Я закрываю глаза и делаю глоток. Тёплая горечь разливается по телу, принося с собой странное спокойствие. Я не знаю, что ждёт нас завтра. Не знаю, вернётся ли армия с победой.

Едва забрезжил рассвет, когда внезапно в ночной тишине прозвучал отчаянный требовательный роговой призыв, пробирающий до костей, словно боевой клич раненого журавля, вдруг очнувшегося посреди бури. Не успев толком проснуться, я резко сажусь на циновке, поражённая непонятным звуком. Лишь накануне войска двинулись вперёд, отправившись в наступление, оставив лагерный стан пустынным.

Сначала моя голова пытается убедить себя, что солдаты вернулись, однако вскоре понимаю неладное. Это никак не победная фанфара — это предупреждение тревоги и опасности.

Спешно соскочив с постели, облачаюсь в одежды, автоматически совершая каждое движение так чётко и уверенно, как подобает опытному солдату, знающему цену внезапной тревоге. Надеваю колчан со стрелами, натягиваю пояс с луком и мечом. За пределами палатки нарастает неразбериха.

Становится ясно одно: нас предали. Противник прекрасно осведомлён, что в лагере почти пусто, большинство воинов ушло на фронт, оставив охрану всего в пару сотен человек. Но кем именно была раскрыта эта тайна? Кто оказался шпионом и предателем наших рядов?

Выбегаю наружу из своего шатра. Холод утреннего воздуха обжигает щёки, а ночное небо продолжает укрывать землю своими мрачными тенями. Кругом царит суматоха:

огоньки факелов метаются в разные стороны, создавая иллюзию беспокойных светлячков, неясные фигуры вражеских бойцов движутся между палатками, их острые лезвия отсвечивают зловещим блеском. Никому из окружающих неизвестно, что я девушка. Все видят во мне лишь воина.

Рука инстинктивно тянется к луку, натягивая тетиву. Она звучит нежно, как тонкие струны гуцинь под пальцами искусного музыканта. Пущенная стрела мгновенно исчезает в темноте, впиваясь прямо в сердце противника, занесшего оружие над юным солдатом. Тот замертво валится наземь, словно сломанное дерево.

— Оружие к бою! — звучат слова командира сквозь сумбур событий, хотя собственный голос кажется неслышным даже моим ушам из-за громкого стука собственного сердца.

Ночные злоумышленники действуют совершенно свободно и уверенно, зная расположение каждого уголка лагеря, каждая тропинка известна им лучше собственных пальцев рук. Их нападения похожи на стремительную охоту дикого зверя, жестокую и беспощадную.

Бегу вдоль лагерных шатров, стараясь оставаться незамеченной. Замечаю впереди солдата, который отважно сопротивляется двум нападающим одновременно. Его меч движется грациозно, как порывы свежего весеннего ветра в бамбуковых зарослях. Освобождаю одну стрелу — и один из преследователей тут же оседает, судорожно сжимая простреленное горло. Взгляд юного воина встречается с моим — ко-

роткий кивок благодарности выражает твёрдость намерений продолжать битву.

Хуа — наш лекарь, оказавшийся сегодня рядом, тоже участвует в сражении. Сам он не является профессиональным военным, но его деревянный посох ловко парирует атаки врагов, в другой руке у него бутыль. Метким броском он швыряет бутыль внутрь одного из больших шатров, где скрывались шпионы, и тот немедленно вспыхивает ярким пламенем, озаряя тьму алым светом.

Сознание обострено, чувства расширены. Запахи крови и дыма кружатся в ночном ветре, тени деревьев превращаются в призраков. Бегу дальше, к главным воротам крепости, где особенно жаркая схватка.

На входе уже стоит командующий чужой армии. Это крупный мужчина, чьи доспехи сияют, словно гладкая кожа легендарного дракона. Заметив меня, он ухмыляется презрительно:

— Думаешь, что остановишь нас в одиночку?

Не тратя время на разговоры, выхватываю меч и принимаю боевую стойку. Мой клинок встречает удар его оружия, высекая искры. Противник силен, но я намного проворнее. Быстро маневрирую, двигаясь подобно воде, проникая своим острием сквозь защиту и оставляя мелкие раны одна за другой. Наконец замечаю слабое место в его обороне.

Противник тяжело опускается на колени, удивлённый собственной гибелью, недоумение навсегда застывает в его

взгляде.

Сейчас, наша армия отбилась, враг спешно ретируется назад. Постепенно затихают крики убегающих солдат. Остаюсь стоять среди разрушенных шатров, дымящихся обломков, трупов убитых и раненных сослуживцев. Рукоять меча дрожит в моей ладони.

Кто-то нас предал.

Но кто же?

Мои глаза устремляются на восток, туда, где сейчас идёт настоящая битва нашей армии. Рассвет медленно прокрадывается на небосклон, постепенно осветляя мир новым днём.

Этот бой был лишь первым этапом пути.

Я мчусь к шатру лекаря Хуа.

Мои ноги уверенно несут меня вперёд — этот путь знаком мне лучше всего. Сотни раз проходила я между шатрами лагеря, миновала погасшие угли кострищ, забытые после боя панцири и шлемы, бросилась прямо туда, где лежат тела погибших солдат.

Трупов много.

Это наши воины. Противник был беспощаден ко всем без исключения.

Перешагивая через лежащих воинов, стараюсь избегать взгляда в их искажённые страхом лица. Однако боковым зрением невольно замечаю молодость одних, морщинистость других, вечное выражение ужаса на всех лицах разом. Ещё недавно эти люди мирно спали, даже не подозревая, что про-

буждение станет последним утром в их жизни.

Наконец добегаю до целителя Хуа, стоящего перед входом в свой скромный шатёр.

Старик совершенно спокоен. Его невозмутимость кажется невероятной для человека, на которого вот-вот обрушатся вооружённые враги. В руке он крепко сжимает холщовый мешочек с лечебными инструментами своего ремесла. Именно они составляли главный смысл его существования.

Увидев меня, лекарь приветствует спокойным голосом:

— Мо Цинчжао... Рад, что ты жива.

— Пока да, — отвечаю я хрипло. — Вам нужно покинуть лагерь!

Хуа лишь отрицательно качает седой головой.

— Это моё предназначение, — произносит он мягко, словно шорох сухих осенних листьев. — Я не умею воевать, но если сейчас сбегу, кто тогда позаботится о тяжелораненых? Кто сможет облегчить их страдания хотя бы ненадолго?

Лекарь Хуа не убегает от неизбежности смерти, он принимает её спокойно и достойно, достойнее многих молодых храбрецов.

Вражеская армия может в любой момент напасть на заставу, и скорее всего, мы не сможем выдержать очередное наступление.

— Хорошо, — заявляю я. — Тогда пока осмотрите раненных. Пусть ктонибудь поможет посчитать сколько погибших.

Целитель долго всматривается в мои глаза тяжёлым задумчивым взглядом, полным одновременно одобрения и лёгкой грусти.

— Ты хороший человек, Мо Цинчжао, — тихо произносит он и едва заметно улыбается уголком рта.

Из-за ближайшего шатра внезапно появляется шпион, что скрывался в нашей армии. Лишь миг, и выпущенная стрела пронзает его грудь, прерывая чужую жизнь коротким звуком выстрела.

Тело само повторяет привычные движения, впитанные годами тренировок и суровых уроков жизни. Готова защищать лекаря Хуа столь бережно, будто сама себя оберегаю.

Ведь в мире, наполненном жестокостью, коварством и кровью, существуют ценности куда важнее самой жизни. Есть священный долг, честь, которую нельзя нарушать, и люди, заслуживающие защиты до последнего вдоха.

Пока я дышу, крепость останется неприступна.

С момента последней битвы минул ровно день.

Я сижу на корточках у шатра лекаря Хуа, прислонившись спиной к деревянному столбу. Снег вокруг меня истоптан тысячами ног, перемешан с кровью, превратился в грязное, бурое месиво.

Небо накрыло плотной серой пеленой, словно сами небеса оплакивали произошедшую трагедию вместе с нами. Воздух пропитался тяжелым запахом, смешанным из свежей крови,

едкого дыма пожарищ и терпких ароматов лекарственных растений. Этот букет выражал одновременно боль, утрату и хрупкую надежду.

Число погибших превысило семь десятков человек. Тела солдат аккуратно выложили вдоль северного укрепления, укрыв грубым холстом. Столько же раненых собрано вокруг лагеря, и их голоса болью отзываются в душе каждого из оставшихся защитников. Безостановочно звучащие стоны и мучительные вскрики переплетались между собой, создавая непрерывную симфонию страдания. Лишь немногим больше осталось тех, кто способен поднять оружие и защищать наши рубежи. Перед лицом такой катастрофы повторный удар врага станет фатальным. После падения заставы враги возьмут наш гарнизон, после него небольшие поселения поблизости. Солдаты находятся далеко отсюда, и ожидать подкрепления бессмысленно.

Посреди всего этого ужаса я застыла неподвижно, ощущая тяжесть чужой крови, покрывшей мои руки.

Возле меня разверзлось целое море человеческих страданий. Одни звали матерей, другие зывали к духам предков, третьи замолкали, потерявшись взглядом в пустой бездне собственных воспоминаний. Настоящих лекарей в нашем лагере лишь двое: лекарь Хуа и его помощник, юный тихий юноша по имени Лин И. Руки молодого ученика заметно дрожали от бессилия и усталости, однако он отказывался давать себе передышку даже на миг. Но он был готов

следовать каждому слову наставника.

Сам Хуа сидел возле маленького костра, над которым кипел котел с целебным настоем. Лицо его выглядело еще бледнее обычного, морщинки казались глубже, но взор оставался спокойным и ясным, словно поверхность горного озера.

— Лин И! — позвал Хуа своим сиплым голосом своего ученика. — Поддай-ка мне тонкие иглы. Корень жёлтого цвета уже достаточно настоялся.

Юноша кивнул и сразу исчез во мраке палатки. Воспользовавшись моментом, я приблизилась к старцу.

— Лекарь Хуа, прошу вас, отдохните немного... — я произношу мягко.

Он поднял взгляд ко мне, в глазах читалась лишь глубокая усталость, но не было упреков.

— Только мертвые заслуживают покоя, Мо Цинчжао, — тихо ответил он. — Живые нуждаются в надежде. Что касается отдыха... Пусть он останется привилегией здоровых людей.

Вернувшись, Лин И передал учителю небольшой сверток тонких металлических игл. Тот осторожно взял инструмент и приступил к работе, совершая движения столь быстрые и точные, будто писал замысловатые китайские иероглифы на нежной ткани человеческой жизни. Юноша стоял неподалеку, держа наготове необходимые травы и бинты. Оба работали абсолютно молча, прекрасно понимая друг друга без единого слова.

Среди окружающего горя и смертельной опасности эти двое оставались воплощением стойкости духа и непоколебимой силы воли.

Неспешный ветер принес запах догоравших углей с поля за пределами стен крепости.

Моя рука крепко сжимает рукоять клинка. Один раз нам удалось устоять перед бедствием, но теперь, я не уверена...

Время подходит к закату. Небо окрасилось в багровый цвет, словно кисть небесного художника обмакнули в кровь павших. Снег тоже кажется кровавым, а может, так оно и есть. Земля впитала слишком много боли, чтобы оставаться белой.

Всё ещё тихо. Я отсчитываю секунды, вглядываясь в горизонт, в надежде, что принц Ли вернётся и нам больше не придётся терять людей. В груди пустота, смешанная с глухой тревогой.

Я усмехаюсь, сидя на холодной каменной кладке стены. Встаю и медленно прогуливаюсь вдоль дозорного пути. Под ногами скрипит снег, а ветер доносит запах дыма и далёких костров. Размышляю.

— Что же я должна делать? Я даже не помню своего имени... — шепчу в пустоту, но ответа нет.

Спускаюсь вниз. Шатры покосились, повсюду следы борьбы, а воздух пропитан стонами раненых. Командующий стоит у ворот, его взгляд тяжёл, как свинец. Он поднимается на

стену заставы, чтобы наблюдать за окрестностями. Его присутствие придаёт сил тем, кто ещё может сражаться.

Но не проходит и часа, как звук рога оглушает нас. Сердце пропускает удар.

Я срываюсь с места, взлетая на стену одним прыжком. Вглядываюсь в сумерки. Там, за кромкой леса, движутся тени. Они идут не таясь, уверенные в своей победе.

Я сжимаю лук.

— К оружию! — голос командующего разносится над заставой, и в нём нет ни страха, ни сомнения.

Я натягиваю тетиву.

— Если со мной, что-то случится, то ты должен продержаться до возвращения принца. Осталось не так много тех, кто может сражаться, — командующий хлопает меня по плечу, а в его взгляде застывает прощание.

Против нас врагов оказалось намного больше, чем ожидалось. Их тёмная масса катилась на нашу заставу подобно грозному чёрному потоку, сметающему всё на пути. Казалось, сопротивление бесполезно, ведь враг превосходил числом. По нашим подсчётам, вражеское войско состояло примерно из пяти сотен закалённых бойцов. Хотя это было далеко не огромное полчище, однако наших воинов, способных держать оружие и оставаться на ногах, оставалось едва ли сотня.

Мы вынуждены были начать отход. Наш лагерь погрузился в настоящий хаос. Солдаты падали один за другим, слов-

но сухие осенние листья, покрывшие землю кровавым ковром. Стрелой пронзило грудь командира. Он пошатнулся и тяжело осел на колени.

— Командир, держитесь! — мой собственный голос слышится от волнения, но я подавляю страх и слабость.

Глаза командира остаются ясными и твёрдыми, лишёнными малейшего признака ужаса.

— Ты должен убить их генерала... Только так они отступят, — кровь течет из уголков его губ, мешая говорить ясно. — Другого выхода нет...

Я молча киваю, чувствуя, как тёплая густая кровь командира пропитывает мои ладони. Оставшись на крепостной стене, я продолжаю отражать град вражеских стрел. Воздух наполняется резким свистом металла.

— Сдавайтесь немедленно, и мы позволим вам уйти живыми! — раздаётся громкий властный голос генерала государства Да Чэнь, перекрывая шум битвы.

Я лишь горько усмехаюсь. Ветер развеивает мои волосы, пальцы легко касаются струны боевого лука, ощущая знакомую вибрацию.

— Пусть небеса решат, кому сегодня умереть, а кому выжить! — отвечаю я громко, и мой голос звучит подобно звонкому удару бронзового гонга.

Вытащив стрелу из колчана, я внимательно всматриваюсь вдаль. Там, на фоне багрового закатного неба, возвышалась фигура врага. Его сверкающие доспехи переливались золо-

том, словно чешуя могучего дракона. Взгляд его выражал высокомерие и пренебрежение. Он не считает меня серьёзным противником и не берет в расчет.

Медленно и уверенно я натягиваю тетиву до отказа. Луком моим двигало спокойствие и решительность, гибкая древесина согнулась подобно молодой иве под порывом сильного ветра. Мир замер на мгновенье: затихли боевые крики, утих ветер, даже собственное сердцебиение казалось остановившимся.

Затем стрела стремительно покинула лук, устремившись вперёд быстрее самого ветра. Её движение чётко отпечатывалось в моём сознании. Но генерал увернулся.... Точнее прикрыл свою шкуру своим солдатом... Юноша вздрогнул, глаза широко раскрылись от неожиданности и шока. Руки судорожно потянулись к горлу, пытаясь остановить кровотечение, тело медленно соскользнуло с седла белого коня.

Повисло тяжёлое молчание, нарушаемое лишь тяжёлым дыханием солдат.

Я продолжаю стоять на вершине стены крепости. Холодный ветер играет складками моей одежды, руки продолжают слегка дрожать, сжимая лук. Я не смогла убить его...

На лице генерала вражеской армии играет самодовольная ухмылка, отражённая глазами, холодными и блестящими, будто два острых осколка ледяного зеркала. Моё сердце колотится, приходится отступать назад. Я спрыгиваю со стены крепости, приземляясь на землю. Хаос вокруг бушу-

ет всепоглощающим криком воинов, треском стрел и лязгом металла о металл.

Уверенным голосом отдаю команду солдатам готовиться к финальной схватке, хотя внутренне ощущаю холодное сжатие страха и безнадежности. Солдаты слушают меня, но беспокойство ясно читается на их лицах. Враг уже наступает, пробивая наши ряды, подобно стремительной реке, прорванной через плотину. Ощущение беспомощности охватывает всех, кто видит приближающуюся угрозу.

С осознанием бесполезности лука отбрасываю оружие прочь и вскакиваю на боевого коня, крепко сжимая рукоять своего меча. Лезвие кажется живым, вибрируя в руках и маняще свистя от нетерпеливости ощутить вкус крови врага.

Не задумываясь ни секунды, устремляюсь навстречу генералу вражеского войска. Несусь вперёд, забирая жизни врагов. Клинок движется плавно и быстро, подчиняясь воле хозяина. Ветер свистит в ушах, треплет волосы, выбившиеся из хвоста.

Наступает решающий момент. Наконец, оказываемся лицом к лицу с самим генералом государства Да Чэнь. Ни один из нас не проявляет слабости, сила против силы, воля против воли. Возникает странное ощущение, будто пространство само образует круговую границу вокруг нашего поединка, открываясь взглядам окружающих, вынужденных отступить.

Мечи сталкиваются, высекая снопы искр. Сталь звенит, как колокол на похоронах. Я атакую — он защищается. Он

атакует — я ухожу. Круги на снегу, разрывы в воздухе, удары, которые могли бы разрубить камень.

Никто из нас не уступает.

Я чувствую, как мышцы горят, как сердце колотится где-то в горле, как дыхание сбивается. Но я не останавливаюсь. Моё тело знает этот танец. Оно танцевало его тысячи раз.

Но он одним мощным ударом выбивает меч из моих рук, оставляя меня безоружной и уязвимой. Лезвие вылетает из пальцев, падает в снег, втыкается лезвием вниз. Я остаюсь с пустыми руками.

Его кинжал скользит вдоль плеча, разрезая кожу и оставляя глубокий след раны, острой болью обожжённой огнем поражения. Но даже эта боль не способна остановить меня. Убрав перчатки, обнажённые ладони уверенно принимают форму защитного жеста.

Без промедления наносимый удар раскалывается по лезвию вражеского оружия, превращая крепкий меч генерала в две половинки обломков. Следующим движением стремительно сокрушаю защиту врага, грубо переломив его правую руку, раздавленную стальной броней моего клинка. Раздается резкий звук ломающейся кости, подобный треску сухих ветвей под ногами охотника.

— Тайная техника клана Нин? — неожиданно произносит генерал голосом, наполненным смесью боли и узнавания.

Его вопрос застаёт меня врасплох. Снова клан Нин? Я потерялась в прошлом, лишилась памяти и теперь не могу

вспомнить своё прошлое, кроме инстинктивных движений тела, реагирующего быстрее мысли.

Ещё одно движение, едва уловимое взглядом, враг пытается нанести смертельный удар. Быстро откатившись, спасаюсь от острия клинка, освобождая длинные тёмные волосы, струящиеся потоком воды по моим плечам.

Видя меня свободной от пут и ранимой, генерал меняет тактику нападения. Глаза становятся опаснее, взгляд скользит жадно и нагло:

— Так ты женщина... — тон его голоса приобретает сладострастную окраску, полную властолюбия и похоти. — Пойдешь ко мне... Сделаешь меня счастливым...

Отвратительная фраза ещё не успевает закончиться, когда железная рука захватывает мою талию с силой стальных тисков. От соприкосновения с холодной кожей неприятеля мгновенно пробегает волна ужаса и отвращения.

Я молчу, сохраняя спокойствие, сосредоточенность и решительность. Без единого колебания завершаю начатый танец смерти последним аккордом удара.

Движением, которое нельзя назвать сознательным решением, мой скрытый клинок зазубренного ножа глубоко проникает в грудь генерала, разрывая ткани, мышцы и лёгкие. Его лицо искажено сначала недоумением, а затем ненавистью и обидой. Тело постепенно ослабевает, и жизнь покидает его медленно, оставив после себя смутное чувство облегчения.

Свободившись от мертвой хватки, сталкиваю труп обратно в белый снежный покров земли. Там оно лежит неподвижно, красный шлейф крови расширяется вокруг, образуя жуткое подобие цветка на белом фоне поля боя.

Наступившая тишина почти физически ослепляет уши, проникая глубоко внутрь сознания. Повсюду стоит напряжённое ожидание, пока враги останавливаются, глядя на свою поверженную фигуру лидера. После короткой паузы они начинают отступление. Но бой еще не окончен...

Стою среди поля боя, держа в руках испачканный кровью клинок. Рана на плече пульсирует жарким пламенем боли, волосы спутаны и липнут к мокрой коже лица. Медленно поворачиваю голову и рассматриваю собственные руки, покрытые красными пятнами чужой крови.

Можно ли считать это победой?

Клубы дыма медленно поднимаются вверх, сливаясь с багряной палитрой заходящего солнца.

Мои раны кровоточат обильно, кровь стекает по телу, ощущаемая тёплой и вязкой. Рядом продолжают последние вспышки сражения, однако голоса звучат приглушённо, будто издалека, окружающий мир теряет ясность и расплывается пред глазами. Пытаясь сосредоточиться, я погружаюсь в забытие, падая лицом вниз в белый пушистый снег, который мгновенно окрашивается моим алым дыханием жизни — последним подарком этой холодной земле.

С трудом поворачиваюсь на бок...

Раздаётся отчётливый звук конских копыт, гулко бьющих по замерзшей почве. Множество всадников мчатся, сопровождаемые скрипучим скрежетом металлических доспехов и оружия. Приближается кто-то чужой? Может быть, враги решили воспользоваться моментом нашей слабости и атаковать вновь?

Пытаюсь встать, отчаянно цепляясь за остатки сил, но тело уже отказалось подчиняться моей воле. Холод снега обжигает щеку, проникая внутрь, лишая последних остатков энергии. Нет возможности защищаться дальше... За нашу заставу я боролась до последнего вздоха...

Глава 5

«Сердце человека подобно колодезю: чем глубже, тем труднее разглядеть дно. Иногда мы сами не знаем, что скрывается в нашей собственной глубине».

(Из древних наставлений клана Нин)

Темнота смыкается вокруг, оплетая сознание своей плотной тканью. Однако сквозь нарастающую глухоту доносится близкий голос.

— Мо Цинчжао!

Чужие крепкие руки внезапно подхватывают моё тело, освобождая от тяжкого прикосновения ледяного покрова. Открыв глаза, с огромным усилием разглядываю склонённое надо мной, лицо человека. Глубокие черные, как бездна, глаза смотрят на меня с явственным облегчением.

— Принц... ? — едва слышно шёпотом произносит моё пересохшее горло, узнавая его голос.

Обняв меня крепко и бережно, его высочество прижимает к своей груди, позволяя почувствовать тепло своего тела даже через тяжёлые металлические латы. Вливающаяся в меня энергия помогает сдерживать боль и усталость, замедляя падение сознания во тьму.

— Потерпи немного.

Едва заметная улыбка коснулась моих губ, хотя внутри

сердце сжалось, осознавая неизбежное угасание собственных жизненных сил.

Окружающая реальность стремительно растворяется, оставляя лишь тени и смутные образы людей. И вот наконец наступает мгновение, когда последняя искорка света исчезает вовсе, окутывая душу глубокой чёрной завесой. Но прежде чем погрузиться в эту бесконечную ночь окончательно, я успеваю поймать пронзительный взгляд принца Ли Цзинъюань.

Острая боль пронзила плечо, будто острым лезвием холодного меча рассекли плоть. Боль пульсирует, распространяя горячую волну внутри грудной клетки. Не сразу открываю глаза — веки тяжеленные, словно налитые свинцом.

Перед глазами полутьма шатра, слегка подсвеченная дрожащим огнем тонких свечек. Запахи здесь необычные, но знакомые: аромат исходит от сухих целебных трав, которыми напитан воздух, а рядом витает едва уловимый запах цветов.

Пространство вокруг незнакомое. Аккуратно сажусь на край матраса, набитого мягкой овечьей шерстью. Шелест шелковой ткани неприятно громок в тишине, сердце колотится часто и тревожно. Это не моя палатка, каждая деталь здесь излучает сдержанную мощь и скрытую силу.

Поднявшись, смотрю вперед...

Мужская спина отражена в мерцающем огне свечей. Фигура идеальна, каждое движение выразительно подчёркнуто

игрой мышц: мощные широченные плечи плавно переходят в стройную талию, линия спины утончённа и красива, точно вырезана мастером-камнерезом.

Он поворачивается ко мне спиной, не подозревая, что я уже пришла в сознание. Взгляд цепляется за каждую линию его фигуры, вытесняя мысли о недавней ране и страшной битве. Губы пересыхают, кровь горячими толчками устремляется куда-то ниже, пока сердце бешено стучит в ушах.

— Ваше высочество... — вырывается из горла, еле слышно, надрывно, пытаюсь сглотнуть ком.

Сейчас он почти оделся, и я совсем не хотела оказаться ненужным свидетелем этой сцены, но разум отказался подчиняться, позволяя глазам жадно блуждать по каждому рельефному участку его обнажённого торса.

Он останавливается ненадолго, затем неожиданно ускоряется, торопливо набрасывая халат широкими нервными движениями, демонстрируя раздражённое нетерпение. Халат взметнулся вверх, ткань мгновенно падает на крепкие мужские плечи, завершив элегантный облик в один мгновенный, почти гневный рывок. Теперь он поворачивается ко мне вполоборота, давая возможность рассмотреть черты своего сурового профиля.

Лицо погружено в глубокую тень, однако заметно, как напрягаются мышцы челюсти, играя отчетливыми желваками. Воздух наполняется осязаемым напряжением, подобно густой завесе дыма благовоний.

— Очнулась наконец, — глухим низким голосом бормочет он, выдавливая несколько слов сквозь зубы, в которых отсутствует обычная ледяная дистанция.

От смущения прикрываюсь тонким покрывалом до самого подбородка, ощущая невыносимое покраснение кожи щёк. Стыдение перемешалось с чем-то запретным и притягательным одновременно.

— Я... Я не должна была — начинаю говорить я неуверенно, захлебываясь словами, растерянность мешала формулировке мыслей.

Принц делает уверенный шаг в мою сторону. Мой взгляд сталкивается с его, внезапно озарённым отблеском света свечи. В его глазах скрыта целая буря чувств, которую он обычно прятал за непробиваемой стеной отчуждения.

— Тебе удалось спасти заставу, Мо Цинчжао, — шепчет он тихонько, приближаясь все ближе.

Голос принца напоминает шепот сильного ветра перед грозой, рокошующий и опасный. Между нами всего несколько шагов, и расстояние сокращается с каждым дыханием. Свечение свечи открывает глубокие эмоции, укрытые раньше невидимой маской равнодушия на его лице.

— Ты молодец, — тихо добавляет принц, вытянув руку и аккуратно проводя пальцами по моим спутанным волосам, легонько касаясь кончиками пальцев моей щеки.

Простой нежный жест становится сильнейшим потрясением, опалая кожу ярче любого оружия.

Откуда берутся эти странные ощущения, будто тебя застигли на месте преступления? Сердце стучит бешено, щёки пылают огнём, точно приложились ладонью к горячей печи.

Я шарахаюсь прочь, прижавшись спиной к прохладной ткани шатра. Мои слова застряли глубоко внутри горла, пронзённые невидимой болью. Мысли спутаны...

Что с ним такое сегодня?

С каких пор он проявляет такую нежность ко мне? Он всегда был жёстким, суровым, жестоким принцем. Оценивал взглядом ледяного равнодушия, видел лишь пешку своей беспощадной игре власти.

Его рука, осторожно скользнувшая по моему лицу, была теплее любого огня, пробуждая чувство, которое никак не вязалось с человеком, казавшимся ранее каменным сердцем.

Взглянула в сторону, стараясь избежать этой бездны глаз. Дыхание сбилось, голова кружится, и я корю себя за свою слабость...

Его голос звучит мягко, почти ласково, лишённый привычной суровости:

— Мо Цинчжао...

Прижимаюсь ближе к стенке, отчаянно пытаюсь найти опору там, где её нет. Что я, черт побери, делаю! Голос предательски дрожит, выдавая моё смятение:

— Принц... Благодарю вас за спасение...

Теперь я испытываю страх не перед лицом врага, а перед собственным растущим ощущением, угрожающим рас-

шатать созданный мною мирок, такой непрочный и хрупкий.

Принц отступает назад, будто чувствует моё замешательство, и странно улыбается. Словно его забавляет мое поведение. Но, через мгновение, маска невозмутимого величия вновь возвращается на его лицо, холодное и неприступное.

— Отдохни, Мо Цинчжао. Ты ещё недостаточно оправи-
лась.

Он отворачивается, затем выходит из шатра, оставив меня одну в сумрачных тенях.

На следующий день, когда рассвет едва окрасил горизонт в цвет расплавленного золота, в шатёр входит лекарь Хуа. Его шаги медленны, плечи опущены от усталости, но глаза, как всегда, цепко осматривают меня.

Я сижу на краю матраса, уже одетая в простую рубаху, и разминаю плечо. Рана ноет, но это лишь досадная мелочь, как напоминание о недавней битве.

— Хорошо, что всё обошлось, — говорит он усталым голосом, в котором слышу глубокое облегчение. — Ты могла бы умереть.

Я усмехаюсь, глядя ему прямо в глаза.

— Умереть? Лекарь Хуа, — я поднимаю бровь, и в моём голосе звенит игривость. И с чего у меня сегодня такое хорошее настроение? — Вы же знаете, что я слишком упряма для этого. Смерть не посмела бы забрать меня, зная, что вы обязательно найдёте способ вернуть меня обратно. Я была

уверена: пока ваши иглы острые, а отвары крепки, я буду дышать.

Я запрокидываю голову, и прикладываю руку ко лбу, как обычно делают в спектаклях.

Он смотрит на меня долгим, изучающим взглядом, а затем его губы трогает едва заметная улыбка. Лекарь Хуа так редко улыбается, что мне это даже польстило.

— Твоя дерзость не уступает твоему мастерству с луком, Мо Цинчжао. Иногда мне кажется, что ты специально ищешь смерть, чтобы потом поспорить с ней и выиграть.

Я смеюсь, и звук моего смеха кажется чужим в этой тишине. Мое настроение сегодня, действительно замечательное. Мы потеряли много жизней в сражении, но выстояли. В противном случае, могло погибнуть гораздо больше людей...

— Я не боюсь смерти. Я боюсь прожить жизнь так, чтобы небеса не заметили моего ухода, а живые забыли. Хочу оставить после себя хоть что-то! Хоть какую-нибудь память о том, что когда-то существовала такая, как я...

Хуа качает головой, но в его глазах я вижу одобрение. Он подходит ближе и начинает осматривать мою рану. Его пальцы легки, но уверенны.

— Ты говоришь как поэт, а сражаешься как демон. Странное сочетание для той, кто даже не помнит своего прошлого.

Я замираю на мгновение. Тема моего происхождения всё ещё висит в воздухе между нами, как незаданный вопрос.

— Прошлое — это лишь тень, Хуа-ши. А я живу светом

настоящего. И сейчас этот свет говорит мне, что враг разбит. А я... Я всё ещё здесь.

Я ловлю его взгляд и не отпускаю.

— Не бойтесь, я не стану по-напрасну рисковать своей жизнью. Тот, кто однажды посмотрел в глаза смерти, перестаёт бояться даже гнева богов. Но он знает: за чертой — лишь тишина, а по эту сторону — жизнь, которую нужно прожить достойно.

Лекарь Хуа не отвечает, а лишь крепче затягивает повязку на моём плече. Знаю: он злится. Теперь мне кажется, что мы с ним даже немного похожи. Он не стал задерживаться, и как можно скорее покинул шатер. Хотя, обычно он всегда оставался подольше, чтобы поболтать со мной.

Под дневной полуденный зной я покидаю своё укромное место и направляюсь туда, где каждый день происходит распределение пищи среди солдат. Моя одежда, как всегда простая: грубоватая холщовая рубашка, опоясанная широкими ремнями, да такие же простые штаны, какие носят прислуга или молодые воины. Лица моего почти невозможно разглядеть под тёмным капюшоном, который скрывает мои черты. Здесь, в таком виде, я всего лишь одна из множества теней, тихо пробирающихся меж палаток. Среди множества похожих фигур мой облик сливается с общей массой, растворяя мою личность в массе безликих лиц, создавая странное ощущение свободы, тяжёлой и горько-сладкой одновременно.

Проходя сквозь людской поток, я постоянно сталкиваюсь

с любопытствующими взглядами, слышу приглушённые разговоры. Воины, которых я вижу вокруг себя, совсем недавно пережили страшные события.

Некоторые солдаты благодарят меня и хлопают по плечу с такой энергией, что чуть ли не сбивают меня с ног. Я ловлю себя на мысли, что такая реакция приятно греет душу, однако радость быстро сменяется тяжёлым чувством тревоги.

Есть вещи куда важнее простого восхищения. Ещё утром лекарь Хуа сказал нечто такое, после чего внутри будто оборвалась струна. Командующий не выжил...

Сердце моё сжалось, дыхание перехватило, губы невольно сжались в тонкую линию. Командира знали и уважали многие. Он был одним из генералов армии империи Цинь... Уважение заслужил честностью и справедливостью, которые столь редки в нашем беспокойном мире. Смерть забрала одного из немногих достойных лидеров нашего войска. Благодаря ему мы смогли продержаться так долго...

От этих мыслей настроение моё омрачилось настолько сильно, что даже привычная еда стала безвкусной. Взяв глиняную чашу с горячей кашей и простыми овощами, я ощутила лишь её тяжесть в руках, не почувствовав вкуса еды. Вместо приятного аромата блюд, передо мной возник чёткий образ покойного командира, строгого человека с благородством и мудростью, явственно ощущаемый в каждом жесте, каждой произнесённой им фразе.

Приказ выполнен... Победа далась нам большой ценой.

Теперь, стоя посреди оживлённого лагеря, окружённая звуками повседневной суеты, я понимаю, насколько многое изменилось. Рёв лошадей, звон металла, голоса солдат, занятых повседневными делами, кажутся чужими и далёкими. Мир вокруг стал серым и затуманенным, лишённым ярких красок и радости.

Голова поднята вверх, навстречу чистому синему небу, пронизанное светом солнца и прозрачностью воздуха. Смотря вдаль, представляю себе, как души погибших бойцов собрались далеко-далеко, за пределами этого мира, радуются пиршеству в загробных покоях наших великих предков.

Склонившись низко, делаю глубокий поклон невидимым силам:

— Пусть ваши души найдут вечный покой. Ваш подвиг навсегда останется в памяти народа.

Выпрямившись вновь, плечи мои распрямляются, грудь расширяется, наполняемая уверенностью. Миска с едой кажется легкой в моей крепкой руке.

Едва ступив ногой вперед, я тут же ощущаю твердую преграду — чья-то мощная грудь, словно высеченная из монолитного камня. Медленно поднимаю взгляд вверх и встречаюсь глазами с ним...

Его лицо идеально и безупречно, подобно холодной поверхности драгоценного нефрита, лишенной малейшего изъяна. Черные глаза, глубокие и таинственные, словно бездна ночи, устремлены прямо на меня, проникая сквозь душу и

выжигая изнутри. От такого взгляда теряется нить мыслей, слова застревают в пересохшем горле, и я совершенно не знаю, что сказать.

— Ты практически ничего не ела сегодня... — замечает он твердо, с оттенком властного неодобрения в голосе. Принц делает еще один шаг навстречу, и я инстинктивно отступаю назад, пока спинка стула не прижимает мою поясницу, лишая пути к дальнейшему отходу.

Чтобы удержать равновесие и немного успокоиться, я осторожно опираюсь ладонью о грубую деревянную столешницу. Пространство между нами внезапно наполняется густым, тяжелым воздухом, словно сама атмосфера стала вязкой и плотной.

— Ваше Высочество? — едва слышно шепчу я, поражённая внезапностью встречи, и чувствую, как сердце резко пропускает удар.

— Садись, — коротко командует принц. Это не предложение, а категоричный указ, обязательный к исполнению. Холодным жестом он показывает взглядом на простую лавку, стоящую позади меня.

Сегодня он выглядит иначе, не таким обаятельным и приветливым, каким казался накануне. Исчезла привычная вежливая маска, обнажилась истинная сущность. Сейчас передо мной стоит опытный командир армии, а вовсе не простой смертный мужчина.

— Тебе лучше? — отрывисто бросает он, внимательно на-

блюдая за моей реакцией.

— Да... — тихо отвечаю я, боясь даже моргнуть.

— У меня есть несколько вопросов к тебе, Мо Цинчжао...
— медленно произносит он, наклоняясь ближе, и его высокая фигура целиком заслоняет собой свет, оставляя меня в тени его присутствия.

— Да... — покорно соглашаюсь я, почувствовав лёгкий озноб, пробегающий вдоль спины.

Принц занимает место напротив, однако держит достаточную дистанцию, подчёркивая своё положение и власть над ситуацией. Каждое движение его рук и тела исполнено точности и уверенности. Он берет деревянные палочки для еды, но не прикасается ими к пище, а лишь машинально вращает их длинными пальцами, словно задумавшись.

— Что за технику ты использовала, когда сражалась с генералом армии Да Чэнь? — его взгляд проникает глубоко внутрь, словно стремясь прочесть самые потаенные мысли.
— Твои умения стрельбы из лука впечатляют, владение мечом тоже на высоком уровне, но вот твои техники... В империи Цинь... Не изучают такие техники...

Горло сжимается сильнее, и я с трудом проглатываю образовавшийся там комок страха.

— Я... Не знаю, Ваше Высочество. Просто мои руки двигались самостоятельно. Всё произошло... Словно естественным дыханием.

На мгновение он хмурится, и между бровей появляется

резкая вертикальная линия.

— Знаешь, откуда эти техники? Я скажу... — молчание длится недолго. — Только кланы и школы государства Да Чень изучают похожие боевые искусства! — От неожиданности я замираю, кровь стремительно покидает моё лицо, делая кожу бледной и прозрачной.

— Я абсолютно ничего не помню о своей прошлой жизни до момента появления здесь. Все эти слова... Всего лишь пустой звук.

Некоторое время принц Ли сохраняет молчание, отложив палочки в сторону. Между нами напряжённая тишина, прерываемая лишь отдалёнными шумами военного лагеря.

— Ты опасна, Мо Цинчжао... — наконец произносит он тихим голосом, звучащим сейчас особенно опасно и угрожающе. — Если ты действительно имеешь отношение к атаке на заставу... Тогда многое меняется.

Сейчас он смотрит на меня уже иначе — не как на простого солдата или героиню пограничной заставы, а как на сложную головоломку, решение которой имеет для него жизненную важность. А может даже, как на врага...

— Думаете, я шпионка?

Я отчётливо осознаю: с этой минуты я превратилась в цель, преследуемую самим принцем.

Он встаёт и подходит ко мне. Останавливается так близко, что я чувствую тепло его тела.

— Это мы еще выясним, Мо Цинчжао, — говорит он тихо.

— И лучше тебе не оказаться предателем...

Я усмехаюсь, не веря своим ушам.

— Ешь, — он кивает на миску с рисом на столе. — Силы тебе еще понадобятся.

Он разворачивается, и уходит, не оглядываясь.

А я смотрю ему вслед и чувствую, как сердце бьётся где-то в горле.

Я действительно рисковала собственной жизнью, защищая эту пограничную заставу. Мой клинок испивал кровь наших врагов, а вовсе не красное вино пиршественных залов. Так почему же сейчас он смотрит на меня с такой настороженностью, словно я — та самая ядовитая змея, которую он сам пригрел на своей груди? Ведь ещё недавно принц вел себя совсем иначе...

Думала, он наконец начал доверять мне. Минувшей ночью он казался совершенно другим человеком — мягким, внимательным. Когда его пальцы едва касались моей щеки, их прикосновение ощущалось нежнее самой лёгкой снежинки, тихо опускающейся на кожу. И впервые за долгое время в его обычно ледяных глазах не отражалась привычная стужа.

Мне даже померещилось, что его взгляд задержался на моих губах немного дольше, чем позволял придворный этикет. Показалось, что в сердце принца вспыхнула искра чувств гораздо глубже простой благодарности. Но я ошиблась...

«О чём я вообще думаю?» — резко одёргивая себя я,

встряхивая головой, пытаюсь прогнать эти глупости прочь. Кто я такая? Женщина-воин, вынужденная скрывать собственную природу. А он — принц, тот, кому судьбой предназначено править армиями и владеть целыми королевствами. Между нами лежит бездна куда более глубокая, чем великая река нашего государства. Эти бредовые чувства подобны лёгкой ряби на поверхности воды, тогда как его жизненный поток течёт отдельно, никогда не пересекаясь с моим собственным путём.

Я внимательно рассматриваю свои руки, покрытые рубцами, давно привыкшие держать лук и рукоять клинка. Эти руки предназначены для битв, а не для шелков и драгоценного нефрита дворцовых покоев.

«Он подозревает меня, — понимаю я горько. — Он пытается найти во мне след возможного предательства».

Но разве способна настоящая шпионка пролить свою кровь за чужие земли?

Я крепко сжимаю кулаки, чувствуя боль в правом плече — живое напоминание о событиях недавней битвы.

Пусть думает обо мне что угодно. Пусть продолжает искать во мне врага.

«Если ты ищешь во мне врага, принц Ли, значит, ты ослеплён собственными страхами».

Следующий день прошёл для меня рядом с лекарем Хуа. Мы бродили по лесному краю, собирая целебные растения там, где снежный покров отступал, открывая взору чёр-

ную мокрую почву земли. Затем мы возвращались обратно в полевой шатёр, где дым стоял коромыслом от ароматов распаренной полыни и ароматного имбиря, создавая густой запах лечебной травяной смеси. Такие привычные, простые занятия успокаивающе действовали на мою душу, позволяя ненадолго позабыть обо всём ужасе войны и резне.

Прошла неделя с момента возвращения императорской армии из похода. Мой организм постепенно восстанавливался после полученных травм

Никогда бы не подумала, что потери окажутся настолько велики. Становилось страшно смотреть на опустевший лагерь. Между шатров царило гнетущее молчание, которое казалось тяжелей любых криков и стонов раненых солдат.

Чэнь Гана я не видела с тех пор, как он покинул заставу вместе с армией.

Сначала я не придавала этому значения. Думала, он ранен. Или в дозоре. Может занят... Солдат всегда есть чем занять. Но дни шли, а он так и не пришел.

Я не видела его коренастой фигуры у костра. Не слышала его низкого, чуть хрипловатого смеха. Никто не оставлял у входа в мой шатёр краюху хлеба.

Спрашивать о нём у принца я не решалась, поскольку его ледяной и пронизательный взгляд пугает меня сильнее любого клинка врага. Но причина даже не в страхе... Больше я боялась его ответа. Боялась, что он скажет: «Твой друг погиб. Забудь».

Я надеялась, что он просто ранен... Небольшое ранение.

Я пошла к его товарищам, к тем, кто жил бок о бок с ним в одной палатке.

Они сидели у костра в конце лагеря. Переглянулись. Раньше жизнерадостные и открытые, сейчас их лица стали сумрачно-суровыми. Стоит мне произнести имя Чэнь Гана, время будто останавливается, застывая неподвижностью холодной зимы.

Один из них, довольно молодой, с обветренным лицом и шрамом через всю щёку, покачал головой.

— Так, ты к Чэнь Гану, — говорит он.

Я киваю.

— Нет его, — говорит другой. — Нет и не будет.

— Что значит — нет? — мой голос звучит резче, чем я хотела.

Они снова переглядываются.

Шрам на щеке у молодого солдата дёрнулся, он сжал челюсть.

— Он переметнулся, — говорит юноша. — На сторону врага.

Один из воинов отворачивается, даже не поднимая глаз навстречу моему взгляду, и произносит слова, от которых замирает сердце:

— Чэнь Ган... Оказалось, он перешёл на сторону противника сразу после завершения операции наших войск. Вероятно, он с самого начала был предателем.

Мои ноги становятся ватными, голова кружится. Мир резко переворачивается вверх ногами, и земля уходит из-под ног.

— Что?! — едва слышно вырывается из моих губ. А они продолжают говорить, и каждая фраза падает подобно тяжёлым камням в бездну безответности.

— Всё произошло внезапно и неожиданно быстро. Многие погибли, другие попали в плен. Никто пока не знает, какая судьба ждёт оставшихся в живых... Это его вина...

Неужели Чан Ган действительно был врагом? Ведь он казался таким искренним! Единственным моим близким человеком здесь, в грубом мужском окружении, оставался именно он. Именно этот человек подбадривал, когда мне было плохо. Его тёплая добрая улыбка запечатлелась в моей памяти.

— Не может быть, — шепчу я.

— Может, — усмехается один из солдат. В его глазах — горечь. И злость, которая остаётся после предательства. — Мы все видели. Когда отряд достиг цели и готовился к решающему удару, он исчез. А наутро враг знал все наши планы. Они устроили засаду. Мы выжили чудом — только потому, что его высочество почуял неладное и изменил маршрут.

Он сплюнул в снег.

— Чэнь Ган ушёл к ним. Может, его завербовали давно. Может, он всегда был шпионом. Не знаю. Но теперь он враг. Я слушала, чувствуя, как внутри всё превращается в лёд.

Чэнь Ган — шпион?

И именно он оказался единственным другом в этом суровом, чужом лагере.

Стоя посреди лагеря, окружённая людьми, я ощущаю себя совершенно чужой этому месту. Картинка прошлого всплывает в сознании — образ спокойного Чэнь Гана исчезает, уступая место жестоким подозрениям. Мог ли он так хорошо притворяться ради исполнения тайного замысла? Или его дружеская улыбка была всего лишь фальшивой маской?

Лёгкий ветерок колышет пряди волос, играя ими, словно струнами лютни, но ощущение мороза пропадает. Внутренняя пустота заполняет всю грудь, лишив её тепла жизни.

Поднимаю взор к небесам. Сегодня оно такое же тусклое и равнодушное, как и мое внутреннее состояние.

Но что же делать дальше? Как убедить его высочество в своей полной лояльности и чистоте намерений? Победа над главным неприятелем генерала кажется теперь сомнительной, воспринимаясь принцем исключительно как элемент коварного вражеского замысла.

Сжимаю пальцы в кулак так сильно, что ногтевые пластины больно впиваются в кожу ладоней. Резкая физическая боль возвращает сознание ясности мысли.

Я возвращаюсь в шатёр. Сажусь на циновку.

Смотрю на огонь — угли догорают, тени пляшут на стенах. Этот танец теней успокаивает совсем немного. Всё проходит. Боль пройдет. Радость со временем испарится. И лю-

бовь не вечна. Остаётся только огонь.

У меня нет даже воспоминаний. Только пустота.

Почему Чэнь Ган сделал это? Из-за денег? Или он с самого начал был из армии государства Да Чэнь?

Весь мир сузился до одной-единственной мысли, что грызёт меня острее крысиной стаи.

Я постоянно думаю о том, каким взглядом, жестом или словом дала принцу повод заподозрить во мне врага? Неужели моя дружба с Чэнь Ганом была настолько очевидна, что бросила тень и на меня? Или, быть может, мои собственные умения, выпестованные неведомым прошлым, стали моим приговором?

Шпион...

Слово это липкое, как болотная тина. Оно пачкает всё, к чему прикасается.

Аппетит умер вместе с доверием. Лучше отдохнуть. Лучше думать о настоящем. В нём нет призраков прошлого и нет страха перед будущим. В нём есть лишь звон стали, скрип тетивы и дыхание ветра.

Я поднимаюсь и выхожу из душного шатра на воздух. Ночь опускается на заставу, укрывая её звёздным пологом. Я смотрю на эти холодные, далёкие звёзды.

Напротив небрежно стоит принц, прислонившись к опорному столбу шатра. Его руки скрещены на груди, и в этой позе сквозит не расслабленность, а хищная собранность леопарда, готового к прыжку. На нём надет чёрный парчо-

вый халат, расшитый узором из круглых цветов. Тяжёлая ткань мягко переливается в тусклом свете луны, подчёркивая стройность его фигуры.

В этом неверном, призрачном освещении, его изящное, словно выточенное из белого нефрита лицо казалось почти зловеще прекрасным. Высокие скулы, прямой нос и твёрдая линия подбородка — всё в нём говорит о власти и благородной крови. Чёрные глаза, как бездонные озёра в горах.

Мои пальцы невольно сжались в кулаки. Он следит за мной? Наблюдает из тени, как охотник за своей добычей? От этой мысли внутри поднялась буря.

— Ваше высочество!

Мой голос звучит громко. Услышав это прямое обращение, он едва заметно вздрагивает. Я вижу, как он удивлённо приподнял густые, чётко очерченные брови. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на... растерянность? Словно он не ожидал, что я так резко реагирую.

Он отрывается от опоры и делает шаг вперёд, выходя из густой тени в полосу лунного света.

— Мо Цинчжао, — его голос тихий и ровный. — Ты так громко приветствуешь меня. Неужели я напугал тебя?

Он подходит слишком близко, медленно, словно хищник. Я чувствую запах его одежды — смесь морозного воздуха, дорогого шёлка и едва уловимого аромата сандала. Он поднимает глаза, и наши взгляды встречаются. Его бездонные, чёрные как ночь зрачки, в которых отражается волшебное

сияние луны. В них нет прежней холодности, лишь глубокая, непостижимая тьма, в которой так легко утонуть.

Он слегка приподнимает уголок губ. Это не улыбка, а лишь её тень, но она преобразует его лицо, делая его почти пугающе прекрасным.

— Нам пора поговорить, Мо Цинчжао, — произносит он, и моё имя в его устах звучит не как приказ, а как признание.

Его голос бархатный, обволакивает меня, лишая воли. Он делает ещё один шаг, и теперь нас разделяет лишь вдох. Я чувствую жар, исходящий от его тела.

— О чём вы хотите поговорить, Ваше Высочество? — мой голос предательски дрожит, и я ненавижу себя за эту слабость.

Его взгляд скользит по моему лицу, задерживается на губах, и я забываю, как дышать. Весь мир сужается до его глаз, до его запаха, до его близости.

— О том, что ты скрываешь, — шепчет он, и его дыхание касается моей щеки. — И о том, что я должен знать. Может ты хочешь мне что-то рассказать?

Он протягивает руку и, почти невесомо, касается пряди моих волос, выбившейся из причёски. Этот простой жест обжигает сильнее раскалённого железа.

— Я... Я не понимаю, о чём вы, — пытаюсь отступить, но позади лишь опорный столб шатра.

Он не даёт мне пути к отступлению, упираясь рукой в дерево над моей головой. Мы заперты в этом маленьком про-

странстве наедине.

— Ты держишь меня за дурака, — его голос становится глубже. — Думаешь, я слеп? Ты рисковала жизнью ради людей, которые тебе никто. Почему?

Его пальцы скользят по моей скуле, и я закрываю глаза, не в силах сопротивляться этому сладкому плену.

— Я не понимаю, — шепчу я, чувствуя, как моё сердце готово выпрыгнуть из груди.

Он наклоняется ещё ниже. Его губы почти касаются моего уха.

— Кто ты такая? — выдыхает он. — И с кем ты виделась, пока мы были на границе?

Глава 6

«Цепь, которую можно разорвать, не удерживает даже птицу. Но цепь, которую боятся разорвать, удерживает дракона».

(Из древних наставлений клана Нин)

— Я ни с кем не видалась, — говорю я уверенно, хотя сердце стучится тревожно, словно чувствует приближение опасности.

Слова срываются с моих губ прежде, чем я успеваю подумать. Они звучат жалко, неубедительно, как мольба, а не оправдание. Я ненавижу себя за этот тон, за эту слабость.

Лицо принца застывает в каменной неподвижности. Проходит несколько секунд. Напряжение нарастает, заполняя пространство между нами незримым давлением.

И вот, внезапно он делает резкий шаг вперёд, протянув руку. Она молниеносно хватается моё запястье железной хваткой, которой невозможно сопротивляться. Ощущение паники охватывает тело, ноги перестают слушаться. Сильный рывок направляет меня прямо навстречу принцу, который стремительно увлекает меня внутрь шатра. Стены тяжёлых полотнищ мгновенно опускаются позади, отделяя нас от внешнего мира и оставляя снаружи всю возможную помощь.

Того человека, которого я видела вчера, больше нет. Неж-

ность исчезла бесследно, уступив место холодному и жестокому воину. Лицо принца становится жёстким, непроницаемым, взгляд устремлён далеко за пределы обычного понимания человеческих эмоций. Сейчас он кажется почти чужим существом, способным сломить волю целой армии одним своим взглядом.

С огромной силой он толкает меня к центральной колонне шатра, притискивая так крепко, что ощущение давления вытесняет весь оставшийся воздух из моих лёгких. Воздух свистит в ушах, тело парализовано. Рука принца скользит вверх по моему телу, останавливаясь на горле. Пальцы напряглись, сдавливая шею до состояния мучительной боли. Кажется, что мои кости могут хрустнуть, но он удерживает именно такую степень силы, при которой остаётся шанс выжить, испытывая невыносимое давление чужой власти.

Наклонившись ко мне ближе, его высочество шепчет едва слышно, однако каждое слово врезается острее лезвия меча.

Он прижимается к моему уху.

Я чувствую его горячее, прерывистое дыхание. Касание губ, почти нежное, если не знать, что его рука сжимает мою шею.

— Не делай из меня идиота, — шепчет он. — Разве ты не заметила, что за тобой следят? В этом лагере есть глаза и уши, которые не принадлежат нам. Они пришли вместе с солдатами, которых прислали из столицы... Только вот отношения к империи Цинь никакого они не имеют. Но по ка-

кой же причине они следуют только за тобой?

Хватка немного ослабевает, позволяя мне вдохнуть судорожно кислород, ощущая вкус свободы снова.

Я молчу.

Потому что не знала. Потому что не замечала ничего... Или не хотела замечать. Мои чувства, моя интуиция, подвели меня... Я не смотрела по сторонам. Я смотрела только вперёд.

— Если бы хотели тебя убить — убили бы. Я разве не прав?

Я делаю судорожный вдох. Воздух обжигает лёгкие, но это сладкая боль. А принц все продолжает говорить:

— Ты жива. Значит, ты им нужна. Вопрос — зачем?

Глядя в эти чёрные глаза, я чувствую ледяной ужас, пронизывающий каждую клеточку тела. Внутри них нет ни сочувствия, ни тепла, только неприкрытая подозрительность и настороженность.

Голос дрожит от волнения, когда я отвечаю еле слышно:

— Я... Совсем не должна... Оправдываться перед вами...

Принц улыбается горькой ухмылкой, полной горечи и презрения одновременно.

— Не должна? Твоя жизнь продолжается исключительно благодаря моей милости. Дышишь этим воздухом ты лишь потому, что я разрешаю. Если я увижу в тебе змею, которую тепло приютил на собственной груди, — его пальцы вновь сжимаются, отчего мир моментально теряет цвета и стано-

вится тёмным. — ...В таком случае я безжалостно убью тебя.

Он бросает мою руку столь же быстро, как и схватил минуту назад. Ноги отказывают служить, и я беспомощно съезжаю вдоль колонны на землю, жадно ловя кислород широко открытым ртом. Мужской силуэт возвышается надо мной с выражением омерзительного недовольства.

— Ничего не хочешь мне объяснить? — принц смотрит на меня. — Ты ведь искала Чэнь Гана сегодня. Не так ли?

Я не отвожу взгляда.

— Искала, — говорю я. — Мы были товарищами. Я должна была узнать, жив ли он.

— Жив, — принц усмехается. В его усмешке горечь. — И переметнулся к врагу. Ты знаешь это.

— Знаю.

Он молчит. Смотрит на меня. Я смотрю на него.

— Ты глупая, Мо Цинчжао, — наконец говорит он. — Или хорошо умеешь притворяться.

На мгновение принц замолчал, о чем-то размышляя.

— Если ты связана с ним, если ты шпионка, то я убью тебя своими руками. Не потому, что жесток. Потому что не могу позволить себе роскошь доверять. И тем более, врагу.

— Я не враг, — говорю я.

— Пока у меня нет доказательств, — он делает шаг ко мне, и опускается, облокотившись рукой о колено. Он не отводит взгляда. — Если ты лжёшь — боги будут свидетелями твоей смерти.

— Они и так свидетели, — шепчу я.

Он усмехается.

В последнее время я увлеклась. Я, словно глупый мотылёк, полетела на обманчивый свет пламени. Я расслабилась и доверилась. Повелась на ту хрупкую заботу, которую мне даровали, позволила себе на мгновение поверить, что в этом мире, пропитанном кровью и предательством, есть место для тепла. Я совсем позабыла, насколько этот мир жесток и неблагодарен.

Сжимаю кулаки так, что ногти впиваются в ладони, и смотрю прямо в глаза принцу. В моём взгляде больше нет ни покорности, ни страха — лишь холодная, стальная решимость. Он что-то увидел в глубине моих зрачков, и его лицо, на мгновение, изменилось. Маска безразличия треснула, обнажив удивление.

Я больше не стану доверять никому. Эта мысль — не просто решение, а клятва, высеченная на сердце.

Не поведусь на нежность и ласку, ибо они — лишь оружие, более смертоносное, чем отравленный клинок. Улыбка может быть западнёй, а тёплое слово — сетью, сплетённой для поимки добычи.

Я одна. У меня нет никого. В этом мире я — лишь тень, ветер, проходящий сквозь пальцы.

Но у меня есть цель.

Я всё ещё должна узнать о своём происхождении. Должна сорвать завесу с той тьмы, что поглотила мою память.

Узнать, кто пытался убить меня, и откуда я родом. Ответы лежат где-то во тьме моего прошлого, и я вырву их оттуда, чего бы это ни стоило. Я должна отомстить, а для этого мне нужно сохранить свою жизнь.

Пусть принц подозревает.

Я больше не жертва.

Принц долго смотрит на меня, его лицо, как непроницаемая маска из нефрита. В шатре висит такая тишина, что я слышу, как потрескивает фитиль догорающей свечи. А затем его высочество внезапно тихо смеётся. Это не смех радости, а горькая, едкая усмешка, от которой по спине пробегает холодок.

— Я пока не убью тебя, но и никуда не отпущу, Мо Цин-жао, — его голос звучит обманчиво мягко, но в нём скользит, что-то опасное. — Ты — загадка, которую я намерен разгадать. А мои загадки я предпочитаю держать там, где могу их видеть.

Я встречаю его взгляд без малейшего уступчивого намёка. Мой страх сгорел в огне его жестокости, оставив после себя лишь холодный пепел.

Из последних сил встаю на колени, стараясь не поднимать взгляда на принца. Прохладный ночной ветер колючими иглами впивается в разгорячённое лицо, но чувства отчаяния и гнева остаются такими же горячими, будто пламя огня опалило грудь изнутри.

— Если я захочу уйти, вы меня не удержите, ваше высо-

чество! — мой голос звучит ровно и твёрдо. В нём нет вызова, лишь констатация факта. — Я не ваша вещь, не ваша пленница. И моя верность не принадлежит вашей прихоти.

— Ты самоуверенна, — он усмехается снова, но в этой усмешке, уже не злость. Что-то другое. Принц встает следом, загораживая мне путь. — Продолжаешь бросать мне вызов.

— Я не бросаю вам вызов, — говорю я. — Я просто говорю правду.

— Правду? — он поднимает бровь. — Ты, у которой нет прошлого, нет имени, нет памяти, говоришь мне о правде?

— У меня есть имя, — я смотрю ему прямо в глаза, и разворачиваюсь, чтобы уйти. — Вы сами дали его мне. Мо Цинчжао. Чёрное прекрасное сияние.

— Ты необычная женщина, Мо Цинчжао, — тихо говорит он. — Я узнаю, кто ты, даже без твоей помощи!

Я уже почти скрылась за пологом своего шатра, когда его голос настиг меня, не терпящий возражений.

— Отдыхай, Мо Цинчжао. Завтра ты вместе со мной отправишься в столицу.

Его слова падают, как приговор, тяжёлые и неотвратимые. Я замираю, не успев переступить порог. Столица. Сердце Империи, где каждый камень — свидетель интриг, а каждый взгляд может быть последним.

Я медленно оборачиваюсь. Моё лицо — маска спокойствия, но внутри бушует ураган.

— В столицу? — мой голос звучит ровно, без единой эмо-

ции.

Принц стоит на том же месте, где я его оставила, скрестив руки на груди. Легкий ветер треплет его волосы, играет с полами халата, но сам он неподвижен.

Он кивает, не сводя с меня своего пронизывающего взгляда.

— Именно. Будешь под моим взором, — продолжает он. — Так мы быстро выясним, что ты скрываешь. Ты будешь жить во дворце. Под надёжной охраной.

Я смотрю в его чёрные глаза.

«Под надёжной охраной... Под замком.»

Я чувствую, как невидимые цепи смыкаются вокруг меня. Это не забота. Это плен, облачённый в шёлк и парчу. В столице я буду беззащитна. Там у меня нет ни друзей, ни союзников. Я буду одна против всего мира интриг и дворцовых пауков.

— А если я откажусь? — я вскидываю подбородок, бросая ему вызов.

Его улыбка становится шире, но в ней нет тепла.

— У тебя нет выбора, Мо Цинчжао. Я спас твою жизнь... Дал тебе имя... Теперь ты — моя. И я буду распоряжаться твоей судьбой так, как сочту нужным.

«Птица в золотой клетке никогда не будет свободна, даже если клетка украшена драгоценностями».

Вот она, моя судьба. Быть запертой в золотой клетке дворца, пока он будет искать ответы на вопросы, которые я сама

боюсь себе задать.

Я смотрю на него долгим, тяжёлым взглядом. В нём нет больше ни страха, ни покорности.

— Как прикажете... Ваше Высочество.

Я склоняю голову в формальном поклоне и, не дожидаясь его ответа, выхожу из шатра в ледяную ночь. Звёзды над заставой кажутся далёкими и безразличными.

Я выпрямляю спину и иду вперёд. *«Путь в тысячу ли начинается с первого шага».*

Даже если бы я могла сбежать, мне некуда идти. Моя душа — чистый лист, исписанный лишь болью и обрывками снов. Я ничего не помню из своего прошлого.

Я знаю только его... Принца Ли Цзиньюаня. Того, кто подарил мне жизнь, вытащив из когтей смерти. Он — мой единственный знакомый берег в бушующем море.

Но я не позволю помыкать мной, как вздумается. Я не кукла и не разменная монета в его политических играх. Его подозрительность — это кандалы, которые я рано или поздно разобью.

Я скоро всё вспомню. Память — это клинок, который рано или поздно вернётся в мои руки. И пусть Небо будет свидетелем: я верну все, даже если лишусь своей жизни.

Этой ночью мой сон оказался тревожным и беспокойным. Мне снилось нечто тяжелое и липкое, словно трясина, засасывающая ноги, давящее дыхание, будто воздух застыл тяже-

лым туманом над полем незадолго до сильной грозы. Во сне царило пламя. Это был вовсе не привычный домашний очаг, дарящий тепло и уют. Огонь казался диким зверем, ненасытной стихией, поглощающей всё вокруг. Его языки жадно лизали стены чужого мне дома, превращаясь в иступленное алчное свечение, выжигавшее пространство и время.

Ощущение ожога терзало мою сущность глубже физической кожи — оно проникло внутрь души, сжигая её изнутри. Стихия пылающего хаоса окружала меня со всех сторон, её жар становился невыносимо горячим, почти раскаляющим воздух до жидкого состояния, заставляя мои лёгкие отчаянно хвататься за спасительный глоток кислорода.

Но тут во мраке послышалось зовущее меня имя. Имя звучало непривычно, казалось бы совсем иным, нежели моё настоящее имя Мо Цинчжао. Оно трепыхалось где-то глубоко внутри сознания, будто рядом находился ключ, открывающий дверь давно забытых воспоминаний, однако его значение оставалось скрытым и невнятным. Каждый раз, когда я хотела приблизиться к этому таинственному голосу, пламя резко усиливалось, разрывая нашу связь вновь и вновь.

Я очнулась, вся покрытая холодной испариной. Грудь болезненно сжималась от резких ударов сердца. Тишина и тьма моего шатра теперь ощущались особенно контрастно по сравнению с пережитым кошмаром. Сноведение исчезло, оставив странную горечь дыма на моих губах и тяжёлый комок тревоги в груди. Обняв себя обеими руками, я тщетно

старалась успокоить нервную дрожь.

Что означал этот странный сон? Было ли это простое отражение переутомления и усталости или проблески истинных событий моей жизни?

Я взглянула на собственные ладони — кожа выглядела целой и неповреждённой, хотя воспоминания продолжали жить своей собственной жизнью: пальцы хранили отчётливое ощущение несуществующего жара, который уже давно миновал, но оставался живым и настоящим в памяти тела.

Корни моей судьбы, кажется, погибли в том далеком пожаре. Пока эта боль живёт во мне, я обязана продолжать поиски истины.

Я поднимаюсь с ложа и направляюсь к выходу из шатра. Отодвинув полог, ощущаю свежесть утреннего воздуха, пропитанного запахом кострища и холодной земли. День обещает быть ясным.

Уже сегодня я отправлюсь в столицу империи Цинь. Возможно, именно там, среди запутанных политических игр двора и старинных тайн императорских покоев, удастся найти следы сожжённого прошлого и узнать наконец, чьё имя призывал меня из глубины адского пламени.

Слова лекаря Хуа вновь звучат в моём сознании. Он говорил, что яд в моей крови запечатан, но снять эту печать могут только старейшины клана Нин.

Моё собственное происхождение, мою тёмную семейную историю связывают невидимой цепью именно с кланом Нин.

Однако память неожиданно возвращает меня к другой важной детали, произнесённой усталым голосом Хуа-ши. Он случайно проговорился, упомянув кого-то близкого себе внутри клана, кто когда-то спас ему жизнь.

А что, если попытаться вновь обратиться к нему за помощью?

Эта идея подобна маленькому, настойчивому росточку молодого бамбука, который медленно, но упорно проталкивается через каменную преграду. Вполне вероятно, что истинный ключ к раскрытию тайны находится прямо здесь, на этой самой заставе, в старческих руках лекаря Хуа. У него есть знания, гораздо большие, нежели он открыто признаётся. Это чувство невозможно игнорировать.

Если я действительно принадлежу клану Нин, если их кровь и их загадочное проклятие струятся во мне, значит пока, Хуа-ши, единственный мостик, соединяющий меня с утраченным прошлым.

Дождусь момента... Как прибудем в столицу, я обязательно заставлю лекаря Хуа снять печать... Даже если он станет противиться!

Утром за мной приходит командир армии. Он не удостаивает меня ни единым лишним взглядом, его голос лишён всяких интонаций, и звучит грубо, даже с презрением.

— Собирай вещи. Ты сейчас отправляешься в столицу. Приказ принца.

Я фыркаю, и этот звук в мёртвой тишине шатра кажется мне оглушительным. Я медленно поднимаю на него взгляд, и в моих глазах нет ни капли покорности.

— Я не твоя служанка, чтобы ты отдавал мне приказы, — мой голос звучит грубо, и я с удовлетворением замечаю, как он едва заметно хмурится. — Передай его высочеству, что я буду готова, после того, как поем.

Он смотрит на меня тяжёлым, давящим взглядом, словно пытаюсь раздавить этим молчанием. Но я выдерживаю его, не моргнув и не отведя глаз. Я больше не та испуганная девочка, которую он видел ранее.

— Ты забываешься, — наконец цедит он сквозь зубы.

— Это вы забываетесь, — отвечаю я тихо, но твёрдо. — Я спасла эту заставу. Я убила их генерала. Я не вещь, которую можно использовать, и даже не пленник.

Он сжимает челюсти так, что желваки ходят ходуном. Ему явно не по душе моя дерзость. Он коротко кивает, разворачивается и уходит, оставляя за собой лишь ощущение тяжёлого, незаконченного разговора.

Я остаюсь одна. Мой взгляд падает на простую сумку с вещами. В ней вся моя жизнь. Ничтожная горстка тряпок против огромной тайны моего прошлого.

Я подхожу к сумке и с силой пинаю её ногой.

Но едва успеваю перевести дух и расслабиться, как поллог шатра широко распахивается с резким хлопком ткани. И в следующий миг, сквозь проход, стремительно входит сам

принц. Вся атмосфера моментально меняется. Чувствуется густое напряжение, почти физически ощутимое давление.

Взгляд принца застыл в холодной ярости, и я понимаю сразу, насколько сильно он раздражён и взбешён. Не похоже, что это обычная гневная вспышка генерала армии... Здесь другая природа гнева, гораздо глубже и примитивнее. Принц возмущён самим фактом того, что не способен контролировать меня так легко, как остальных подчинённых. Для него я совершенно другой тип личности — дикая, необузданная сила, неподвластная привычным методам управления. Я оказалась для него подобна лезвию меча, которое невозможно спокойно вложить обратно в ножны, когда оно вынуто из-за необходимости.

Принц долго не произносит ни единого слова. Шум дыхания наполняет пространство между нами, нарушив звенящую тишину шатра. Однако молчание не длится долго. Через мгновение уголки губ принца приподнимаются в зловещей усмешке... Искривлённой, агрессивной и одновременно хищной. Его глаза сейчас совсем лишены какого-либо проблеска человечности. Там теперь глубокая пропасть, поглощающая остатки света и оставляющая после себя лишь ледяной ужас.

И вот тогда наступает действие.

За долю секунды, буквально одним быстрым, практически нечеловечески ловким движением, принц извлекает меч из ножен. Клинок блестит, быстро разрезая воздух с тонким

свистом, звучащим подобно песне смерти. Всё происходит настолько быстро, что я даже не успеваю осознать происходящее до конца, ещё меньше времени остаётся на попытку защититься или хотя бы вскрикнуть. Моё восприятие мира растягивается, каждый удар сердца ощущается медленно, будто часы вдруг начали идти задом наперёд.

Сверкающее остриё молниеносно проходит через моё левое плечо, проникая глубоко внутрь. Боль приходит незамедлительно и невероятно мощно. Словно раскалённое железо вонзилось прямо в сердце. Боль вспыхивает яркой вспышкой, охватывая всё моё существо. Ощущение такое сильное, что кажется, будто мир распадается на части, теряя чёткость очертаний и реальность восприятия. Эта боль несравнима с обычной боевой травмой... Она оказалась болезненна и мучительна, именно потому, что несёт собой не физическое повреждение тела, а глубокое эмоциональное потрясение, чувство беспомощности и подавленности.

Эта новая рана расположена ровно там, где еще даже не зажила старая, полученная в сражении против генерала армии Да Чэнь. Очевидно, принц прекрасно осведомлён обо всех моих слабых местах и уязвимостях. Рана вновь раскрывается, рваная ткань плеча снова кровоточит, как напоминание о том, кто контролирует моё прошлое, настоящее и будущее.

От внезапной атаки силы покидают меня мгновенно. Из горла вырывается глухой, сдавленный звук. Тёплая кровь за-

ливают руку и грудь, одежда тут же впитывает влагу, становясь тяжёлой и мокрой. Опускаю взгляд. Перед глазами ясно проступают его ноги в дорогуших сапогах, украшенных искусной вышивкой. Их образ отчётливо отпечатывается в памяти даже среди хаоса происходящего.

Делает шаг, и оказавшись рядом, он склоняется ближе ко мне. Теплое дыхание принца касается моего лица, и одновременно с ним проникает знакомый запах свежей крови, теперь пропитавший и его оружие тоже. Мне приходится напрячься, чтобы услышать негромкий голос, проникший в мои уши:

— Теперь-то дошло? — произносит он ровным голосом, скрывающим всю глубину ненависти и торжества. — Ты моя собственность. Я управляю твоей жизнью, смертью... Твоими страданиями. Могу одаривать тебя ими щедро или отобрать разом навсегда.

Его пальцы крепко сжимают рукоять оружия, и вслед за этими словами, он грубо вытаскивает меч наружу, высвобождая новую волну боли. Тот, кого я некогда считала своим освободителем, превратился в палача собственной судьбы.

Тьма отступает, и я расплываюсь в безумной улыбке. Она больше похожа на оскал раненого зверя, чем на человеческую эмоцию. Кровь пузырится на моих губах, но смех рвётся из груди, свободный и дикий.

— Можешь забрать мою жизнь, — мой голос хриплый, — В конце концов, ты имеешь на это право! Ты дал мне имя. За

это я плачу кровью... Но ты никогда... Никогда не заставишь меня преклониться перед тобой по собственной воле!

Я с трудом поднимаю на него взгляд. В моих глазах нет ни слёз, ни мольбы... Только неукротимый огонь.

— С этого момента и впредь... — я сплёвываю кровь на пол, — даже если ты силой увезёшь меня в свою столицу, заставишь служить или будешь мучить... Ты никогда не получишь моего подчинения. Тело можно сковать цепями, принц Ли, но волю — нельзя.

Я пытаюсь держаться с гордо поднятой головой. Каждое движение отдаётся адской болью, но я заставляю себя стоять.

— Я буду твоим врагом, раз ты того хочешь. И даже на пороге смерти я плюну тебе в лицо.

В шатре висит мёртвая тишина. Я бросила ему вызов, который не сможет проигнорировать даже он. Я не просто отказалась подчиняться. Я объявила ему войну.

Но я вижу его лицо. Вижу эту странную, почти болезненную борьбу, которая происходит у него внутри. Жестокость борется с чем-то другим. С чем-то, человеческим, тем, что он пытается убить в себе.

— Ты безумен, — наконец говорю я. — Ли Цзиньюань!

Я готова была с почтением следовать за принцем, я восхищалась благородством, которое сквозило в каждом его движении, и была очарована каждой частицей его величия. Чтобы оставаться рядом с ним, я готова была забыть о прошлом...

Он разворачивается.

Уходит.

— Позовите лекаря Хуа, — приказывает он кому-то из солдат снаружи.

Я издаю хриплый, сдавленный стон и падаю на колени. Кровь, горячая и липкая совсем пропитала мою одежду. Мир вокруг кружится... Дышать становится труднее. Но я не умру... Точно не сегодня!

Глава 7

Тот, кто привык повелевать, не умеет подчиняться, если только не выберет это сам».

(Наставница Вэй.)

Не знаю, как и когда я потеряла сознание, но реальность возвращается удушливой, выворачивающей наизнанку волной. Чувство тошноты буквально парализует тело изнутри. Всё вокруг напоминает нескончаемую, изнурительную качку, заставляющую внутренние органы сдавливаться до предела.

С огромным усилием удаётся разомкнуть веки. Перед глазами возникает размытая пелена, сквозь которую едва различимы грубые деревянные поверхности потолка надо мной. Запахи становятся осязаемее всего остального. Пахнет сыростью, конским потом и травами.

Не сразу понимаю, где нахожусь. Плечо горит огнём, словно в него влили расплавленный металл. Стон непроизвольно вырывается из горла — тихий, жалкий звук, который я ненавижу.

Я пытаюсь упереться рукой о край узкой скамьи, чтобы приподняться, но движение отзывается такой ослепляющей болью, что темнота снова начинает застилать глаза.

И тут я слышу его. Голос, который теперь ненавижу так

же сильно, как и боюсь. Холодный, самоуверенный тон, сопровождающийся циничной ухмылкой.

— Пришла в себя?

Тело каменеет. Вся сила уходит лишь на то, чтобы медленно повернуть голову в сторону источника звука. Он сидит прямо напротив, внутри тёмной повозки, держа руки скрещёнными на груди. Лицо кажется смутным пятном среди теней, но я отчётливо ощущаю тяжесть его пристально изучающего взгляда.

Отвечать не собираюсь. Гортань плотно сжата, слова спутались с горьким привкусом желчи. Единственное, что остаётся — сильнее стиснуть зубы, удерживая видимое проявление слабости.

Однако ему достаточно видеть каждое мое движение. Каждая капелька пота на лбу, каждый судорожный вздох выдают меня без остатка.

— Хочешь пить? — его вопрос звучит почти... Заботливо? Эта игра — худшая форма издевательства.

Резко отвернувшись лицом к стенке телеги, прижимаясь воспалённым лбом к прохладному дереву, принимаю решение — не принимать от него абсолютно ничего. Ни глоток воды, ни капли сочувствия.

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях», — мелькает мысль в замутнённом сознании.

Да, я ещё дышу. Да, моя жизнь принадлежит ему. Я в его власти. Но пока есть хоть одна искорка жизни во мне, он не

дождётся от меня просьб о помощи или признании своей вины.

— Надеешься сдохнуть? — его голос звучит низко, с ноткой издевательского любопытства. — Может, мне влить тебе воду в глотку силой?

Он наклоняется так близко, что я чувствую жар, исходящий от его тела, и запах дорожной пыли, смешанный с чем-то неуловимым, принадлежащим только ему. Его лицо, всего в ладони от моего.

Я чувствую, как меня лихорадит. Мир вокруг плывёт, то погружаясь в багровую тьму, то выныривая в реальность, где есть только он и эта невыносимая боль.

Бред... Он точно безумен... Или, может, безумна я, раз всё ещё нахожу в себе силы сопротивляться.

Но вместо страха или мольбы я улыбаюсь. Это слабая, кривая улыбка, больше похожая на оскал.

— Даже не надейся... — отвечаю я с ухмылкой, и собственный голос кажется мне чужим. С трудом откидываюсь спиной о шершавую стену повозки, пытаюсь найти опору. — Я не доставлю тебе такого удовольствия. Моя смерть будет на моих условиях.

Он отшатывается, словно обжёгшись, и отодвигается в свой угол повозки.

Закрываю глаза, и снова проваливаюсь в спасительное забытё. Но перед тем, как тьма окончательно поглотит меня, я слышу его тихий голос, словно он говорит сам с собой:

— Ты ещё пожалеешь об этом... Цинчжао.

Когда, я снова открываю глаза. Мир всё ещё плывёт, но качка повозки стала привычной, почти убаюкивающей. Мы всё ещё в дороге. Сколько прошло времени?

Моё внимание привлекает принц.

Он спит? Его веки закрыты, длинные ресницы бросают тени на бледные скулы. Он выглядит умиротворённым, почти юным, лишённым своей обычной маски холодной надменности.

Я вглядываюсь внимательнее. Его грудь вздымается и опускается в ровном ритме, но лицо напряжено. Губы плотно сжаты, а между бровей залегает едва заметная складка. А его веки дрожат. Едва уловимо, словно крылья пойманной бабочки, они подрагивают под тонкой кожей..

Судя по тому, как дёргается его рука, лежащая на рукояти меча, его сны далеки от мирных.

Я всё ещё не понимаю, что случилось с принцем. Что я могла сделать такого, что он в одно мгновение возненавидел меня?

Сию в этой проклятой повозке, и каждый толчок на ухабе отзывается адской болью в плече. Кровь на повязках уже подсохла, но рана под ними горит огнём. Я смотрю в тёмный потолок, и мысли мои кружатся, как осенние листья в бурю.

Он совсем недавно был совершенно другим. Или мне это только показалось? В его взгляде было что-то, что заставило

моё сердце биться чаще. Нежность? Нет, не может быть. Я, должно быть, бредила от потери крови.

А затем, он пронзил меня мечом, не на миг не сомневаясь. С холодной, расчётливой жестокостью. Чтобы доказать свою власть. Он смотрел на меня, как на строптивую лошадь, которую нужно объездить.

Но в чем конкретно он меня подозревает, когда нет никаких доказательств, и быть не может?

Я спасла его армию. Я убила вражеского генерала. Я рисковала жизнью ради его победы. Разве за это наказывают?

Знаю... Всё дело в Чэнь Гане? Но не может же он оказаться таким глупцом... Для человека его положения неповиновение — худшее из преступлений. За предательство — казнь!

Его ярость — это ярость человека, который столкнулся с чем-то, что не может контролировать.

Но было и что-то ещё в его глазах, когда он смотрел на меня перед ударом. Не просто гнев. Обида? Как будто я предала его.

Предала?

Эта мысль холоднее льда. Нет... Тут, что-то должно быть другое...

Что, если его нежность была настоящей? Что, если он позволил себе слабость, а я... Я заставила его почувствовать то, что он ненавидит в себе?

Закрываю глаза, пытаюсь унять дрожь. Боль в плече, ничто по сравнению с путаницей в голове.

Ненависть принца Ли — это лабиринт, из которого мне ещё предстоит найти выход. Но немного позже...

Придя в себя, Ли Цзинъюань резко открывает глаза. В них ещё клубится мрак недавнего сна, но он мгновенно сменяется привычной настороженностью. Он видит, что я не сплю и с холодным, изучающим любопытством смотрю на него.

— Взгляд принца подвергает меня медленной пытке, — я беспечно дразню его, и мой голос, хриплый от жажды, звучит на удивление твёрдо. — Раз мы всё ещё в дороге, может, расскажешь о причине своего... Пренебрежительного отношения и внезапной ненависти?

Замечаю, как дёргается мускул на его щеке. Это едва заметное движение — единственная трещина в его ледяной броне.

Он молча смотрит на меня ещё несколько ударов сердца, а затем его рука медленно скользит за отворот халата. Он вытаскивает небольшой, расшитый шёлком мешочек. На мгновение наши взгляды встречаются, и в его глазах читается вызов.

Он резко бросает мешочек с благовониями мне на колени. — Не выношу запах крови и гнили.

Я опускаю взгляд на мешочек, из которого доносится аромат сандала и редких цветов. Эти запахи отлично перебивают металлический запах крови.

Затем, поднимая на него глаза, сжимая благовония в ладони. Его лицо снова превратилось в бесстрастную маску.

— Ты не ответил, — мой голос звучит тихо, но в этой тесной повозке он подобен скрежету металла.

Я хочу, чтобы Ли Цзинъюань сказал прямо, что думает. Я хочу заглянуть в бездну его гнева и понять, что скрывается на самом дне.

Он медленно поворачивает голову. Его взгляд тяжёлый, давящий.

— Мо Цинчжао, — произносит он, и моё имя в его устах звучит как удар хлыста. — Я не потерплю, если ты и дальше позволишь себе обращаться ко мне... Свободно.

Он делает паузу, и в этой тишине повозка, кажется, сжимается ещё сильнее.

— Советую переосмыслить своё поведение. Мы скоро будем в столице, и ты должна обращаться ко мне должным образом.

Я смотрю на него, и внутри меня поднимается волна холодной ярости, которая смывает остатки боли и слабости.

— Должным образом? — я усмехаюсь, и эта усмешка ядовита. — А как же тот момент, когда ты не разобравшись, пронзил мое плечо мечом? Это тоже было «должным образом»? Эта часть дворцового этикета, о котором я не знаю. Я ведь даже не знаю, кем являюсь на самом деле? Чего еще ждать от такой, как я?

Я подаюсь вперед, игнорируя огненную боль в ране. Наши лица теперь разделяет лишь вдох.

— Ты боишься, Ли Цзинъюань. Боишься не моего неповиновения, а того, что ты сам потерял контроль. Ты ненавидишь меня не за то, что я сделала, а за то, что ты не можешь этого доказать.

Я откидываюсь назад, прижимая мешочек с благовониями к груди.

— Так что не пытайся спрятаться за своими титулами и правилами. Ты — тиран. Так будь им до конца. Не притворяйся справедливым судьёй.

Закрываю глаза, чувствуя, как меня снова начинает бить дрожь — то ли от лихорадки, то ли от запоздалого страха.

— Я буду обращаться к тебе так, как считаю нужным. Можешь пронзить меня своим мечом еще раз... Или убить ...

Принц склоняется надо мной. Его улыбка, как хищный оскал тигра, загнавшего добычу в угол.

— Если я объясню твоё тайное проникновение на границу Империи Цинь и сотрудничество с армией государства Да Чэнь? — его шёпот звучит слишком громко. — Как ты думаешь, чьим словам император поверит охотнее? Моим? Или словам безродной девчонки, которую я подобрал умирающей?

Я не рассердилась. Гнев — слишком простое чувство для этой игры. Вместо этого из моей груди вырывается смех. Чувствую, как лихорадка и безумие битвы смешиваются в пьянящий коктейль. Я подаюсь к нему навстречу, сокращая и без того ничтожное расстояние между нами.

— В таком случае, я думаю, что ты просто хочешь... Воспользоваться мной, — выдыхаю я ему почти в губы.

Принц опешил. На его лице, обычно непроницаемом, как маска из нефрита, мелькает тень чистого изумления. В это краткое мгновение его замешательства, когда его хватка ослабевает лишь на долю секунды, моя рука действует быстрее мысли.

Я поспешно вытаскиваю длинную шпильку, которой закреплены его тяжёлые волосы. Металл холодит ладонь. Я со всей силы, на какую только способна, замахиваюсь, целясь ему в горло.

Но моё запястье оказывается перехвачено стальными пальцами принца. Движение настолько быстрое, что я вижу лишь размытую тень. С громким грохотом он отталкивает меня. Я ударяюсь о стену экипажа так, что воздух выбивает из лёгких.

Поднимаю на него взгляд и снова громко смеюсь. Смех рвётся из меня, неконтролируемый и дикий.

— Ты... Сошла с ума, Мо Цинчжао... — выдыхает он, и в его голосе нет прежней уверенности.

Потирая ушибленное запястье, я смотрю на Ли Цзинъюаня. Его лицо готово разразиться грозой. Он больше не говорит. Он о чём-то напряжённо думает. Затем, резко встаёт, и повозка словно становится ещё меньше. Он приближается ко мне шаг за шагом, не спеша, словно дикий зверь, который уверен в своей добыче и просто играет с ней перед тем, как

нанести последний удар.

— Чуть было не забыл, — его голос звучит глухо, как рокот далёкого грома, — чем прекраснее цветок, тем он ядовитее.

Я прикусываю губу до боли, чувствуя вкус крови, но не отвожу взгляда и не уступаю ему ни на дюйм.

Внезапно занавеска в повозке резко отдёргивается, и внутрь врывается высокий, дородный солдат.

— Принц... — начинает он, но остаток фразы замирает в воздухе, когда он видит картину нашего противостояния. Разгневанный Ли Цзинъюань, нависающий надо мной. Солдат бледнеет.

Принц оборачивается на него, и его взгляд мог бы испепелить даже камень.

— Кто велел тебе входить?! — его рык заставляет солдата отшатнуться.

Принц едва не попался на мою уловку. На один короткий миг его маска треснула, показав мне того, кто скрывается под ней.

Солдат едва бормочет, запинаясь:

— Мы приближаемся к городу Линьянь. Вы просили доложить...

— Вон! — рычит принц, скрипя зубами так, что это слышно даже мне.

Солдат поспешно скрывается, задернув за собой резко занавеску.

Ли Цзинъюань вновь поворачивается ко мне. Его плечи напряжены, а кулаки сжаты. Он глухо произносит, и каждое слово обжигает, как пламя:

— Ты должна быть ему благодарна. Иначе я едва ли поручился бы за то, что не задушил бы тебя только что.

Мои глаза округляются. В его взгляде плещется такая ярость, что я верю ему. Но затем... Абсурдность ситуации и моя собственная дерзость берут верх. Страх уступает место чему-то дикому и необузданному.

Спустя мгновение я снова рассмеялась. Смех рвётся из груди, истеричный и громкий, эхом отражаясь от стен повозки.

Его высочество одним движением поднимает меня за руку, ставя на ноги, его пальцы больно впиваются в мою здоровую руку.

— Не притворяйся безумной! — шипит он мне в лицо.

Я смотрю в его глаза, и мой смех обрывается так же внезапно, как и начался. Я улыбаюсь ему, пугающе спокойно.

— А разве я притворяюсь? Может, это ты свел меня с ума?

— Мо Цинчжао, ты играешь с огнём, — его голос, словно рёв пламени.

Принц сжимает мою руку сильнее, и из горла против моей воли вырывается глухой стон. Но эта боль — ничто по сравнению с той, что разливается в груди.

Противоречивые чувства внутри меня всё ещё борются друг с другом, словно два диких зверя в одной клетке.

Ненависть... Чёрная и горькая, сплетается с благодарностью, острой и неуместной, как шип на стебле розы. Он — мой палач и мой спаситель. Он — тот, кто подарил мне жизнь... Но теперь, хочет снова забрать... Или ему нравится просто играть...

Он больше не говорит. Слышу резкий выдох, полный ярости. Он бросает меня со всей силы, словно надоевшую куклу, на жёсткую деревянную скамью.

А сам, не оглядываясь, разворачивается и выходит из повозки. Тяжёлый полог падает.

Я сижу прижавшись щекой к холодному дереву. Я слышу их разговор снаружи, так чётко, будто они стоят рядом.

— Ваше высочество... — голос командира звучит приглушённо. — Нам удалось выяснить, что с военными расходами что-то странное творится в разных регионах империи. Это не инициатива императора, это связано с недавними хищениями зерна.

Зерно? В империи назревает что-то серьёзное.

— Военные гарнизоны по всей стране тайно обсуждают подать жалобу и рассказать о финансовых махинациях лично императору, избегая военного ведомства.

В голосе принца слышу раздражение:

— Но мы не знаем, сколько людей вовлечено в это...

— Другие сомневаются, не одобрено ли это императором... Никто не хочет оказаться первым и быть убитым по собственной глупости.

Боль медленно растекается по телу, пульсируя в такт словам. Я закрываю глаза, продолжая слушать.

— И ещё, принц... — голос командира становится тише, словно он боится, что кто-то может подслушать. — Шэнь Юань вернулся с разведки. Он ранен, но жив. Он обнаружил место, где Первый принц куёт оружие. В старом поместье в горах. Кузница охраняется целым отрядом отборных воинов. Ваш брат к чему-то готовится. Вы знаете, что император всё ещё не назначил наследного принца... Возможно, он готовит мятеж.

Я затаила дыхание, вжимаясь в скамью. Тайны дворца, словно ядовитые змеи, расползались из этого разговора, и я оказалась в самом их гнезде.

— Моюань не настолько безумен, чтобы действовать так безрассудно, — в голосе Ли Цзиньюаня слышится усталость. — Не верю, что он способен пойти на мятеж. Ему это ни к чему. Скорее всего, он выполняет волю императора...

— Зачем императору тайно ковать оружие? — командующий явно не понимал дворцовых интриг, его голос был полон недоумения. — Он Сын Неба, владыка Поднебесной, разве не всё в империи принадлежит ему?

— У него много сыновей, — отрезал принц с горькой усмешкой. — И огромная армия... Первый принц — тот, кого он видит своим наследником, и скоро объявит об этом. Это не мятеж. Это... Подготовка. Подготовка к тому, чтобы власть перешла мирно. К тому, чтобы армия была верна ему,

а не тому, кого назначат в последний момент.

В его словах была логика, холодная и расчётливая. Но было и что-то ещё.

Кусочки мозаики складывались в страшную картину. Я ехала в самое сердце паутины, где пауки уже готовились сожрать друг друга.

Я, безродная Мо Цинчжао, оказалась пешкой в игре, где ставкой был трон Поднебесной. От этих мыслей меня передернуло...

— Поговорим об этом позже, — отрезал принц. Его голос снова стал холодным и властным, лишённым тех человеческих ноток, что я слышала мгновение назад. — Приготовьте стражу. Мы остановимся в Линьане.

Я услышала звук удаляющихся шагов. Командующий, видимо, поклонился и ушёл выполнять приказ, оставив принца одного.

Повозка качнулась. Принц запрыгнул обратно. Он не смотрел на меня. Его взгляд был устремлён в одну точку, а лицо превратилось в непроницаемую маску. Сел на своё место, и между нами снова пролегла пропасть из молчания и подозрений.

— Мы почти прибыли в Линьань, ваше высочество. Осталось полдня пути. Нужно поторопиться, чтобы прибыть до темноты, — крикнул лакей.

Я прикрыла глаза, чувствуя, как повозка набирает скорость. Плечо пульсировало болью, но она была далёкой,

словно чужой. Все мои мысли были заняты недавним разговором командира и принца.

Я стала невольным свидетелем заговора, способного перевернуть империю с ног на голову. И человек, который держал мою жизнь в своих руках, был в самом центре этого урагана. А ведь у меня и своих дел по горло...

Что будет, когда мы прибудем в Линьань?

Повозка наконец, замедляет свой бег, а затем и вовсе останавливается. Снаружи доносится шум большого города: крики торговцев, скрип колёс, ржание лошадей. Мы прибыли.

— До столицы ещё два дня пути, — голос принца нарушает гнетущую тишину. Он звучит буднично, словно мы ведём светскую беседу, а не находимся в состоянии холодной войны. — Нужно как следует отдохнуть.

Он по-прежнему не смотрит на меня, его взгляд устремлён в пустоту за окном повозки.

— В Линьане много вкусной еды, — добавляет он так же равнодушно, будто говорит с самим собой.

Попытка показать, что он не такой уж и тиран?

Я молчу, лишь крепче сжимая в руке мешочек с благовониями. Его запах уже немного перебил вонь крови, но не смог окончательно заглушить металлический запах.

Полог шатра откидывается. На этот раз принц не ждёт. Он выходит первым, его высокая фигура на мгновение заслоняет свет. Я слышу его короткие, чёткие приказы солдатам, не

терпящие возражений.

Смотрю на его прямую спину. Он ведёт игру на несколько досок одновременно. Интриги с Первым принцем, заговор в армии, и уверена, вскоре, появятся новые обстоятельства, о которых я еще не знаю... А я, так вообще, непонятная фигура на его поле.

Что ж, Ли Цзинъюань, я тоже умею играть. И я не собираюсь быть просто едой на твоём пиру.

Я поднимаюсь со скамьи, игнорируя боль в плече. Пора сделать свой ход.

Как и подобает принцу, Ли Цзинъюань не мог жить в обычном постоялом дворе. Временно его дворцом стал роскошный особняк бывшего губернатора города, впавшего в немилость и сосланного в дальние провинции за неведомые проступки. Мраморные полы и резные колонны особняка, казалось, ещё помнили шаги опального вельможи.

Теперь догадываюсь, по какой причине его сослали...

Все необходимые договоренности были достигнуты, и недавно назначенный губернатор города, Тан Бо, с большим почтением встретил принца.

Я же поехала с командиром и лекарем Хуа отдельно от его светлости. Это было даже хорошо. В тряской повозке, вдали от его давящего присутствия, я смогла наконец выдохнуть. К моменту нашего прибытия в особняк, принц уже сидел в главном зале, слушая многочисленные доклады о недавних

событиях.

Новый губернатор, Тан Бо, особо расхваливал доблесть воинов лагеря принца и заставы у гарнизона, его голос был приторно-сладким, как патока.

Неожиданно для всех, первый вопрос, который задал принц, был не о чем ином, как о состоянии городских зернохранилищ.

Новый губернатор не знал, как сообщить принцу о странных событиях, которые произошли. Появление чиновника по военным делам дало ему прекрасную возможность переложить ответственность:

— Ваше высочество, министр Сюэ Чжун гораздо лучше меня понимает ситуацию. Возможно, он мог бы выступить от моего имени.

Принц неторопливо отпивает чай из тонкой фарфоровой чашки, прежде чем ответить. Его движения плавные, но в них чувствуется скрытая угроза.

— Вы — губернатор города. Хотя это назначение было сделано в военное время, вы всё равно должны выполнять свои обязанности. Если вы не можете ясно объяснить такие важные события в городе, какой от вас прок?

Губернатор Тан Бо в ужасе падает на колени, кланяясь так низко, что его лоб касается холодного мрамора, моля о пощаде.

Принц, раздражённый этим шумом и суетой, не отпускает его сразу. Он дожидается, пока в зале воцарится гробовая

тишина.

Зал был не особенно просторным. Только несколько замесителей командующего, включая меня, сопровождали его, в то время как гвардия стояла на страже снаружи.

Принц ставит свою чашку на низкий столик из красного дерева и властным жестом приглашает меня подойти. Все взгляды в зале обращаются на меня. Но зачем он позвал меня?

— Я покинул столицу в тот момент, когда армия Да Чэнь начала наступление на наши границы. Прошло меньше полугода, с тех пор. — Его поведение смягчилось, когда он посмотрел на меня, но его слова все также остры, как осколки льда. — Но успехов мы так и не достигли... Пока этот солдат не убил генерала Да Чэнь лично. Это его победа... Поэтому теперь я могу с облегчением отдохнуть. А вы... Слишком поздно отправили людей на помощь. Не кажется ли вам это подозрительным?

Двусмысленный тон его слов заставил меня незаметно прижать руки к бокам. Он публично отчитал губернатора моими заслугами. Я молча опустила голову, скрывая ярость в глазах.

— Благодарю вас за вашу заботу, ваше высочество. Мы были благословлены покровительством небес и остались невредимы. — Съязвила я, мой голос был тихим, но в этой тишине его слышали все.

Губернатор долго оправдывался...

Потом министры и принц обсуждали повседневные вопросы, такие как оборона города и снабжение армии. Его высочество поручил людям губернатора провести тщательное расследование по хищению зерна, его приказ не терпел возражений.

Как только официальные вопросы были решены, в особняке губернатора началась суета — слуги начали готовиться к приветственному пиру для принца.

Я нашла предлог, чтобы уйти пораньше, сославшись на рану и усталость. Меня проводил в комнату командующий, и поставил двух стражей у дверей.

— Тебе нужно будет присутствовать на приветственном пиршестве! — Утвердительно говорит командующий армии, и я понимаю, что сбежать мне не удастся.

Я смотрю на него тяжелым взглядом. Понимаю, что пронырливый губернатор Тан Бо, вероятно, уже заметил мои напряженные отношения с принцем. Я вздыхаю:

— Знаю. Я должна присутствовать на приветственном пиршестве, чтобы смутьяны не распространили слухи о разногласиях между принцем и подданными.

Хотя город Линьань находился далеко от императорского двора, политическая борьба там могла легко перекинуться и на приграничные территории. Слухи здесь были опаснее яда.

Я закрываю за собой дверь комнаты и прислоняюсь к ней спиной. Впереди, пир с лицемерными улыбками и отравлен-

ным вином. И я должна на нём выжить.

Глава 8

Для достижения победы необходимо не просто продемонстрировать силу, но и проявлять стратегическую хитрость и глубокое понимание игры.

(Принц Ли Цзинъюань)

На пиршество меня провожает командующий Вэй Фэн — суровый и немногословный воин, чья преданность принцу не вызывает сомнений, хотя вижу я его намного реже, чем остальных его приближенных. Командующий бросает на меня короткий, оценивающий взгляд, но так и не произносит ни слова.

Я одета в привычный мужской наряд воина. Мои волосы туго стянуты в узел на затылке. Никто в этом зале, полном разодетых вельмож и жеманных наложниц, и представить не может, что перед ними довольно привлекательная девушка. Для них я, лишь ещё один безымянный солдат из свиты принца.

Спускаясь по широкой лестнице, чувствую на себе липкие, оценивающие взгляды. Меня сажают за главный стол, как можно ближе к его высочеству. Точно, его указ. Он хочет держать меня на виду. И зачем все так усложнять? Я усмехаюсь про себя и, не дожидаясь слуги, сама наливаю себе чашу до краёв крепким рисовым вином.

Вокруг меня выются девушки-служанки в прозрачных, струящихся платьях из тончайшего шёлка. Их лица напудрены до белизны, а взгляды пусты и услужливы. Они — живые украшения, красивые безделушки, призванные услаждать взор и слух гостей. Их присутствие лишь подчёркивает мою чужеродность здесь. Я, как клинок среди фарфоровых чашек.

Барышня в углу зала начинает играть на гучжэне. Мелодия тягучая, медленная и печальная, она вплетается в шум голосов, заставляя всех на мгновение замолчать. И этот бокал вина, горький и обжигающий, под эту музыку заходит как никогда. Он смывает привкус крови во рту и притупляет ноющую боль в плече.

Я осушаю чашу одним глотком и тянусь за новой. Сегодня мне понадобится целый кувшин этого лекарства.

Обладая исключительно острым обонянием, я хорошо осведомлена о тенденции состоятельных людей демонстрировать своё изысканное чувство вкуса через использование ароматов. В этом зале благовония были не просто запахом, а языком, на котором говорили богатство и власть. Тяжёлый, пьянящий аромат сандала от одежд господ смешивался с тонким, едва уловимым ароматом жасмина, исходящим от служанок. Каждый аромат был визитной карточкой, отражал личные предпочтения и социальный статус своего обладателя.

Столько запахов перемешались в одно мгновение, создав

густой, удушливый туман. Сладость духов, дым курильниц, запахи изысканных блюд и приторно-сладких вин. Всё это обрушилось на меня, словно волна. В этом ароматном хаосе я не сразу заметила, насколько вино, что я пила, крепкое. Голова мгновенно закружилась, и зал перед глазами поплыл, теряя чёткие очертания.

Звуки гучжэна становятся глухими, смешавшись с гулом голосов в единый, неразборчивый шум. Жар от жаровен, расставленных по углам, казался нестерпимым. Я крепче сжимаю чашу, чувствуя, как по телу разливается обманчивое тепло.

Сейчас мне нужна храбрость, чтобы вынести этот вечер.

Я делаю ещё один большой глоток. Вино обжигает горло, но приносит с собой желанное оцепенение. Пусть мир во-круг кружится. Пусть принц смотрит на меня своим пронизывающим взглядом. Сегодня я буду плыть по течению этого хмельного моря, и пусть завтрашнее похмелье придёт за мной в другой день.

Однако мне показалась непривычным крепость этого вина. Не просто крепким, а... Неправильным. И откуда я это знаю? Кажется, в прошлом, я неплохо разбиралась в винах...

Мой разум, затуманенный первыми глотками, мгновенно прояснился, словно на него вылили ушат ледяной воды. Обострённое обоняние, которое только что страдало от избытка ароматов, мое проклятие и спасение одновременно.

Я медленно поставила чашу на стол, стараясь не делать

резких движений. Мой взгляд метнулся по залу. Губернатор Тан Бо сидел бледный как полотно, его руки дрожали, когда он подносил к губам свой бокал. Принц Ли Цзинъюань, напротив, выглядел абсолютно спокойным. Он лениво крутил в пальцах свою чашу, но его взгляд был острым и внимательным.

Внезапно в зале раздаётся громкий, отчётливый звук коленопреклонения. Тяжёлый удар плоти о каменный пол прорезает гул праздных разговоров и музыку. Фигура, облачённая в пыльные доспехи разведчика, с прямой, негибаемой спиной, опускается на колени перед возвышением, где сидит принц.

— Ваше высочество, — голос воина хриплый и надломленный, он с трудом выталкивает из себя слова, каждое из которых отдаётся болью. — Я преследовал цель до Цзиньчжоу, однако вернулся ни с чем. Цель ускользнула. Но... — он делает паузу, чтобы набрать воздуха, — мы взяли пленного, но при задержании, он отрезал себе язык.

Я, словно пробудилась от дурного транса, медленно перевожу взгляд на говорившего. Его голос, полный усталости и утраты, пробивается сквозь туман в моей голове. В его словах я слышу не только поражение, но и надежду. Очевидно, этот подданный боится принца.

Принц Ли Цзинъюань медленно ставит свою чашу с вином на стол. В зале мёртвая тишина. Даже музыканты перестают играть. Взгляд его высочества холоден и остр, как лез-

вие меча.

— Убить, — произносит он одно-единственное слово.

Это приговор, вынесенный с ледяной решимостью, которая, казалось, была продиктована не только личной ненавистью или гневом, но и глубоким, пугающим пониманием политической необходимости.

Юноша-разведчик, не поднимая головы, коротко кивает в знак согласия. В его движении нет ни удивления, ни сожаления. Он — лишь инструмент в руках своего господина. Он бесшумно растворяется в тенях у выхода из зала, как призрак, исполняющий волю, и исчезающий во тьме так же быстро, как и появился.

Музыка, словно ни в чём не бывало, продолжилась. Мелодия стала ещё более тягучей и сладкой, будто зал пытался заглушить эхо вынесенного приговора фальшивой радостью. Вокруг принца, как и прежде, вьются прекрасные барышни, словно яркие, экзотические бабочки, слетевшиеся на огонь его власти и красоты. Их смех звенит серебряными колокольчиками, а прозрачные одеяния колышутся в такт музыке. Он определённо увлечён этим цветником. Его взгляд лениво скользит по их лицам, задерживаясь на изгибах тел, и на мгновение маска холодной его беспристрастности даёт трещину.

Я отворачиваюсь. Видеть это невыносимо.

Мой взгляд падает на кувшин с вином. Я поддвигаю его к себе, игнорируя осуждающий взгляд командующего Вэй

Фэна, сидящего неподалёку.

Я наливаю ещё одну чашу, до самых краёв. Пусть это вино мне не по вкусу, но сегодня я должна как-то отвлечься.

Я залпом осушаю чашу. Вино обжигает горло, но не приносит желанного забвения.

Моя душа сегодня черна, как ночь, и горька, как полынь. Я тянусь за кувшином снова. Сегодня я буду пить, пока не перестану чувствовать. Пока не перестану думать. Пока образ принца и его жестокая справедливость не превратятся в пьяный бред.

Музыка казалась невыносимо яркой, каждый звук отдавался в висках тупой, пульсирующей болью. Вино, которое должно было принести забвение, лишь усугубило моё состояние. В конечном итоге, я отключилась прямо за столом, уткнувшись лицом в холодную столешницу, в странной компании великолепных дам в шелковых нарядах, которые, казалось, были сотканы из лунного света и тумана.

Но даже в этом пьяном беспамятстве, на самом дне сознания, тлел уголёк опасности.

Я медленно приоткрываю глаза. Мир вокруг — размытое пятно тьмы и теней. Я лежу в кровати. Пытаюсь вспомнить, как здесь оказалась, но память подбрасывает лишь обрывки: смех, музыка, тяжёлый взгляд принца. Не до конца понимаю, где я и как оказалась в постели.

В комнате темно. Свечи давно затухли, оставив после себя лишь запах горячего воска. Сквозь приоткрытое окно дует

слабый, прохладный ветер, шевеля край занавески. Голова раскалывается, словно по ней ударили боевым молотом.

В комнате кто-то есть ещё, кроме меня. Я не слышу дыхания, не вижу движения, но чувствую его присутствие. Незваный гость стоит неподвижно, наблюдая за мной из самого тёмного угла.

Я лежу, не шевелясь, стараясь дышать ровно и глубоко, как спящий человек. Моя рука медленно, миллиметр за миллиметром, скользит под подушку. Пальцы нащупывают холодную, знакомую рукоять кинжала, который я спрятала перед пиром в своей комнате. Постепенно приходит осознание, что я там, где должна быть.

Пусть думает, что я беззащитна. Пусть подойдёт ближе.

Кажется, проходит вечность. Я лежу, затаив дыхание, чувствуя, как по спине бежит холодный пот.

Наконец, слышу слабые, почти невесомые шаги. Кто-то скользит по полу, не потревожив ни одной скрипучей половицы. Слышу совсем слабое, прерывистое дыхание.

И запах. Он становится ближе, обволакивает меня, прогоняя остатки винного тумана. Это не благовония и не аромат духов. Это запах гари и пьянящей крови. Запах недавней смерти и застарелой боли. Он исходит от одежды ночного гостя.

Его дыхание, пахнущее гарью и кровью, обжигает мне лицо. Он уже не стоит у изножья. Он наклонился прямо над мной. Мои глаза плотно зажмурены. Я продолжаю притво-

ряться спящей, каждый мускул напряжён до предела. Не хочу себя выдать. Но я не знаю, чего ожидать — смертельного удара или чего-то похуже.

Шёпот, еле слышный, словно шелест опавших листьев, касается моего уха:

— Не стоило сегодня столько пить, красавица.

И вот, тот самый момент.

Я слышу едва уловимый шелест стали, покидающей ножны. Тонкий, певучий, как вздох змеи перед укусом. Мои веки распахиваются сами. Глаза успевают уловить движение.

Остриё меча летит быстро, точно и безжалостно, прямо в грудь. Он выбрал место, где сердце бьётся громче всего. Где удар будет смертельным. Где даже самый искусный лекарь не успеет помочь.

Я перекатываюсь в сторону, едва успевая увернуться. Но его реакция молниеносна. Лезвие всё же задевает мою руку, оставляя на предплечье глубокий, горящий порез.

Клинок меча пронзает шёлковую наволочку, пуховую подушку, вонзается в деревянное изголовье кровати. Щепки летят в лицо, царапают кожу.

Боль отрезвляет окончательно.

— Кто ты? — рычу я, спрыгивая с кровати и принимая боевую стойку.

Лицо его скрыто тенью. Только длинный шрам блестит в лунном свете, извиваясь, как змея.

— Неважно, — наконец говорит он. — Важно то, что ты

сейчас умрёшь.

Он выдёргивает меч из изголовья.

Поворачивается ко мне.

Я вижу его гибкую фигуру, как у тренированного воина.

У него превосходные навыки и подготовка. Движения плавные, выверенные, без единого лишнего жеста. Он не сражается — он танцует со смертью.

Убийца атакует первым. Я парирую кинжалом, отводя клинок в сторону, но сила его удара такова, что мою руку отбрасывает, а запястье немеет. Он тут же переходит в наступление, его меч превращается в размытую стальную дугу. Я едва успеваю уклоняться, отступая назад, пока не упрусь спиной в холодный каменный подоконник.

Он силён. Невероятно силён. Каждый его удар несёт в себе вес горы. Я же слаба от потери крови и выпитого вина. Я не могу блокировать его атаки. Могу только уклоняться, используя свою скорость и знание тесного пространства комнаты.

Он делает ложный выпад сверху, и я инстинктивно пригибаюсь. В тот же миг его колено взлетает вверх, целясь мне в лицо. Я успеваю подставить плечо, и от удара меня отбрасывает к стене. Мир на секунду вспыхивает белыми искрами.

Я падаю на пол, но не даю ему времени на передышку. Извернувшись, я бью ногой по его колену. Удар пришелся неожиданно. Он на долю секунды теряет равновесие, и это мой шанс.

Я вскакиваю и бросаюсь вперёд, используя свой кинжал не для удара, а как рычаг. Мне удаётся поймать его клинок в изгиб локтя и с силой оттолкнуть. Мы замираем лицом к лицу в центре комнаты. Его глаза в темноте кажутся двумя чёрными провалами.

Мы оба тяжело дышим. Он смотрит на меня с холодным любопытством, как учёный, изучающий редкий вид насекомого.

— А ты... Ты все также хороша, — шепчет он, и в его голосе я слышу нотки искреннего удивления...

— Ты знаешь меня? — мой голос срывается на хрип.

Он не отвечает. Вместо ответа он смеётся. Это тихий, шелестящий звук, от которого кровь стынет в жилах. А в следующее мгновение его ладонь, твёрдая, как камень, упирается мне в грудь. Это толчок чистой, необузданной силы.

Моё тело отлетает назад, словно я, невесомая кукла, а он разъярённый шторм. Я пролетаю через половину комнаты, и лишь в последний миг мои инстинкты берут верх. Я не пытаюсь сгруппироваться или выставить руки. Моё тело действует самостоятельно.

Я изгибаюсь в воздухе дугой, как кошка, и падаю не на спину, а перекатываясь через плечо, гася инерцию. Мои ноги касаются пола, и я тут же, не останавливаясь ни на секунду, использую силу этого толчка. Я отталкиваюсь от пола с такой мощностью, что доски жалобно скрипят, и бросаюсь на него по низкой траектории.

Это движение, из тех, что не требуют раздумий. Мой кинжал бесполезен против его меча на расстоянии. Поэтому я сокращаю дистанцию до нуля.

Мой клинок нацелен не в грудь или горло — это было бы самоубийством. Я бью по его ногам, целясь в сухожилия под коленом. Это подлый, но эффективный приём.

Убийца парирует мой удар с лёгкостью, небрежно отведя мой кинжал плоской стороной своего меча. Но я уже не там, где он ожидает. Я использую свой низкий центр тяжести и инерцию переката, чтобы оказаться прямо под его защитой. Моя свободная рука взлетает вверх, целясь костяшками пальцев в точку слияния меридианов. Удар должен парализовать руку на несколько драгоценных секунд.

Мы снова замираем. На этот раз я стою в низкой стойке у его ног, а его меч застыл в миллиметре от моего затылка. Мы оба тяжело дышим.

В его молчании больше смысла, чем в любых словах. Он не ответил на мой вопрос. Но его взгляд... Изучает меня так, будто видит призрака. И в этот момент, я понимаю, что мы с ним знакомы... Но я его не узнаю...

Мы застыли в этом хрупком равновесии, как два хищника, оценивающих друг друга. Его меч у моего затылка, мой кинжал нацелен в его незащищённый бок. На долю секунды мир замер. Я вижу, как в его чёрных глазах мелькает что-то похожее на... удивление?

Эта его заминка — то, что мне нужно.

Я не думаю. Я действую. Вкладываю всю свою ярость и боль в удар, и вонзаю кинжал ему в бок. Лезвие входит в плоть, и я чувствую, как оно тёплее от его крови.

Он шипит от боли, но не отступает. Вместо этого он с силой бьёт меня рукоятью меча по спине, вышибая воздух из лёгких. Боль пронзает позвоночник, но я лишь крепче сжимаю кинжал, проворачивая его.

Это становится последней каплей. Он понимает, что бой в тесной комнате он уже не выиграет. С невероятной для раненого человека ловкостью он отталкивает меня ногой, разрывая дистанцию.

Я падаю на пол, но тут же перекатываюсь и вскакиваю на ноги, готовая к новой атаке. Но его уже нет.

Он просто... Исчез. Лишь лёгкий ветерок, пахнущий ночной прохладой и гарью, колышет занавески. Я бросаюсь к окну и вижу, как по стене, цепляясь за едва заметные выступы, скользит его тень. Он спускается с ловкостью паука, растворяясь в чернильной темноте сада.

Я должна пойти за ним. Он знает меня... Он хотел моей смерти...

Ставлю ногу на подоконник, готовая прыгнуть следом. Но мир вокруг вдруг начинает бешено вращаться. Голова кружится с такой силой, что я теряю равновесие. Вино... Старые раны... Новые раны... Всё это наваливается на меня разом.

С глухим стоном я хватаюсь за оконную раму, чтобы не упасть. Ночной воздух не приносит облегчения, лишь уси-

ливаает тошноту.

Черт!

Я смотрю на свою окровавленную руку, потом на тёмный сад внизу. Убийца был здесь, так близко... И ускользнул, оставив после себя ещё больше вопросов.

Дрожащими пальцами я вытираю нож о свою одежду, прячу за пояс. Смотрю на свои руки — они в крови. Скоро рассвет...

Сон не идёт. Я лежу в темноте, прислушиваясь к тихому дыханию дома и далёким шагам стражи за дверью. Почему никто ничего не заметил?

Рана на руке пульсирует, но мысли о ночном госте и его словах жгут сильнее любого клинка.

Принц говорил, что за мной следят. Тогда я думала, что это бред, способ держать меня в узде. Но Ли Цзинъюань оказался прав... Он ошибся лишь в одном, когда решил, что они пришли за мной... Будет правильнее сказать... Чтобы убедиться в моей смерти!

Я должна все выяснить. Должна понять, в какую игру меня втянули. Сидеть в четырёх стенах и ждать, пока принц решит мою судьбу, — значит проиграть, так и не начав битвы.

Завтра я отправлюсь на прогулку. Просто подышать воздухом после духоты пиршественного зала. Это не вызовет подозрений. А я... Хочу проверить.

Я буду петлять по улицам, заходить в лавки, менять направление. Буду искать тень, которая движется слишком

синхронно со мной. Я должна увидеть лица. Должна понять, кто они и на кого работают.

Первые лучи рассвета едва касаются краёв горизонта, окрашивая небо в бледно-розовые и серые тона. В доме губернатора ещё царит глубокая, сонная тишина. Я бесшумно, словно тень, выскальзываю в коридор.

Набираю воды в таз, и возвращаюсь в свои покои. Обмакиваю чистый лоскут ткани, сжав зубы от холодной дрожи, и осторожно промываю рану на руке. Порез глубокий, но, к счастью, не смертельный. Щиплет нещадно, и я шиплю сквозь стиснутые зубы, прижимая полотенце к коже. Рану нужно обработать хотя бы так, пока лекарь Хуа ещё не проснулся. Я не хочу лишних вопросов.

Закончив, я быстро переодеваюсь в привычную мне одежду.

Выхожу из комнаты, как только рассвет окончательно окрашивает небеса. Стража на нижнем этаже лениво провожает меня взглядом, но не останавливает. Для них я — просто солдат, вышедший по нужде или на утренний обход.

Город Линьань только начинает просыпаться. Воздух свеж и прохладен, пахнет дымом из печей и влажной землёй.

Желудок сводит от голода. После вчерашнего пиршества у меня во рту не было и маковой росинки. К тому же, головная боль от выпитого вина все еще мешает трезво мыслить.

Проникаю на кухню. Здесь царит полумрак и прохлада, пахнет пряностями. В очаге дотлевают последние угли. Ни-

кого из сонных слуг ещё нет.

Я бесшумно, как кошка, проскальзываю между столами. На большом разделочном столе, накрытые чистым полотном, лежат пампушки. Хватаю одну. Тесто мягкое и воздушное. Рядом на доске лежит кусок вяленого мяса и несколько солёных овощей. Не раздумывая, я сгребаю всё это богатство и прячу в широкий рукав.

Мой взгляд падает на глиняный горшок, стоящий у самого края печи. От него исходит едва уловимый пар и божественный аромат. Я осторожно приподнимаю крышку. Рисовая каша. Сладкая, с кусочками фиников и годжи. То, что нужно...

Я нахожу чистую миску и, стараясь не шуметь, наполняю её горячей кашей. В углу замечаю кувшин с чистой водой. Отлично.

С добычей в руках я тихо, словно призрак, выскальзываю из кухни. Тёплая каша согревает изнутри, а мясо возвращает силы. Утренний воздух пахнет свежестью и свободой.

Сегодня мне понадобятся все мои силы. Я должна быть готова к тому, что приготовил для меня этот день.

Но стоит мне переступить порог кухни, как чья-то мощная, несокрушимая грудь преграждает мне дорогу. Я врезаюсь в неё, словно в каменную стену. Горячая каша в миске опасно колыхнется, и я инстинктивно отступаю на шаг назад.

Медленно, очень медленно я поднимаю взгляд. Мои глаза скользят по тёмному шёлку его халата, по сложенным на

груди рукам, и наконец упираются в его лицо... В его недовольное, полное ледяных подозрений лицо.

Какого чёрта он тут вообще забыл? В месте, которое предназначено для слуг!

Его высочество, принц, в этот предрассветный час стоит на кухне, как неуместная статуя из нефрита. В его взгляде нет ни капли сонливости, только острая, как лезвие, настойчивость.

— Мо Цинчжао, — его голос тихий, но в нём слышится рык тигра. — Что ты здесь забыла?

Я выпрямляю спину, стараясь не выдать ни удивления, ни страха.

— Я солдат, Ваше Высочество. А солдат должен есть, чтобы сражаться. Или вы предпочли бы, чтобы я упала в обморок от голода прямо на ваших глазах?

Я демонстративно поднимаю миску с кашей чуть выше.

Его взгляд скользит по моей фигуре, по рукаву, из которого торчит кусок мяса, и на мгновение в его глазах мелькает что-то похожее на... Веселье? Но оно тут же исчезает, сменяясь привычным холодом.

Он смотрит на меня долгим, тяжёлым взглядом. Его губы кривятся в холодной усмешке.

— Тебя не учили этикету? Ты выглядишь, не как солдат, а как обычный воришка! Или ты считаешь себя равной по статусу со слугами? А может... — он делает паузу, его взгляд скользит по моему лицу, делая шаг вперёд и вторгаясь в моё

личное пространство. — ...после вчерашнего у тебя так сильно болит голова, что ты искала на кухне ещё вина?

В его тоне звучит ядовитая насмешка.

Я крепче сжимаю миску с кашей.

— Вино мне не по вкусу, Ваше Высочество. Я предпочитаю простую еду. В отличие от некоторых, я не нуждаюсь в масках и притворстве, чтобы быть собой.

Он протягивает руку и, прежде чем я успеваю возразить, его пальцы касаются моего подбородка, заставляя поднять голову ещё выше.

— Я чувствую на тебе запах крови. Ты ранена!

Это не вопрос.

— Пустяки, — цежу я сквозь зубы.

Он отпускает меня так же внезапно, как и схватил.

— Не лги мне! — выражение его лица внезапно стало серьезным. — Следуй за мной. И не вздумай сбежать. На этот раз я не буду столь... Милосерден.

Он разворачивается и идёт прочь по коридору, уверенный, что я послушаюсь его приказа.

А я стою на месте, сжимая миску с кашей так сильно, что костяшки пальцев белеют.

Ну почему он всегда мешаетя у меня под ногами...

Я изо всех сил старалась избегать чрезмерного взаимодействия с Ли Цзиньюанем. Моей единственной надеждой был лекарь Хуа, я бы приняла какое-нибудь лекарство и спокойно провела этот день!

Иду следом за принцем. Он даже ни разу не обернулся, уверенный в своей власти, в том, что я беспрекословно подчиняюсь ему, как дрессированный зверь. Эта его самоуверенность злит меня больше, чем его приказы.

Он входит в комнату, в которой я ещё не была. Я следую за ним и невольно останавливаюсь на пороге, оглядываясь по сторонам. Это не просто спальня и не гостиная. Это... Цитадель.

Просторное помещение залито утренним светом, пробивающимся сквозь широкие окна, выходящие в сад. Воздух здесь чистый, пахнет старой бумагой, сандалом и воском. Это место пропитано аурой власти и дисциплины.

Вдоль одной стены тянется массивный стеллаж из тёмного дерева, доверху заполненный свитками и толстыми фолиантами в кожаных переплётках. Карты Империи и соседних государств, испещрённые пометками, свисают со стен рядом с полками, на которых в идеальном порядке расставлены образцы минералов и оружия. В дальнем углу на специальной подставке покоится полный парадный доспех, отполированный до зеркального блеска. Он смотрит в пустоту своими смотровыми щелями, словно безмолвный страж.

В центре комнаты стоит огромный письменный стол из красного дерева, заваленный картами и донесениями. За ним стоит тяжёлое кресло с высокой спинкой, напоминающее трон. На столе аккуратно лежат предметы войны: искусно вырезанный из нефрита жуи, чернильный камень, от ко-

торого ещё веет свежестью, и несколько каламов, уложенных в строгий ряд.

Да уж... Бывший генерал неплохо так обжился...

Я присвистываю, не в силах сдержать восхищения, смешанного с горечью. Эта комната, словно памятник силе и амбициям человека, которого уже нет.

Принц, не обращая внимания на мой возглас, проходит к столу и опускается в кресло. Он выглядит здесь на своём месте.

— Принеси мне горячей воды и чистые бинты, — бросает он мне, словно я — его личный слуга.

Я лишь усмехаюсь в ответ, скрещивая руки на груди.

— Я не ваша служанка.

Он поднимает на меня тяжёлый взгляд, и на мгновение мне кажется, что он сейчас взорвётся от гнева. Но вместо этого он лишь щёлкает пальцами и приказывает слуге, замешавшему у двери:

— Приведи лекаря Хуа. Немедленно.

Так это не мне он говорил?! От этой мысли по губам скользит едва заметная усмешка, но я тут же её подавляю.

Через несколько минут в комнате уже стоит лекарь Хуа, его сонное лицо выражает полное недоумение от того, что его подняли в такую рань.

— Старик Хуа, осмотри её, — приказывает принц. Ли Цзиньюань даже не смотрит на меня, его внимание уже приковано к какому-то свитку на столе.

— Ты снова ранена? Когда успела? — лекарь был в полном недоумении, его глаза, подслеповато щурясь, уже искали повреждение на моём теле.

Когда он засыпал меня вопросами, его лицо выглядело таким обеспокоенным, что, казалось, он был готов расплакаться.

Я нахожу это забавным, эта почти отеческая забота согревает сердце, но в то же время... Эту конкретную рану было довольно сложно объяснить. И никак не хотелось поднимать этот разговор при принце. Не сейчас.

— Ничего особенного, — отвечаю я, пытаюсь отмахнуться от его заботливых рук. — Просто царапина. Пустяки.

Но лекарь Хуа — не из тех, кого можно обмануть. Он уже заметил запекшуюся кровь на моём рукаве и, кряхтя, начал бесцеремонно закатывать ткань.

— Царапина? — он хмыкнул, и в этом звуке больше мудрости, чем в сотнях свитков. — Это глубокий порез. Чем тебя угораздило?

Я бросаю быстрый взгляд на принца. Он всё ещё делает вид, что погружён в чтение, но я вижу, как напряглась его спина. Он ждёт ответа.

— Ну... — начинаю я, подбирая слова. — Я точно не уверена... Возможно, вчера я была слишком пьяна?

Лекарь Хуа смотрит на меня долгим, пронизательным взглядом. Он не верит ни единому слову. Но старик слишком мудр, чтобы спорить при свидетелях. Он лишь вздыхает

и качает головой.

Затем достаёт из своей сумки какие-то пахучие травы и начинает промывать рану. Его прикосновения нежны, но я чувствую на себе тяжёлый, изучающий взгляд принца. Взгляд, который пытается прочесть правду по моему лицу.

— Вчера с тобой всё было в порядке, — голос принца звучит обманчиво спокойно, он не отрывает взгляда от свитка, но я чувствую, как воздух в комнате сгущается. — И из комнаты ты не выходила.

Ли Цзинъюань не спрашивает. Он утверждает. И в его словах звучит не просто констатация факта, а обвинение. Он догадывается о чём-то.

Чувствую, как у меня начинает болеть голова. Как я должна объясниться перед принцем?

Я замираю под руками лекаря Хуа, который как раз накладывает на рану целебную мазь. Мой взгляд встречается со взглядом старика. В его глазах я вижу понимание и немой вопрос: «Что ты натворила?»

— Я... — мой голос звучит хрипло, и я прочищаю горло, пытаюсь выиграть время. — Я думаю, что выходила все же из комнаты... Ночью... Уверена, что выходила.

Ложь срывается с губ легко, но под тяжёлым взглядом принца она кажется неуклюжей и детской.

— Ночью, значит, — он наконец откладывает свиток и смотрит прямо на меня. — И где же ты гуляла в такой час, Мо Цинчжао? В саду? Или, может быть, у городской стены?

Я заставляю себя посмотреть ему в глаза, не моргнув.

— Я не обязана отчитываться перед вами о каждой своей прогулке, Ваше Высочество. Я не пленница.

Становится слишком тихо... Даже лекарь Хуа перестаёт возиться с повязкой и замирает, боясь вздохнуть.

Уголок губ принца дёргается в холодной усмешке.

— Не пленница? — он поднимается из-за стола одним плавным, хищным движением. — Тогда объясни мне, откуда у тебя свежая рана, которую нанёс клинок? Держишь меня за дурака?

Он подходит ближе, его тень падает на меня.

— Ты с кем-то встречалась, Мо Цинчжао? С кем-то, кто очень не хотел, чтобы его видели?

Я решаюсь всё рассказать. Зная принца, не думаю, что смогу избежать наказания. Он, как стихия, как горный обвал: если уж пришёл в движение, ничто его не остановит. Он всё равно узнает, что в мою комнату кто-то проник ночью. Узнает от стражи, от слуг или просто почувствует ложь. А так... Так я хотя бы смогу оправдаться. Сбросить с себя груз этой тайны, которая жгла меня изнутри, словно раскалённый уголь.

Я вдыхаю поглубже, чувствуя, как лекарь Хуа закончил перевязку и тихо отошёл в сторону, оставив нас наедине.

— Вы правы, Ваше Высочество, — мой голос звучит ровно, но в тишине комнаты он подобен удару колокола.

Принц замирает.

— Надо же, теперь ты говоришь со мной официально?

Он не ожидал, что я сдамся так легко. В его глазах мелькает что-то похожее на удивление, но оно тут же сменяется привычной маской ледяного внимания.

— Продолжай, — его приказ звучит мягче, чем раньше. Это не угроза, а... Интерес.

Я встречаю его взгляд прямо, не опуская головы.

— Этой ночью кто-то проник в мою комнату. Пока я спала.

Лекарь Хуа за моей спиной издаёт тихий вздох.

— Я притворилась спящей. Он наклонился ко мне, уверенный в том, что я в бессознательном состоянии. Он пытался меня убить. И убийца знал, что на пиршестве, я изрядно выпила...

Я поднимаю руку, показывая на свежую повязку.

— Я ранила его кинжалом. Но он был слишком быстр. И ушёл через окно, как только я отвлеклась.

Я делаю паузу, собираясь с мыслями. Принц не перебивает, а размышляет. Ждет, что я скажу еще.

— Он знал меня... Уверена, мы были знакомы с ним в прошлом...

Я закрываю глаза, воскрешая в памяти его образ, чтобы не упустить ни единой детали.

— Его лицо... Суровое, с острыми, будто резкими чертами. Но больше всего в память врезался шрам. Он пересекал его левую щеку наискось, от виска до уголка губ, старый,

побелевший, но всё ещё уродливый. Он добавлял его облику хищности, превращая лицо в маску безжалостного убийцы. Глаза... Я не успела разглядеть их цвет, они были двумя тёмными провалами в тени. Одежда его была совершенно чёрной, как сама ночь. Никаких знаков отличия, никаких гербов. Тёмная ткань плотно облегла его жилистую, гибкую фигуру. Он двигался бесшумно, как тень, и я уверена, что под этой одеждой скрывались метательные ножи и тонкие, как иглы, стилеты. Его мастерство было в скорости и точности. Он был профессионалом.

Я жду. Жду гнева принца, его насмешек, его обвинений во лжи.

Но вместо этого принц Ли Цзинъюань смотрит на меня долгим, тяжёлым взглядом, в котором отражается только холодная, расчётливая ярость хищника, который наконец-то взял след своей добычи.

Глава 9

«Истинная сила не в размахе клинка, а в точности и выдержке».

(Наставница Вэй)

Избавившись от компании принца и его назойливой опеки, я отправляюсь на прогулку, как и планировала. Город Линьань, хоть и небольшой, но оказался удивительно красивым и зажиточным, словно драгоценный камень в оправе из зелёных холмов.

Я петляю по узким, мощёным камнем улочкам, где воздух пропитан ароматами свежей выпечки, жареного мяса и цветущих слив. По обеим сторонам улиц тянутся ряды аккуратных домиков с черепичными крышами, изогнутыми к небу, словно крылья птиц. На подоконниках стоят горшки с азалиями и орхидеями, а у дверей лавок висят красные бумажные фонарики, тихо покачивающиеся на ветру.

В центре города возвышается пагода с девяти ярусной крышей, её шпиль, покрытый золотой краской, ослепительно сияет в лучах солнца. Мимо меня снуют торговцы шёлком и фарфором, степенно проходят чиновники в длинных халатах, а у колодца весело щебечут женщины, пришедшие за водой.

Город жил своей мирной, размеренной жизнью, не подо-

зревая о тучах, сгущающихся над ним.

Я брожу долго по проулкам, намеренно меняя направление, заходя в лавки и тут же выходя через чёрный ход. Я веду себя как обычный зевака, наслаждающийся прогулкой.

И наконец-то я уловила то, что хотела. Тень, которая двигается слишком плавно. Отражение в витрине лавки каллиграфа, которое замирает, когда я останавливаюсь.

В прошлом я бы не придавала этому значения. Я бы списала это на случайность или излишнюю подозрительность. Но теперь... Теперь всё изменилось.

Кто-то не просто желает меня убить. Он знает кто я. Он знает, откуда я. Знает, что я была смертельно ранена.

Но он не знает одного.

Он не знает, что я потеряла абсолютно все воспоминания.

И эта его ошибка станет для него роковой. Я — чистый лист. Непредсказуемый и опасный.

Мне удаётся рассмотреть того, кто всё это время следит за мной. Он держится на почтительном расстоянии, скрывая лицо под широкой соломенной шляпой. Я ловлю его отражение в начищенном медном чайнике, который трактирщик выставляет на соседний столик. Обычное, незапоминающееся лицо. Чёткая линия подбородка, широкие скулы... Но на его лице нет шрама. Это не тот, кто напал на меня ночью.

Холодок пробегает по спине, от осознания, что принц был прав.

Спустя некоторое время, петляя по рынку и делая вид, что

меня интересуют шелка и специи, я окончательно убеждаюсь в своих подозрениях. Второй соглядатай держится с другой стороны улицы. Они не перекрывают мне путь, они просто наблюдают. Ждут. Но я не понимаю зачем? Почему не попытаться убить меня сейчас?

Если они хотят играть в эту игру, я дам им то, чего они ждут.

Я захожу в шумную таверну на перекрёстке двух улиц. Место оживлённое, пахнет жареным мясом, кислым вином и потом. Сажусь за дальний столик в углу, откуда хорошо просматривается весь зал, и заказываю кувшин вина. Делаю вид, что увлечённо разговариваю с трактирщиком о погоде и ценах на рис, хотя всё моё внимание сосредоточено на двери.

Проходит совсем немного времени. Мой первый «хвост», сняв шляпу и стараясь выглядеть непринуждённо, заходит в таверну. Он окидывает зал быстрым, цепким взглядом и направляется к стойке, делая вид, что его интересует выпивка.

А спустя пару минут к нему подсаживается ещё один человек. Они не смотрят друг на друга, не обмениваются ни единым словом. Просто два незнакомца, пьющих вино в полдень.

Лица не запоминающиеся. Они из тех людей, которых вы видите сотню раз на улице и никогда не вспомните на следующий день. Идеальные тени.

Я отхлёбываю вина, кривясь от его кислого вкуса, и продолжаю свой бессмысленный разговор с трактирщиком. Моя

рука под столом медленно сжимается в кулак.

Они даже не пытаются скрыться. Напротив, они ведут себя вызывающе открыто. Думают, что я их не заметила. Или... Они хотят, чтобы я знала.

И как же давно они следят за мной? С самого начала? С того момента, как я очнулась в лагере? Или... Ещё раньше? Эта мысль ледяным осколком вонзается в сердце.

И кому это нужно? Кому нужна моя смерть? Кто же так сильно опасается меня?

Допиваю вино одним большим глотком. Кислятина обжигает горло, но проясняет мысли. Оставляю несколько медных монет на столе. Пусть трактирщик запомнит щедрого солдата.

Выхожу на улицу, ускоряя шаг. Мне нужно оторваться. Ныряю в толпу у рыночной площади, перепрыгиваю через низкую ограду в чей-то сад. Действую инстинктивно, используя каждый поворот, каждую тень.

Я больше не жертва.

Теперь мишень здесь буду не я, а вы.

Я завожу их в узкий, глухой тупик, где стены домов смыкаются так тесно, что едва можно протиснуться. Здесь пахнет сыростью и нечистотами.

Перепрыгиваю через низкую глинобитную ограду, и боль в раненом плече вспыхивает с новой силой, словно раскалённая игла. Но я лишь крепче стискиваю зубы.

Я бегу, и мир вокруг превращается в размытое пятно

из красок и звуков. Использую инерцию, чтобы взлететь на крышу низкого сарая, пробежать по ней несколько шагов и прыгнуть с другой стороны, не потеряв ни секунды. Продолжаю скользить между повозками, запряжёнными сонными быками, проскальзываю под навесами, где сушится бельё, и оно хлопает на ветру, создавая мимолётную завесу.

Мои преследователи тяжелее и, возможно, сильнее. Я петляю по лабиринту переулков, каждый поворот — новый обманный манёвр.

Вскоре забегаю в торговую палатку, где продают женские вещи. Воздух здесь сладкий и удушливый от аромата жасминового масла и дорогой пудры. Хозяйка — дородная женщина с лицом, похожим на печёное яблоко, вскрикивает от неожиданности, но я бросаю на стол несколько монет, и её возмущение тут же сменяется угодливой улыбкой.

Долго не думаю.

Срываю с себя грубую солдатскую одежду. Мои движения быстры и точны. На мне остаётся лишь нижняя рубаха.

Я надеваю шелковое платье, цвета утренней лазури. Ткань прохладная и гладкая, она струится по телу, как вода, совершенно не сковывая движений. Высокий воротник мне приходится по вкусу.

Распускаю волосы, и они тёмной волной падают на спину, скрывая повязку на плече. Затем беру шляпу с вуалью — изящную конструкцию из бамбука и шёлка. Вуаль тонкая, как паутинка, она не мешает обзору, но полностью скрывает

черты моего лица, оставляя лишь тень моих глаз.

Смотрю на своё отражение в полированном бронзовом зеркале. На меня смотрит не солдат Мо Цинчжао. На меня смотрит знатная дама — изящная, утончённая и совершенно безобидная.

Покидаю палатку совершенно другим человеком.

Спокойно выдыхаю, чувствуя, как прохладный шёлк платья струится по коже. Я больше не бегу. Моя походка плавная, неспешная, плечи расслаблены. Никто не станет на мне заострять внимание.

Мимо меня спешно проходит один из тех наемников, кто следил за мной. Он напряжён, его глаза лихорадочно шарят по толпе. Он ищет солдата в кожаном доспехе, а видит лишь размытое пятно женских нарядов. Наемник не узнал меня. Он пробегает в шаге от меня, обдав запахом дешёвого пота. Остались ещё двое.

Не меняя выражения лица, я продолжаю свой путь, но мой курс незаметно меняется. Я шагаю следом за тем, кого встретила первым. Держу дистанцию в десять шагов, затерявшись в толпе.

Мужчина озирается по сторонам, его движения становятся дёргаными, нервными. Он потерял цель и теперь боится гнева своего нанимателя. Ускоряет шаг, почти переходя на бег, но я не отстаю.

Он ведёт меня прочь от центральных улиц, вглубь ремесленного квартала, где дома жмутся друг к другу, а воздух

пахнет дымом кузнечных горнов и свежими опилками. Здесь меньше людей, легче следить и... Легче убивать.

Я иду за ним, чтобы узнать, кто же дёргает за ниточки.

Не могу точно рассмотреть, с кем говорит незнакомец. Лицо его собеседника скрыто в тени дверного проёма кузницы, но я вижу, как в руках у того поблёскивает тяжёлый молот. Значит, кузнец? Становится... Интереснее. Сколько же шпионов, убийц и доносчиков скрыто в этом, казалось бы, тихом и зажиточном городке? Каждый второй здесь не тот, за кого себя выдаёт.

Затем кузнец передаёт ему небольшой, завёрнутый в ткань свёрток. Что же это?

Мой «подопечный» быстро прячет свёрток за пазуху и, не оглядываясь, удаляется по узкой улочке.

Сливаюсь с людьми на улице, и бесшумно слеую за ним. Наемник петляет, проверяя, нет ли слежки, но теперь он — моя добыча, и я так просто, не раскрою себя.

Мы приходим к красиво украшенному поместью, что стоит чуть в стороне от главной улицы. Это не дом аристократа... Нет. Это место дышит иным, порочным великолепием. Резные деревянные колонны, покрытые алым и золотым лаком, поддерживают изогнутую крышу с загнутыми вверх карнизами. Фасад украшен множеством красных бумажных фонариков, которые покачиваются на ветру, бросая на землю трепещущие тени. Из-за приоткрытых окон доносятся приглушённые звуки гуциня и женский мелодичный смех,

который звучит, как безжизненный.

На массивных воротах, ведущих во внутренний двор, висит изящная деревянная табличка. Я прищуриваюсь, пытаюсь разобрать каллиграфическую надпись.

«Павильон Десяти Тысяч Цветов».

Под названием более мелким шрифтом выведена фраза: «Там, где увядает один цветок, расцветают тысячи других».

Мой провожатый уверенно проходит внутрь, обменявшись парой слов со стражем у ворот. Я остаюсь снаружи, в тени соседнего здания. Так вот оно что. Гнездо порока, где сплетаются не только тела, но и тайны. Идеальное прикрытие для заговоров и шпионских игр.

Я поправляю вуаль на шляпе. Игра становится всё опаснее, но и ставки растут. Если я хочу узнать хоть что-то, мне придётся войти в этот «Павильон». И я почти уверена, что принц Ли Цзиньюань будет очень недоволен, если узнает об этом. Я улыбаюсь про себя.

Пока думаю, как проникнуть в это логово тигра, в голове мелькает мысль. Мне нужно притвориться... одной из служанок или, быть может, ученицей гэгю, что прибыла для увеселения гостей. Но как войти внутрь незамеченной? Стража у ворот бдительна, а мой нынешний облик слишком приметен для таких дел.

Решаюсь вновь сменить личину. Это рискованно, но другого пути нет.

Забегаю в ближайшую торговую палату, где продают тка-

ни и готовую одежду. Здесь пахнет свежей краской, шёлком и пылью. Не теряя времени, подхожу к прилавку и, не торгуясь, выбираю то, что мне нужно. Я покупаю одежду мужскую, но благородного кроя. Она для молодого учёного или сына мелкого чиновника, который хочет выглядеть достойно.

В примерочной я быстро переодеваюсь. На мне теперь тёмно-синий халат из плотного, но гладкого хлопка, с едва заметным узором из серебряных нитей на воротнике-стойке. Он не сковывает движений, но выглядит достаточно богато, чтобы не вызывать подозрений. Под него я надеваю простую белую рубашу с широкими рукавами. Штаны из того же материала, что и халат, подпоясаны шёлковым поясом.

Беру в руки «дзюэцзы» — классическую коническую шляпу учёного. Она сделана из тонких, плотно сплетённых полосок бамбука, лёгкая и прочная. Сверху она обтянута той же тёмно-синей тканью, что и мой халат. Но её главная особенность — широкие, опущенные вниз поля, которые отбрасывают глубокую тень на лицо, скрывая глаза и линию подбородка. Она не просто защищает от солнца, она делает своего владельца анонимным, превращая лицо в неразличимый овал.

Я надеваю её, поправляю так, чтобы поля скрывали все мои черты, и смотрю в полированное зеркало, которое торговец поставил для покупателей.

На меня смотрит молодой человек, чей статус непонятен,

а лицо скрыто в тени. Идеально.

Выхожу из лавки, чувствуя себя совершенно другим человеком. Я больше не солдат и не знатная дама. И именно это позволит мне войти в «Павильон Десяти Тысяч Цветов».

Поправляю шляпу и выхожу из переулка.

Игра началась.

Как ни в чём не бывало, вхожу внутрь. Тяжёлые створки ворот закрываются за моей спиной, отсекая уличный шум. На меня тут же обрушивается волна звуков и запахов: густой аромат благовоний, сладкий запах духов, тихая, чарующая мелодия пипы и приглушённый женский смех.

На меня сразу же набрасываются барышни. Это то, чего я не ожидала... Или ожидала? Они словно прекрасные цветы в ярких, полупрозрачных одеяниях. Их лица напудрены до белизны, губы алеют, как вишни, а в подведённых глазах пляшут лукавые искорки. Они щебечут, окружая меня плотным кольцом, их тонкие руки с длинными ногтями касаются моих рукавов, пытаюсь привлечь внимание.

Я не отталкиваю их, а играю свою роль, как того требуют обстоятельства..

Подхватываю одну из красавиц за талию, с глазами, похожими на спелые сливы, и лениво улыбаюсь ей, чуть пьяно, как подобает богатому юнцу, в поисках развлечений.

— Потанцуем? — мой голос звучит хрипло, но достаточно уверенно.

Она смеётся, и её смех звенит музыкой. Я кружу её в тан-

це, делая вид, что слегка пошатываюсь от выпитого вина. Мы движемся в такт музыке, лавируя между низкими столиками и другими парочками. Это даёт мне прекрасную возможность осмотреться, не привлекая внимания. Я запоминаю расположение дверей, окон, количество стражи у входа во внутренние покои. Мой взгляд цепкий, но со стороны кажется похотливым интересом.

Затем хватаю с подноса проходящего мимо слуги бокал вина. Делаю большой глоток. Вино сладкое и крепкое. Я достаю из-за пояса небольшой шёлковый мешочек и небрежно бросаю на поднос несколько серебряных монет с выгравированным драконом. Они со звоном падают рядом с пустыми кубками.

Я разбрасываюсь деньгами, как мне и подобает. Подумаешь, какие-то несколько монет? Уверена, принц и не заметит пропажи такой крошечной суммы. Для него это пыль.

Позволяю другой девушке увлечь меня к столику в углу, где стоят удобные подушки. Я изображаю из себя богатого и скупающего гостя.

Тот, кого искала, я не нашла. Его нет в общем зале, среди музыкантов и танцовщиц. Значит, они скрыты в дальних покоех, куда простым гостям и уж тем более слугам вход заказан. Я не могу терять время на праздные разговоры и танцы. Каждая минута на счету.

Я жестом подзываю дородную женщину с цепким взглядом и улыбкой, которая не касается её глаз. Она мгновенно

оценивает мой дорогой халат, небрежную манеру и, что важнее всего, звон серебра, которым я только что расплатилась.

— Почтенная госпожа, — мой голос звучит чуть хрипло, я стараюсь казаться расслабленной и уверенной. — Ваша красота затмевает цветы в саду, но я ищу уединения. У меня был тяжёлый день, и я хотел бы отдохнуть в компании самой очаровательной из ваших жемчужин.

Её глаза на мгновение вспыхивают расчётливым блеском. Она кивает, и из-за её спины тут же выплывает та самая девушка, с которой я танцевала. Она улыбается мне, но в её глазах, лишь профессиональная вежливость.

— Позвольте предложить вам нашу лучшую комнату и общество Мэйлин. Она здесь редкий цветок, способный развеять любую печаль.

Я киваю и, не торгуясь, выкладываю на её ладонь несколько крупных серебряных слитков. Это гораздо больше, чем стоит одна ночь. Это плата не за тело, а за молчание и доступ.

— Этого достаточно?

Её глаза округляются, а улыбка становится почти искренней.

— Более чем, молодой господин. Прошу за мной.

Она ведёт нас через лабиринт коридоров, устланных мягкими коврами. Воздух здесь ещё гуще, пахнет дорогими благовониями и розовым маслом. Наконец, она останавливается у одной из дверей из красного дерева, украшенной тонкой резьбой.

— Лучшая комната для лучшего гостя.

Она открывает дверь и с поклоном отступает в сторону.

Я вхожу внутрь, увлекая за собой девушку. Комната для уединений — это целый маленький мир. Пол устлан толстым ковром с длинным ворсом. В центре расположен низкий столик из красного дерева, на котором уже стоит кувшин с подогретым вином и фрукты. В углу — расписная ширма, за которой виднеется край кровати с шёлковыми простынями.

Как только дверь за нами закрывается, я меняюсь в лице. Улыбка сползает с моих губ. Я хватаю девушку за руку чуть крепче, чем нужно.

— Слушай внимательно, Мэйлин, — мой голос больше не звучит пьяно и развязно. И я вижу, как по её напудренной щеке пробегает дрожь. — Я здесь не для утех. Мне нужна информация. И если ты хочешь выйти из этой комнаты живой и невредимой, ты должна слушать то, что я тебе говорю.

Она напуганно смотрит на меня огромными, как персики, глазами и быстро кивает. В моих планах точно не входило пугать девушку до полусмерти, но времени на нежности нет.

— Ты сейчас разденешься, — продолжаю я, стараясь, чтобы мой тон звучал ровно и властно, а не угрожающе. — Пойдёшь за ширму. Сделаешь вид, что меня не видела.

Я кидаю на низкий столик рядом с кувшином вина ещё несколько серебряных монет. Сверх той платы, что уже дала «матушка».

— Это за твоё молчание. И за платье. Надеюсь этих Манет

хватит, чтобы выкупить себе свободу.

Она смотрит на серебро, потом на меня. В её взгляде страх медленно сменяется пониманием. Она кивает и, не говоря ни слова, скрывается за расписной ширмой.

Я жду, прислушиваясь к шороху шёлка. Моё сердце колотится где-то в горле. План рискованный, но другого нет. Я должна стать ею. Должна исчезнуть, превратившись из мужчины в женщину.

Через несколько минут из-за ширмы доносится её тихий голос:

— Я готова.

Беру со стола бокал с вином, и прохожу за ширму. Делаю долгий глоток... В полумраке, стоит она. А на низком табурете лежит аккуратно сложенное платье из тончайшего алого шёлка.

Пора сменить маску...

— Оставайся здесь, — приказываю я. Мой голос звучит тихо. — И не высывайся до конца вечера.

— Госпожа... — девушка окликает меня почти сразу, её голос дрожит от волнения. — Вечером банкет. Прибудет много гостей. Если меня не будет в зале, это сразу же заметят! «Матушка» будет в ярости.

Замираю, рассматривая веер из слоновой кости. Она права. Я не подумала об этом. Её отсутствие вызовет подозрения, а шумиха мне совсем ни к чему.

Я оборачиваюсь и смотрю на неё. В её глазах больше нет

страха, только мольба и отчаянная надежда.

— Спасибо... — тихо произношу я, и в моём голосе звучит искренняя благодарность. — Ты мне очень помогла.

Я делаю шаг к ней, и мой взгляд становится острым, пронзительным.

— Но... Как ты поняла, что я девушка?

Она опускает глаза, теребя край своего рукава.

— Ваши руки... Они слишком изящные для мужчины, даже для благородного юноши. И то, как вы двигались... В танце была грация, которой нет у мужчин. А когда вы заговорили со мной здесь... В вашем голосе не было той грубости или похоти, что бывает у других гостей. Я сразу поняла, что этот голос принадлежит необычной женщине!

Она поднимает на меня взгляд, полный робкого восхищения.

— Вы не похожи на тех, кто приходит сюда ради забавы. Вы здесь по другой причине. И я... Я не хочу иметь ничего общего с теми, на кого вы охотитесь.

Молча киваю. Она оказалась смышленнее, чем я ожидала.

Я почти ничего не понимаю в женских штучках и Мерлин с радостью помогла мне разобраться. Она, ловко орудуя шпильками и кистями, превратила меня в совершенно иное существо. Смотрю на своё отражение в полированном металле и едва узнаю себя.

На мне наряд из тончайшего алого шёлка, лёгкий, как крылья бабочки. Он намекает, дразнит воображение, скры-

вая пикантные места. Полупрозрачная ткань, расшитая золотыми фениксами, струится по телу, подчёркивая каждый изгиб. Плечи остаются открытыми, а высокий воротник лишь создаёт иллюзию скромности. При каждом движении шёлк переливается, словно живое пламя.

Волосы мне Мэйлин собрала в сложную высокую причёску, украсив её шпильками с жемчугом. Несколько искусно выпущенных прядей обрамляют лицо, спускаясь к шее. А лицо скрыто за тончайшей вуалью того же алого оттенка, что и платье. Она не мешает обзору, но превращает меня в загадочный, недостижимый цветок. Никто не прочтёт моих мыслей.

Я беру со столика бокал с вином и, не оборачиваясь, выхожу из комнаты, возвращаясь в шум и блеск главного зала. Я двигаюсь плавно, покачивая бёдрами, как и подобает девушке из «Павильона». Ещё один прекрасный цветок в этом увядающем саду... Однако, этот цветок ядовит.

Пытаюсь скопировать поведение девушек борделя, но не уверена, что у меня получается. Это не просто танец или походка, это целый язык, сотканный из плавных жестов, опущенных глаз и тихого, мелодичного смеха. Я стараюсь следовать за танцовщицами, скользя по лакированному полу, мои руки порхают, словно крылья бабочки, а взгляд из-под алой вуали устремлён в пустоту.

Мне отвратительны похотливые рожи господ. Их глаза маслянисто блестят, когда они тянутся ко мне, их пальцы,

унизанные перстнями, бесстыдно касаются шёлковых рукавов. Эти мужчины, скорее всего, сбежали из своих роскошных домов, где их ждут верные супруги и целые гаремы наложниц, чтобы найти здесь то, что нельзя купить за деньги — иллюзию власти и запретную страсть.

Внезапно резкий звук «гучжэна» обрывается. В дверях, ведущих во внутренние покои, появляется «матушка». Её лицо непроницаемо. Очень неприятная женщина...

— Сестры! — её голос звучит негромко, но проникает в каждый уголок зала. — Приготовьтесь. Вечером прибывает важный гость. Будет большой банкет. Вы должны сиять ярче звёзд и быть тише воды.

Не совсем понимаю, что мне делать, но паника — плохой советчик. Я просто замираю на месте, стараясь стать невидимой. И наблюдаю.

Девушки вокруг меня мгновенно преобразуются. Они выстраиваются в ряд, их лица становятся серьёзными и сосредоточенными. Одна из старших девушек начинает раздавать указания:

— Мэйхуа, твоя причёска растрепалась! Поправь шпильки!

— Лицо должно быть белым, как нефрит! Где твоя пудра? Я вижу их подготовку: они поправляют друг другу «цзе» — сложные головные уборы с цветами и подвесками, наносят последние штрихи макияжа, подкрашивая губы кармином до цвета спелой вишни. Это не просто сборище курти-

занок. Каждая девушка — произведение искусства, и сейчас они готовятся к важному выступлению.

Я повторяю за ними. Опускаю голову и украдкой проверяю свою вуаль.

— Мэйлин ты сегодня такая молчаливая, — обращается ко мне одна из девушек.

— Я неважно чувствую себя сегодня, — шепчу я, надеясь, что меня не раскроют.

— Ты должна о себе позаботиться! Потерпи немного.

Я киваю, стараясь больше ни с кем не вступать в диалог.

Когда нас, словно пёстрых птиц из золотой клетки, выгоняют в общий зал, вокруг мгновенно поднимается волна шума.

Музыка льётся, словно мёд. Звуки пипы и ди сплетаются в чувственную, тягучую мелодию, которая обволакивает сознание. Куртизанки начинают танцевать. Они извиваются, словно ивы на ветру, их шёлковые рукава взлетают, как крылья бабочек, а веера из слоновой кости то скрывают, то открывают их лица, дразня и заманивая в свои сети.

Я стою в тени колонны на балконе, стараясь не привлекать внимания. Моя рука сжимает холодный нефрит бокала с вином, который я даже не пригубила.

И наконец, ловлю взглядом тех, кто следил за мной. Я долго ждала этого момента, и теперь никак не могу упустить их из виду!

Они сидят в центре зала, в самом удобном месте. Их стол

ломится от яств: жареные лебеди, моллюски, редкие фрукты. Их больше, чем я думала.

Сейчас их четверо.

Первый — тот самый широколицый, которого я выследила от кузницы. Он жадно ест, не обращая внимания на представление.

Второй — худой, как щепка, с лицом, похожим на лезвие ножа. Его глаза — две узкие щели, он не смотрит на танцовщиц, его взгляд постоянно шарит по залу.

Третий — совсем юный, почти мальчик, но с глазами старика. Он сидит напряжённо, его руки лежат на коленях, и он не притрагивается ни к еде, ни к вину.

А четвёртый... Четвёртый заставляет моё сердце пропустить удар. Это высокий мужчина с военной выправкой, хотя на нём и нет доспехов. Его лицо пересекает старый шрам. Именно его я видела в своей комнате. Он пытался меня убить.

Они сидят вместе, но не как друзья. Больше похожи на стаю волков.

«Павильон Десяти Тысяч Цветов» гудит вокруг меня весельем и музыкой, но для меня весь мир сузился до этого стола в центре зала.

Я медленно постукиваю тонкими пальцами по гладкому, прохладному нефриту бокала. Звук почти не слышен за громкой музыкой и смехом. Вино в бокале кроваво-красное, оно колыхается в такт ударам моего сердца.

Я размышляю, продолжая наблюдать за ними из-под опущенных ресниц и вуали.

Все здесь... Наемники, убийцы, шпионы. Чиновник с печатью, чья власть простирается на этот город, и... Тот, в халате с золотыми драконами. Знак того, насколько этот мир прогнил...

Ставлю бокал на низкий столик. Пора заканчивать этот цирк. Теперь нужно придумать, как выбраться отсюда живой. И сделать это так, чтобы никто не понял, что я была здесь.

Спустя некоторое время, когда представление на сцене достигает своего апогея и музыка становится неистовой, к их столу подходят ещё двое. Становится очевидно — по рангу они выше остальных. Вероятно, значительно выше.

Мужчина средних лет, одетый в тёмно-зелёный халат чиновника высокого ранга, а на его поясе висит нефритовая печать. Его движения неторопливы, а взгляд холоден и расчётлив. Он не смотрит на сцену, и он... Не из Да Чэня, а из империи Цинь.

А тот, который рядом, заставляет моё сердце пропустить удар. Он моложе, лет тридцати, с утончёнными чертами лица и надменным изгибом губ. На нём роскошный парчовый халат, расшитый золотом. Один из его рукавов расшит узором из пяти когтей. Узор, который может носить лишь тот, кто близок к императорской семье. Но откуда мне это известно? Я не могу ответить на этот вопрос, но знаю, что он из Да Чэ-

нь...

Он кажется мне знакомым. Я всматриваюсь в его лицо, скрытое в тени, и чувство дежавю пронзает меня насквозь. Я знаю этот надменный профиль. Я видела его раньше... Но где? Память ускользает, как вода сквозь пальцы.

Пока я размышляю, пытаюсь ухватить ускользающее воспоминание, одна из девушек, тихонько толкает меня локтем в бок. Я вздрагиваю и перевожу на неё взгляд.

Она улыбается мне одними глазами. Её пальцы порхают по струнам гучжэн с невероятной скоростью, извлекая мелодию, которая является прекрасным прикрытием для её шёпота.

— Не смотри на них так пристально, сестра, — шепчет она едва слышно, не переставая играть. — Тебе скоро выходить. Приготовься. Твой танец завершает шоу.

Стою, не в силах возмутиться или что-то сказать. Мой танец? Чёрт... Они думают, что я — Мэйлин.

Паника ледяной волной окатывает меня с головы до ног. Я не знаю ни одного движения! Я — воин, а не танцовщица! Открываю рот, чтобы возразить, но меня уже подталкивают в спину, и я, спотыкаясь, выхожу из-за ширмы.

Вскоре меня буквально выталкивают на сцену.

Свет множества ламп и свечей бьёт в глаза. Музыка, до этого казавшаяся просто фоном, становится оглушительной. Она торжественная, сложная, полная скрытых смыслов. Вначале я не знаю, что делать. Моё тело цепенеет. Я стою как

вкопанная, парализованная страхом и светом сотен глаз, устремлённых на меня. Теряюсь в пространстве. Сцена кажется огромной и враждебной. Я даже не знаю, умею ли я танцевать.

Слышу, как в зале поднимается гул. Сначала тихий, удивлённый шёпот, который быстро перерастает в громкий, насмешливый смех.

Это провал. Полный и безоговорочный провал. Сейчас они поймут, что я — самозванка.

И в этот момент, когда я уже готова сорвать с себя вуаль и признать поражение, мой взгляд падает на их стол.

Чиновник с печатью хмурится и отворачивается, теряя интерес. Мальчишка смотрит с жалостью. Но тот, со шрамом... Он не смеётся. Он подаётся вперёд, его глаза сужаются. Он смотрит на меня с хищным, пристальным вниманием, словно гончая, почуявшая новый, незнакомый след.

Он что-то заподозрил? Узнал?

И эта мысль бьёт меня сильнее любого страха.

Я не могу провалиться. Не сейчас.

Музыка продолжает литься. Закрываю глаза.

Игра становится опаснее, чем я думала.

Чувствую, как ритм музыки меняется, становясь более резким, воинственным. Делаю шаг вперёд, и алый шёлк моего платья струится по полу, как пролитая кровь. Я поднимаю руки.

— Господа, — мой голос, усиленный музыкой, звучит яс-

но и звонко, — сегодня у меня для вас особенный подарок. Я исполню танец, который не предназначен для праздных глаз. Это танец стали и ветра. Поэтому я прошу кого-то из вас, храбрейших воинов, одолжить мне свой меч.

Толпа вскрикивает с восторгом. Это дерзко. Это неожиданно. Это именно то, что нужно, чтобы отвлечь их внимание от моей неловкости.

Один из гостей, молодой офицер с горящим взглядом, вскакивает со своего места. Он с лёгкостью выхватывает свой меч из ножен и, сделав короткий разбег, подбрасывает его в воздух. Клинок, поймав отблеск свечей, вращается в полёте, сверкая хищной молнией.

Время замедляется. Делаю шаг вперёд, моё тело изгибается в плавном, текучем движении. Мои пальцы смыкаются на рукояти в тот самый миг, когда острие готово коснуться пола. Клинок замирает в моей руке абсолютно неподвижно, словно он всегда был её продолжением.

Зал замер в ожидании...

Тяжесть знакомого оружия придаёт мне уверенности. Это не изящные па куртизанок. Это смертельный вихрь. Я вращаюсь на месте, и алое платье развевается колоколом. Меч поёт в моей руке, рассекая воздух с низким, утробным гулом. Он чертит в воздухе сияющие восьмёрки, ловит свет и отбрасывает его на стены. Мои ноги едва касаются пола, я скольжу по сцене, словно невесомый призрак.

Я не смотрю на толпу. Мой взгляд прикован к одной точ-

ке.

Совсем близко к сцене стоит юноша в маске. Его высокая фигура в тёмных одеждах загораживает мне обзор на тех, кто мне действительно интересен. Он стоит неподвижно, скрепив руки на груди, и наблюдает за мной. Его белая, гладкая маска, без всяких узоров, делает его похожим на безликого судью.

Но я чувствую его взгляд. Он тяжёлый, изучающий. И он не принадлежит простому зрителю.

Кто ты? И почему ты стоишь между мной и моей целью?

Я танцую, как вихрь. Я не знаю и не понимаю, откуда знаю эти движения, но тело движется само по себе, словно я танцевала его тысячи раз, и каждая мышца помнит этот смертельный узор.

Продолжаю скользить по сцене, почти прижимаясь к полу, меч в моей руке чертит плавные дуги у самой земли. Это обманчивая мягкость. Это «Ива, гнувшаяся под ветром», готовая в любой момент распрямиться и захлестнуть.

Затем темп нарастает. Я взлетаю в прыжке, и алый шёлк платья взмывается вместе со мной, превращаясь в одно целое с вращающимся клинком. Меч описывает сверкающие восьмёрки, ловя отблески свечей и превращая их в россыпь звёзд. Я вращаюсь на одной ноге так быстро, что становлюсь размытым алым пятном, а клинок вокруг меня образует сплошную стену из полированной стали.

Прыжок. Кувырок в воздухе. Клинок описывает смерто-

носную дугу над моей головой, и я приземляюсь в низкий присед, словно тигрица перед броском. Мои волосы, выбившиеся из причёски, падают на лицо, но я не обращаю никакого внимания.

Я чувствую, как ритм музыки и ритм моего сердца сливаются в одно.

Все вокруг хлопают и выкрикивают. Гром аплодисментов обрушивается на меня, как волна. Мужчины свистят и топают ногами, их лица покраснели от восторга и вина.

И только юноша в маске не хлопает. Он просто смотрит на меня.

Последнее действие... Мой взгляд, острый, как лезвие клинка, впивается в цель. Убийца... Тот, со шрамом... Он сидит, откинувшись на спинку кресла, его губы кривятся в довольной ухмылке. Думает, что он в безопасности.

Я должна убить его. Сейчас. Пока есть шанс. Эта мысль в голове проносится как ураган, сметая всю рациональность. Осталась лишь цель.

И я направляю свой клинок.

Это не движение из танца. Это смертельный выпад, отточенный до совершенства. Моё тело превращается в размытую тень, алый шёлк — в крылья хищной птицы. Я срываюсь с места, направляясь к нему через всю сцену. Меч направлен прямо в его самодовольное, улыбающееся лицо. В последний миг он видит свою смерть в моих глазах, и ухмылка сползает с его губ, сменяясь гримасой ужаса.

Но мой путь внезапно преграждает высокая фигура. Юноша в маске. Он был здесь, рядом со сценой, и он двигается с немыслимой скоростью. Он не пытается парировать удар — это было бы бессмысленно. Он просто загоразивает мне обзор, вставая между мной и моей целью.

Я не успеваю сместить клинок. Лезвие, нацеленное в горло убийцы, с глухим стуком входит в плоть другого.

Замираю на месте, всё ещё сжимая рукоять меча, который теперь торчит из плеча юноши в маске. Кровь проступает на тёмной ткани его халата.

Отпускаю рукоять и делаю шаг назад. Мой взгляд падает на меч, затем на юношу, который прижимает руку к раненому плечу. Его маска всё ещё на месте, скрывая лицо.

Падаю на колени и склоняю голову в самом глубоком поклоне, касаясь лбом пола.

— Прошу простить мою неуклюжесть, благородный господин! — мой голос звенит от тщательно скрываемой ярости и отчаяния. — Я так увлеклась танцем, что не рассчитала силы! Я нижайше молю о прощении!

Я зла на него... Он помешал мне! Но ничего, жить он точно будет. Это лишь царапина по сравнению с тем, что я хотела сделать.

В зале поднимается шум. Гости переговариваются, кто-то смеётся, принимая это за часть представления.

— Какая страсть!

— Какая сила!

Все хлопают. Громче, чем прежде.

Я поднимаюсь на ноги, не поднимая глаз. Мои руки дрожат от гнева и разочарования.

Убийца со шрамом смотрит на меня. В его взгляде больше нет насмешки. В нём — холодный расчёт и обещание скорой расплаты.

А юноша в маске... Просто смотрит на меня из-под белой личины. И я готова поклясться, что в его взгляде нет ни боли, ни гнева.

В нём — предупреждение.

Глава 10

«Она стояла у окна босиком, тихая и безмятежная, словно бессмертная, сошедшая с небесных свитков. Алый шёлк её платья, расшитый золотыми узорами, струился по фигуре, повторяя каждый изгиб, словно живая вода, обнимающая драгоценный камень. Её волосы тяжёлой волной спадали до самой поясницы.

В этой простой, естественной красоте было больше величия, чем в самых пышных нарядах придворных дам. Она не пыталась быть красивой — она была ею. Она была стихией.

Я смотрел на неё и чувствовал, как сердце пропускает удар. В ней было что-то дикое, неукротимое. Она была похожа на горную реку, что срывается с утёса: прекрасная, смертельно опасная и абсолютно свободная. В ней не было покорности и жеманства тех женщин, что я знал при дворе.

Я встретил её не в цветущем саду, а в грязи и крови поля боя. Она была шипом на стебле розы, что ранит до крови, но без неё этот мир казался бы тусклым и серым. Она была загадкой, которую я был готов разгадывать вечность.

В тот миг я понял: я пропал. Не из-за её красоты, а из-за той неукротимой силы духа, что горела в ней ярче любого пламени».

«Встреча с редким цветком — это дар судьбы».
(Незнакомец в маске)

— И как же теперь красавица искупит свою вину? — его голос, бархатный и низкий, с нотками насмешки, кажется до боли знакомым. Он звучит так, словно его обладатель улыбается, но эта улыбка не сулит ничего хорошего. — Боюсь, одними извинениями тут не отделаешься.

Я не отвечаю. Мой гнев, как кипящая лава под тонким слоем льда. Вместо слов, я совершаю молниеносное движение, достойное лучшего мечника Поднебесной.

Я подкидываю меч в воздух. Клинок, вращаясь, ловит блики свечей, превращаясь в размытую серебряную молнию. Мои руки свободны лишь на долю секунды, но мне этого достаточно. Делаю стремительный, текучий шаг к офицеру, который одолжил мне оружие. В следующее мгновение тяжёлые ножны, висящие у него на поясе, сами собой раскрываются, словно живой цветок.

Вращающийся меч, подчиняясь невидимой силе, по идеальной дуге опускается точно в устье ножен. Раздаётся глухой, сочный щелчок, и оружие замирает в своих законных ножнах.

Зал взрывается аплодисментами.

Я не поворачиваюсь к юноше в маске. Вместо этого я разворачиваюсь к офицеру и склоняюсь перед ним в глубоком, церемонном поклоне, прижав ладонь к сердцу.

— Благодарю вас за оказанную честь и за ваше терпение, мой господин. Ваш меч спел сегодня прекрасную песню.

Выпрямившись, я позволяю себе на долю секунды задержать взгляд на человеке в маске.

Ты помешал мне сегодня...

Затем я разворачиваюсь и, не оглядываясь, ухожу со сцены. Музыка снова начинает играть, заглушая шум толпы.

Этот день определённо пошёл не по моему сценарию. Как призрак, незнакомец в маске крадётся следом, обдавая холодом мои плечи и щекоча нервы. А прямо навстречу плывёт величественная фигура «матушки», хозяйки павильона. Ее взгляд, словно ледяной колодец, куда падают мои надежды на спасение.

Отступление невозможно. Дороги назад закрыты. Птица в клетке оказалась во власти охотника.

Человек в маске, не говоря мне ни слова, обращается к хозяйке. Он делает это с такой властной небрежностью, что у той не возникает и мысли перечить.

— Проводите нас в отдельные покои, — его голос не терпит возражений. Он бросает ей тяжёлый, звенящий мешочек с монетами. Удар шёлка о шёлк звучит в повисшей тишине оглушительно. — Ваша танцовщица должна принести мне извинения за нанесённую рану.

Его речь лишена всякой мягкости, одно лишь непрекращаемое требование.

Прежде чем дыхание успевает сорваться с моих губ, он

стремительно хватает меня на руки. Одно лишь легкое движение... И он нежно прижимает за спину, заключив меня в тёплые объятия своего тела. Одежда, едва скрывает жар его кожи, ощущаю мощь мышц, таящихся под тканью. Я слишком ошеломлена, чтобы сопротивляться. Тело отказывается слушаться, ноги сами собой расслабились, голова бессильно откинулась назад.

Я, как беспомощная игрушка в руках могущественного незнакомца, чьи намерения скрыты туманом неизвестности. Потолок плавно проносится над головой, лицо хозяйки медленно растворяется.

Мягкий свет тусклых лампочек освещает узкую тропинку моего будущего, неясную дорогу в тайные покои, где ждет встреча лицом к лицу с этой таинственной силой...

Тяжёлая дверь захлопывается. Глухое движение засова, соскальзывающего в замочные пазы, окончательно отсекает мир снаружи. Нас накрывает свинцовая, почти осязаемая тишина, прерываемая лишь тихим треском угольков в лампадке, да мерцающим дыханием пламени.

В моих волосах, искусно уложенных и переплетённых, скрыты острые, тонкие шпильки, способные спасти мою жизнь.

Даже несмотря на моё ранение, я точно смогу себя защитить.

Медленно, осторожно мужчина отпускает свою хватку вокруг моего тела, мягко опуская меня на землю. Его пальцы

ненадолго замирают на талии, на миг дольше необходимого. Затем он отстраняется назад, и наконец, я могу вздохнуть.

Подняв голову, я горделиво смотрю прямо в белый фарфоровый осколок маски, прикрывающий его черты.

— Ну что ж, — мой голос резонирует спокойствием льда, укутанного морозной ясностью зимнего утра. Ни тени волнения, ни следа испуга не пробивается сквозь ледяной покров голоса. — Мы здесь вдвоём. Покажите своё настоящее лицо. Хочу увидеть глаза того, кто стал препятствием между мной и моим предназначением.

Это не просьба и не вопрос. Я хочу увидеть его лицо... Хочу знать, кто скрывается под этой нелепой маской!

Он не двигается, ничего не предпринимает. Белая маска скрывает истинное выражение лица, прячась за маской отчуждённости и равнодушия. А затем он...

Смеётся. Тихо, хрипло, и этот звук вырывается из самой глубины его груди. В смехе нет веселья, только бесконечная усталость и что-то... Похожее на горькое восхищение.

— Ты... — он качает головой, и этот простой жест полон эмоций, которые я не могу понять. — Ты даже не представляешь, во что ввязалась, красавица.

В одно мгновение, смех обрывается. Воздух в комнате сгущается, становится ледяным. Из ниоткуда, с немыслимой скоростью, в его руке появляется меч. Лезвие, теперь направлено прямо на меня.

— В этом мире многие люди желают моей смерти, — го-

ворю я, с ухмылкой на губах, и встречаю его взгляд, скрытый за маской. — Поэтому тебе придётся немного подождать своей очереди.

Я не отступаю. И незаметно, миллиметр за миллиметром, ослабляю хватку на заколке. Одна из длинных шпилек с тихим шелестом скользит мне в ладонь. Она холодная и смертоносная.

Он атакует первым. Неуловимо быстрый прямой выпад, нацеленный в сердце. Ухожу в сторону, пропуская клинок в волоске от своего бока. Моё платье, не помеха, оно лишь струится, следуя за движением тела.

Незнакомец преследует меня по кругу, его шаги беззвучны, как у тигра на охоте. Он делает ложный замах сверху, и я пригибаюсь, чувствуя, как воздух над моей головой рассекает сталь, затем отстраняюсь. Он ловит меня за талию, удерживая в воздухе. В тот же миг я бью ногой в его колено. Он блокирует удар наконечником меча, но это даёт мне секунду передышки.

Мы срываемся с места одновременно. Мы, словно танцуем со смертью. Он делает «Полет ласточки», пытаюсь достать меня в прыжке. Я падаю на спину и скольжу по полу, пропуская его над собой, и вскакиваю на ноги позади него.

Шпилька летит со свистом, целясь в щель между его плечом и шеей. Он успевает повернуться, и острое лишь царапает его маску, оставляя на белой поверхности тонкую, едва заметную борозду.

Его меч описывает широкую дугу, заставляя меня отступить к стене. У меня нет пространства для манёвра. Он загнал меня в угол.

Проскальзываю у него под рукой, оказываясь вплотную. Моя ладонь ложится на его грудь, там, где сердце. А еще одна шпилька упирается ему в бок.

Мы замираем.

Стоим так близко, что я чувствую жар его тела и запах сандала. Такой знакомый запах...

Нет... Этого просто не может быть...

Мгновение тишины кажется вечностью.

А затем я отталкиваю его и отскакиваю назад, разрывая дистанцию. Мы снова стоим друг напротив друга, тяжело дыша.

— Кто ты? — спрашиваю, хотя кажется уже знаю ответ.

Он испытывает меня, проверяет мои навыки, мою реакцию.

Через мгновение, он снова делает выпад, и я уклоняюсь, прогибаясь назад так низко, что мои волосы почти касаются пола. В этой позе я беззащитна, открыта для смертельного удара. Но его меч замирает в миллиметре от моей шеи. Я чувствую этот холод стали.

Он наклоняется ко мне, его лицо совсем близко. Вижу своё отражение в его зрачках. Его дыхание смешивается с моим, и на мгновение все вокруг перестаёт существовать. Есть только мы.

— Ты всё ещё думаешь, что я хочу тебя убить? — его шёпот больше похож на поцелуй.

Его меч опускается. Вместо удара он подхватывает меня под колено и бедро, поднимая на руки с лёгкостью, которая не вяжется с его суровым обликом. Я оказываюсь прижатой к его груди, совершенно беспомощная.

Затем прижимает меня к стене. Его меч упирается в камень рядом с моей головой, отсекая путь к отступлению. Но он не смотрит на клинок. Он смотрит на меня. И в его взгляде больше нет гнева. В нём бушует шторм из желания, недоверия и чего-то ещё... Чего-то, что пугает меня больше, чем сталь у горла.

— Не могла бы ты объяснить, зачем куртизанке убивать на банкете обычного наёмника?

Этот голос... Я замираю, сжимая шпильку так, что белеют костяшки пальцев. Я знаю этот тембр, эту интонацию, эту едва уловимую насмешку, смешанную с усталостью.

— Кто ты? — мой голос звучит мягче, почти шёпотом.

Он поднимает руку и медленно, и снимает маску.

Мир вокруг меня перестаёт существовать. Звуки, запахи, боль в плече — всё исчезает. Остаются только его глаза. Глаза, которые смотрели на меня с ненавистью и... Страстью...

— Ты... — выдыхаю я, и моя шпилька со звоном падает на пол. — Это невозможно.

Передо мной стоит принц Ли Цзиньюань.

Но это больше не тот холодный и жестокий человек, что

пронзил мне плечо мечом.

— Мо Цинчжао... — произносит он моё имя так, словно пробует на вкус драгоценное вино. — Или мне стоит называть тебя иначе?

— С каких пор принц вмешивается в дела своих подчинённых? — мой голос звучит хрипло.

— Ты задаёшь неправильные вопросы, — его голос спокоен, словно мы ведём светскую беседу. — И не тем, кому следует.

Мы стоим вплотную.

— Мы с тобой... Нам нужно многое обсудить. И на этот раз ты выслушаешь меня, и ответишь на все мои вопросы. Честно... И без уловок...

Принц резко, почти грубо, хватает меня за руку и, используя инерцию моего движения, притягивает к себе. Я оказываюсь прижатой к его груди, слишком близко. Его другая рука властно ложится мне на талию, не давая отстраниться. Он смотрит мне прямо в глаза, и в его взгляде читается теперь не страсть, а строгий приказ.

Он прикладывает указательный палец к своим губам, а затем, для тех, кто может слушать за дверью, громко, с игровой и вызывающей интонацией, произносит:

— Твои прикосновения обжигают сильнее вина, моя красавица. Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя теперь, когда ты наконец-то в моих объятиях?

Его голос, как бархат и мёд, он сочится фальшивым флир-

том насквозь. Это представление для невидимых ушей за дверью.

Обладая исключительным слухом, я с самого начала уловила едва заметные шорохи за дверью. Кто-то снаружи ждал подходящего момента.

Именно поэтому я намеренно должна участвовать в этом представлении. Я играла роль, которую от меня ждали. Я должна была быть соблазнительной танцовщицей, дерзкой и опасной... Просто красивой игрушкой в руках богатого господина.

Несмотря на нашу, как казалось бы, тесную и опасную связь, полную тайн и крови, он утверждал, что между нами лишь отношения слуги и господина. Холодная дистанция власти.

Однако если бы это было так... Принц не последовал бы за мной сюда. Но не значит ли это, что он тоже следил за мной все это время?

Я отталкиваю его, отступая на шаг, но он снова притягивает меня к себе. Моя вуаль срывается и улетает в сторону.

Это происходит в одно мгновение. Резкое движение, когда он прижимает меня к стене, и тонкая алая ткань, мой последний щит, соскальзывает с волос. Она порхает в воздухе, словно раненая бабочка, и медленно опускается на пол между нами.

Его взгляд, до этого прикованный к моим глазам, опускается. Он скользит по моему лицу, по линии скул, по дрожа-

щим губам. В этом взгляде больше нет игры или притворства. Исчезла холодная маска принца и насмешливая загадочность человека в маске. Осталась лишь чистая, незамутнённая страсть, смешанная с яростью и гневом.

Он смотрит на меня так, будто я его последнее видение перед смертью.

Воздух в комнате сгущается, становится горячим и тяжёлым. Я чувствую его дыхание на своей коже, ощущаю стальную твёрдость его тела, прижатого к моему. Его рука всё ещё сжимает меч, но я уверена, что он не станет причинять мне вред. Точно не сегодня...

— Ты... — его голос срывается на хриплый шёпот. — Ты даже не представляешь, что ты со мной делаешь.

Его пальцы, всё ещё в перчатках, зарываются в мои волосы, разрушая остатки сложной причёски. Шпильки со звоном падают на пол, и мои волосы тёмным каскадом рассыпаются по плечам.

Он больше не спрашивает ни о чем.

Его губы накрывают мои. Игра вышла из под контроля.

Это не поцелуй. Это клеймо. Жестокое, отчаянное, с привкусом вина и опасности. Он сминает мои губы, заявляя на меня права с первобытной яростью, словно пытаюсь выпить мою душу. Я должна оттолкнуть его. Должна укусить, ударить, вырваться.

Но мои руки, вместо того чтобы бить, впиваются в его плечи. И я отвечаю на поцелуй с не меньшей яростью, прокусы-

вая его губу до крови.

Он останавливается, а затем бросает меня на кровать, устланную прохладными шёлковыми простынями. Матрас пружинит под моим весом, и я утопаю в мягкой ткани, словно в облаке. Он наваливается сверху. Под его весом мне становится трудно дышать, я хочу закричать, позвать на помощь, но он предугадывает мой порыв. Его ладонь, горячая и властная, зажимает мне рот, поглощая рвущийся из груди звук.

В оглушительной тишине, нарушаемой лишь нашим дыханием, я слышу его прерывистый, хриплый выдох. Его лицо совсем близко. Вижу пульсирующую жилку на его виске, вижу его покрасневшие щеки и лихорадочный блеск в глазах.

Я совсем забыла... В каждом покоях «Павильона» курят специальные благовония. Терпкий, густой аромат чего-то соблазняющего, неуловимо сладкого, висит в воздухе. Это не просто дым для аромата. Это «Дым Цветущей Сливы» — редкая и дорогая смесь, которую используют здесь, чтобы подогреть страсть гостей, сделать их податливыми и безрасчётными.

Я неправильно его поняла? Этот жар, это головокружение, это безумное биение сердца... Воздух в комнате пропитан колдовским ароматом, который разжигает в крови огонь и туманит разум.

Его взгляд опускается на мои губы, всё ещё прижатые к

его ладони. В нём больше нет ни гнева, ни холода. Только тёмное, первобытное желание, усиленное чарами благово-ний.

Принц смотрит на меня сверху вниз, и в его взгляде бушует ураган. Его дыхание всё ещё прерывисто, но в нём больше нет пьяной, одурманенной страсти.

Он резко отстраняется. Его рука, только что сжимавшая мои волосы, скользит вниз. Он выхватывает из ножен на поясе тонкий, острый кинжал.

Я не сразу понимаю, что он хочет сделать. Принц не смотрит на меня. Его взгляд устремлён на собственное бедро. Одним молниеносным, отточенным движением он вгоняет лезвие в свою плоть.

Я вздрагиваю, но не издаю ни звука. По его тёмному шёлковому халату расползается алое пятно. Он не издаёт ни сто-на.

Ли Цзинъюань проводит лезвием дальше, оставляя на бедре длинную, неглубокую рану. Это не попытка самоубийства... Кровь, тёмная и густая, начинает сочиться из пореза, стекая по ноге на белоснежные простыни.

Его высочество делает это, чтобы боль отрезвила его. Чтобы запах и вид собственной крови перебили сладкий яд благово-ний, туманящий разум. Он борется не со мной, а с собой.

Я смотрю на него, и пелена спадает с моих глаз. Передо мной мужчина, что ведёт битву с собственным телом и ядом,

который течёт в его венах.

Взгляд его высочества, наконец-то проясняется. Теперь он смотрит на меня холодным, расчётливым и смертельно опасным взглядом. Берёт меня за руку, как командир, и одним рывком ставит на ноги.

Я молчу. Слова застряли в горле, скованные смесью страха, смущения и странного, иррационального облегчения. Комната всё ещё пропитана сладким, удушливым ароматом благовоний и металлическим запахом его крови.

— Нам нужно убираться отсюда, — говорит Ли Цзинъюань, ещё не до конца восстановившимся голосом. Он уже не смотрит на меня. Его взгляд, острый и сосредоточенный, устремлён на окно, за которым чернеет бархат ночного неба.

Затем он делает то, чего я совсем не ожидаю. Он развязывает пояс и снимает с себя верхнюю одежду. Ткань ещё хранит тепло его тела. Принц накидывает парчовый халат на мои плечи, который мне слишком велик. Он укутывает меня целиком, скрывая под собой и алое платье, и дрожь, которая пробегает по моему телу.

— Иди первой, — его голос звучит тихо, но властно. В нём больше нет ни следа недавней страсти или безумия. — Поговорим, как вернёмся.

В его словах звучит приказ. И впервые за всё время я не чувствую желания спорить. Я просто киваю и подхожу к окну, чувствуя, как его взгляд прожигает дыру в моей спине.

— Жди меня у Павильона Лазурных Облаков, что у Во-

сточного моста! — бросает принц мне в спину, как только я выпрыгиваю в окно.

Приземляюсь на согнутые ноги, и сила удара отдаётся в раненое плечо, но я лишь стискиваю зубы. Ткань его халата, укутывающая меня, пахнет сандалом, кровью и ночным ветром. Я не медлю ни секунды.

Срываюсь с места, словно выпущенная из лука стрела. Мои ноги, обернутые в атласные ленты, почти не касаются черепицы. Бегу по коньку крыши, и ночной ветер бьёт в лицо, развевая полы чужого халата.

Отталкиваюсь от края одной крыши и, совершив грациозный кувырок в воздухе, перелетаю на соседнюю, приземляясь на корточки. Черепица осыпается под ногами, но я уже снова набираю скорость. Петляю между печными трубами, огибая бельевые верёвки, на которых сушатся цветные простыни. Затем, скольжу по бамбуковому водостоку, используя его как горку, чтобы спуститься на уровень ниже.

Проношусь мимо вывески чайной, спрыгиваю на балкон второго этажа и, оттолкнувшись от резной колонны, перелезаю через узкую улочку. Слышу удивлённые возгласы поздних прохожих, но они видят лишь размытый силуэт.

Бегу к Восточному мосту. Мои лёгкие горят, сердце колотится о рёбра, но это чувство — пьянящее. Это свобода.

Добираюсь до места назначения и замираю в тени колонн Павильона Лазурных Облаков. Это изящное строение с изогнутой, как крыло цапли, крышей, стоит у самого начала во-

сточного моста, откуда открывается вид на тёмную, мерцающую огнями гладь канала. Я жду принца, вглядываясь в темноту, но выгляжу я не очень...

Огромный халат принца сползает с моих плеч, и я вынуждена постоянно подхватывать его, чтобы не запутаться. Стою практически босиком на холодных каменных плитах. Волосы, выбившиеся из причёски, липнут к влажному от пота лбу. Я явно не похожа на прекрасную даму. Скорее напоминаю дикого зверька, сбежавшего от своего господина.

Внутри павильона горят тусклые фонари, пахнет благовониями и дорогим чаем. Я вхожу внутрь, и пожилой мужчина с лицом, похожим на печёное яблоко, тут же подсакивает ко мне с угодливым поклоном.

— Госпожа желает отдохнуть? — его взгляд скользит по мне, замечая и сбитые ноги, и мужской халат, но его профессиональная улыбка не дрогнула.

— Мне нужна...

Я сбиваюсь и он продолжает говорить в место меня.

— Осталась одна свободная комната с видом на мост, но нужно немного подождать. Гости скоро освободят её.

Я киваю и отхожу к низкому столику у окна. Сажусь на подушки, чувствуя себя совершенно разбитой. Смотрю на мост, на редкие фонари, отражающиеся в воде.

Провожу рукой по спутанным волосам, пытаюсь хоть немного привести себя в порядок. Пальцы натыкаются на остатки шпилек, и я с тихим вздохом вытаскиваю их, поз-

воляя тёмным прядям свободно упасть на плечи и спину. Я сижу в этом роскошном павильоне, одетая в окровавленный мужской халат, и чувствую себя совершенно разбитой.

— Не могли бы вы принести мне пока кувшин вина? — говорю я, и мой голос звучит хрипло даже для моих собственных ушей. — Самого крепкого, что у вас есть.

Хозяин, всё с той же неизменной, приклеенной улыбкой, кланяется так низко, что кажется, вот-вот коснётся лбом пола.

— Как пожелает госпожа. Сию минуту.

Он исчезает за расписной ширмой, отделяющей общую залу от внутренних помещений. Я откидываюсь на подушки и закрываю глаза. Вино — это то, что мне сейчас нужно. Не для того, чтобы забыться, а чтобы унять дрожь в руках и смыть металлический привкус крови и благовоний, который, кажется, въелся в самую мою кожу.

«Поговорим, как вернёмся», — сказал принц.

Но почему он сказал ждать его здесь?

И впервые за долгое время я не знаю, чего ждать от этого разговора больше — ответов или новой опасности.

Время идёт, но принца всё ещё нет. Секунды растягиваются в вечность, и каждая из них бьёт по натянутым нервам, как молот по гонгу. Руки снова дрожат. Я смотрю на них, на тонкие пальцы, сжимающие глиняный кувшин, и не понимаю почему.

Волнуюсь? Нет... Это нелепо. Он — принц. Хладнокров-

ный тиран, который пронзил мне плечо мечом и смотрел, как я истекаю кровью. Он точно в порядке. Он должен быть в порядке. Но его всё ещё нет...

Делаю долгий, обжигающий глоток. Вино крепкое, терпкое, оно обжигает горло и горячей волной разливается по груди. На мгновение это приносит облегчение, притупляя остроту тревоги.

Закрываю глаза.

В темноте под веками вижу его. Не жестокого принца, а того, кто был в той комнате. Того, кто боролся с дурманом, причиняя боль себе, чтобы не навредить мне. Того, кто смотрел на меня так, будто я — его единственное спасение и его проклятие одновременно. Я чувствую тяжесть халата на своих плечах, всё ещё хранящую его тепло. И этот запах... Его.

Открываю глаза и смотрю на дверь. Но его нет.

Тревога, которую я так отчаянно пыталась заглушить, возвращается с новой силой, острая и ледяная. Она сковывает грудь, мешая дышать.

Что-то не так. Я чувствую это каждой частичкой своего тела.

Он бы не заставил меня ждать. Только не сейчас.

Глава 11

«Судьба свела их, словно текущие навстречу друг другу горы и реки, но между ними всегда будут облака».

— Госпожа, комната освободилась, — голос хозяина вырывает меня из оцепенения. — Вы ждете кого-то. Позвольте тогда предложить вам отужинать, пока вы ожидаете. Вино уже принесли, но еда поможет восстановить силы.

Я и правда сегодня за весь день ничего не ела. От этой мысли желудок сводит голодным спазмом, и я впервые за долгое время чувствую что-то, кроме тревоги и усталости. Я соглашаюсь на ужин и, не заглядывая в меню, прошу принести то, что успокоит душу и даст сил.

— Принесите мне жареного гуся по-императорски, с хрустящей корочкой, политого сливовым соусом. Ещё пампушки на пару, белые и воздушные.

Хозяин кланяется, его глаза довольно поблескивают.

— Мудрый выбор, госпожа. Сию минуту всё будет исполнено.

Я снова смотрю в окно, на пустынный мост. Тревога не отпускает, но тепло от кувшина с вином и предвкушение еды немного согревают изнутри.

Если он не придёт... Что ж, тогда я встречу новый день сытой и сильной.

За соседним столиком сидит юноша, который нервно постукивает тонкими пальцами по лакированной столешнице. Этот монотонный, назойливый звук, словно капающая вода в пустой пещере, только раздражает и без того натянутые нервы.

Еду приносят, и я с жадностью уплетаю горячий, ароматный гусь с хрустящей корочкой и нежные пампушки, тающие во рту. Всё это кажется божественным нектаром. Я ем, механически пережёвывая пищу, и с каждым куском негативные мысли, страх и тревога отступают, приглушённые простыми физическими ощущениями.

После, я запиваю всё это вином. Кувшин пустеет быстро. Тёплая волна разливается по телу, принося с собой не опьянение, а кристальную ясность.

Я собираюсь обо всём рассказать принцу. Даже если он и дальше будет меня подозревать, видеть в каждом моём вздохе ложь. Я должна...

Может, я действительно имею отношение к государству Да Чэнь? Эта мысль больше не вызывает ужаса, лишь холодное, отстранённое принятие. Судя по моим навыкам, по тому, насколько мое тело подготовлено, я и правда могу оказаться солдатом из их армии. Или даже... Командиром.

Но самое важное то, что от меня хотят избавиться. Это не случайность.

Меня хотят убить...

Значит, мне должно быть известно что-то важное. Что-то

настолько опасное, что за это я должна поплатиться своей жизнью. И пока я не вспомню, что это, я буду мишенью.

Отставляю пустой кувшин и вытираю губы тыльной стороной ладони.

Затем, бросаю на стол несколько тяжёлых серебряных слитков, которые всё это время лежали в кармане халата принца. Монеты со звоном падают на лакированную поверхность, и этот звук кажется мне оглушительным в повисшей тишине. Это плата за еду, за вино, за комнату, в которой я вероятно, не останусь.

Хозяин, словно из-под земли, вырастает рядом. Его лицо, как всегда, непроницаемо, но глаза цепко следят за моими руками. Он кланяется и протягивает мне ключ, в виде изящной резной деревянной таблички. На одной стороне — номер комнаты, выведенный аккуратной каллиграфией. На другой — название павильона и маленький красный отпечаток печати. Тяжёлая, гладкая на ощупь, она ложится в мою ладонь как символ мимолётного пристанища.

Я сжимаю ключ в кулаке и, не прощаясь, выхожу на улицу. Холодный ночной воздух бьёт в лицо, отрезвляя лучше любого вина. Я стою на пороге Павильона «Лазурных Облаков», кутаясь в чужой халат.

Поднимаю голову и смотрю на усыпанное звёздами небо. Оно сегодня бездонное, чёрное, как тушь. Луны совсем не видно.

А принца, тоже всё ещё нет...

Тревога, которую я так старательно топила в вине и еде, возвращается с новой, ледяной силой. Она сжимает грудь холодными тисками.

Что-то случилось. Я чувствую это всем своим существом. Он бы не заставил меня ждать. Только не после того, что произошло...

Я смотрю на пустую дорогу, ведущую к Восточному мосту. Тьма кажется непроницаемой.

Если он не придёт... Я сама пойду его искать.

Не успело пройти и получаса, как я слышу шорох позади.

Моё сердце, только что сжимавшееся от тревоги, делает кульбит. Я резко оборачиваюсь, вглядываясь в темноту.

Это он... Его шаги медленные, тяжёлые, словно каждый даётся ему с невыносимым трудом. Он подходит, как мне кажется, слегка пошатываясь, будто пьяный или... Раненый.

— Отведи меня в покои, — его голос звучит глухо и надломленно, в нём нет ни капли привычной властности. — Нас никто не должен видеть.

Я не задаю вопросов. Просто подхожу к нему и закидываю его руку себе на плечо, принимая на себя часть его веса. Он наваливается на меня, и я чувствую, как он дрожит.

Мы идём медленно, словно два раненых зверя, поддерживающие друг друга. Прислоняю его к холодной стене дома. В тусклом свете далёкого фонаря, я наконец-то вижу его лицо. Он бледен, как смерть. На лбу блестят капли пота.

Приглядываюсь к нему внимательнее, и холодок пробе-

гает по спине. Его одежда... Она не просто в беспорядке. Тёмный плащ, накинутый поверх, изорван и покрыт пылью, словно его хозяин катался по земле. А его лицо... Почти полностью скрыто глубоким капюшоном, из тени которого видны лишь плотно сжатые, побелевшие губы и заострившиеся скулы.

В этом облике, опирающийся на меня и скрытый в тенях переулка, он больше похож на израненного бандита с большой дороги или наёмного убийцу, скрывающегося от погони, чем на принца великой Империи.

Где его стража? Где его свита? Что с ним случилось за то короткое время, что мы не виделись?

Я никогда прежде не видела Ли Цзинъюаня в таком состоянии...

— Что случилось? — мой голос срывается на шёпот.

Он смотрит на меня затуманенным взглядом и пытается усмехнуться, но из его груди вырывается лишь хриплый стон.

— Не... Спрашивай. Просто... Помоги мне дойти. И никому ни слова об этом. Никто не должен узнать, что я ранен.

Беру его под руку, пытаюсь удержать равновесие, и мы, пошатываясь, не спеша входим внутрь, притворяясь выпившими возлюбленными, которые ищут уединения. Я склоняю голову к его плечу, скрывая лицо, и тихо шепчу, чтобы слышал только он:

— Обопрись на меня сильнее. Мы должны выглядеть убе-

дительно.

Он хрипло выдыхает, но подчиняется, наваливаясь на меня чуть больше. Его рука, тяжёлая и горячая, ложится мне на талию. Мы медленно пересекаем общую залу. Я ловлю на себе любопытный взгляд хозяина, но тут же игриво хихикаю, как и подобает захмелевшей девице, и отворачиваюсь.

Перед тем как мы начинаем подниматься по лестнице, я останавливаюсь.

— Хозяин! — мой голос звучит чуть громче, чем нужно. — Принесите нам в покои кувшин лучшего вина! И... — я делаю вид, что смущаюсь, — ...горячей воды для бочки. Мой возлюбленный хочет смыть с себя дорожную пыль перед тем, как мы... Продолжим наш вечер.

Хозяин понимающе улыбается, его глаза масляно поблескивают.

— Сию минуту, госпожа. Всё будет исполнено.

Я киваю, и крепче обхватываю Ли Цзинъюаня за талию, чувствуя, как он дрожит.

— Держись. Нам нужно подняться по лестнице.

Он лишь молча кивает, и мы медленно, шаг за шагом, начинаем подъём. Каждый его вздох отдаётся болью в моей груди. Кто бы ни напал на него, он был силён. Слишком силён для простого грабителя.

Мы сворачиваем в тёмный коридор, и только тогда я позволяю себе выдохнуть.

— Ты можешь идти сам? — шепчу я, заглядывая в тень

его капюшона.

Его высочество молча кивает, но его ноги заплетаются. Я понимаю, что всё это лишь видимость. Он на пределе. И когда дверь за нами закрылась окончательно, отделяя нас от всего остального мира, он наваливается на меня всем телом. Его вес заставляет меня потерять равновесие и пошатнуться, но каким-то чудом мне удастся устоять благодаря крепкой хватке его плеч.

– Принц, терпите ещё немного... – шепчу я едва слышно, ощущая, как жаркое дыхание обжигает кожу моей шеи.

С огромным усилием мне всё-таки удаётся дотащить его до постели и, вложив остатки сил, освободиться от его тяжести. Тело принца бессильно валится на шелковистые простыни, будто кто-то перерезал управляющие нити у марионетки. Опустившись рядом, я склоняюсь над ним, положив руки на матрас возле его головы. Сердце бешено стучит прямо в гортани, вызывая неприятное ощущение сдавленности.

– Что произошло?! – мой требовательный и резкий голос звучал сильнее, чем хотелось бы. – Кто это был?

Сквозь полуприкрытый капюшон он поднимает глаза ко мне. Взгляд туманен, наполнен невыносимой болью и усталостью.

– Думаешь, ты единственная, кого пытаются устранить? – на посеревших, почти лишенных крови губах мелькает еле заметная кривоватая улыбка.

Пока думаю, скидываю с себя тяжёлый, пропахший прин-

цем халат и бросаю его на пол. Ткань с тихим шорохом падает, и я остаюсь в алом платье из павильона. Оно кажется мне сейчас кощунственным в этой комнате, наедине с принцем.

Отхожу к окну и смотрю на спящий город. Внизу, у подножия моста, течёт тёмная вода канала. В ней отражаются редкие фонари, похожие на дрейфующие огоньки. Я чувствую себя так же — потерянной, окружённой тьмой, и лишь эти крошечные искры света не дают мне окончательно раствориться в ней.

«Луна скрыта, но звёзды всё ещё светят».

Стук... Еще один... Дверь приоткрывается, и в комнату проскальзывает молодой слуга. В руках он держит два тяжёлых медных ведра, от которых поднимается пар. Он опускает их на пол у большого деревянного чана, стоящего в углу.

Не говоря ни слова, он начинает переливать горячую воду в чан, наполняя его. Затем он берёт небольшой керамический флакон и добавляет в воду несколько капель густой, ароматной жидкости. По комнате тут же разливается запах сандала и османтуса, смешиваясь с паром. Это целебный отвар, который помогает расслабить мышцы и очистить тело.

Слуга работает быстро и сноровисто, его движения отработаны до автоматизма. Он не смотрит ни на меня, ни на принца. Для него мы — лишь очередная пара влюблённых, ищущих уединения в «Павильоне Лазурных Облаков».

Закончив, он коротко кланяется и так же бесшумно исчезает за дверью, оставив нас наедине с ароматом цветов и

клубами пара.

Я поворачиваюсь к принцу.

— Теперь, — говорю я тихо, подходя к кровати, — расскажи мне, что произошло.

Он молчит некоторое время. Все также смотрит на меня из-под тени капюшона. Затем, с видимым усилием, он приподнимается на локтях. Его движения скованы болью.

— Помоги мне, — его голос звучит глухо, но в нём слышится приказ, не терпящий возражений.

Я подхожу ближе, и он, опираясь на моё плечо, с трудом поднимается на ноги. Мы делаем несколько шагов до чана с горячей водой. Мои движения плавные, лишённые всякой суеты.

— Позволь мне, — мой голос звучит тихо, почти шёпотом, нарушая тишину, повисшую между нами.

Я начинаю помогать ему снять одежду. Тяжёлый, изорванный в схватке плащ, пропахший потом и испачканный кровью, липнет к его телу. Когда мои пальцы касаются его плеча, чтобы стянуть рукав, он вдруг вздрагивает и резко одёргивает руку, словно обжёгшись.

— Я сам, — его голос звучит хрипло, в нём слышится уязвлённая гордость.

Но я не отступаю. Я просто кладу свою ладонь поверх его, останавливая движение.

Пар из чана окутывает его фигуру, придавая происходящему почти мистический оттенок.

— Ты ранен. И потерял много крови. Твоё упрямство сейчас неуместно, принц.

Смотрю ему прямо в глаза. В моём взгляде нет ни капли насмешки или превосходства. Только холодная, практичная забота. Он смотрит на меня долгую секунду. В этой безмолвной битве взглядов он проигрывает. Его плечи едва заметно опускаются, напряжение покидает тело. Он откидывает голову, отдавая себя в мои руки.

Снимаю плащ, затем помогаю ему избавиться от нижней рубахи. Стараюсь быть предельно осторожной, но каждое прикосновение к его коже, исполосованной старыми шрамами и испачканной свежей кровью, отзывается во мне глухой болью. Я вижу карту его битв, написанную на теле.

Он всё ещё сжимает моё плечо, его пальцы впиваются в кожу сквозь ткань.

— Это был..., — наконец произносит Ли Цзинъюань, глядя не на меня, а на колеблющуюся поверхность воды. — Это был «Призрак Западных Гор». Наемник из клана «Летящего Кинжала». Один из лучших.

Я замираю.

— Клан убийц? Но зачем им нападать на тебя?

Он поднимает на меня взгляд, и в его глазах я вижу холодную ярость.

— Потому что кое-кто очень влиятельный заплатил им. Тот, кто не хочет, чтобы я вернулся в столицу. Тот, кто знает о расследовании хищений. Тот, кто хочет развязать войну

на границе, пока армия и император заняты внутренними распрями... Я следил за ними. Думал, что они приведут меня к своему нанимателю. Думал, что найду доказательства...

Принц смотрит на меня в упор.

— Я убил всех... Но один из них... Оказался слишком быстр. И знал все мои приёмы.

Он замолкает, сжимая кулак.

— А потом я увидел тебя и твой танец. Великолепный танец с мечом.

Я смотрю на него, и кусочки мозаики начинают складываться в единую картину.

— Ты... Ты поэтому был там? Ты следил за ними?

Он кивает.

— Я хотел взять их живыми. Но ты... Спутала все карты.

Он смотрит на меня с укором, но в его взгляде нет злости.

— Ты должна была оставаться в поместье, а не устраивать представление для борделя.

Я скрещиваю руки на груди.

— А ты должен был сказать мне правду! Я думала... Я думала, ты следил за мной!

Мы смотрим друг на друга через клубы пара. Кажется, впервые за всё время мы говорим начистоту.

Теперь мы в одной лодке. Против всего мира.

— Мои люди и правда следили за тобой... Но потеряли. Я понятия не имел, что застану тебя в этом порочном месте... Какого демона ты вообще делала в этом гнезде порока?

— его голос звучит низко и хрипло, в нём смешались гнев, страх и что-то ещё, похожее на... Ревность?

Я смотрю на него, и вся моя злость улетучивается. Он бледен, на лбу блестит испарина, а повязка на боку пропиталась свежей кровью. Он держится из последних сил.

— Я всё расскажу, — произношу я мягче, накрывая его руку своей. — Но сейчас ты должен... Принять омовение. Рану нужно промыть, иначе она воспалится.

После того, как я помогла Ли Цзиньюаню раздеться, он, с видимым усилием сдерживая стон, опускается в чан. Горячая вода доходит ему до груди. Он откидывает голову на деревянный бортик и на мгновение замирает, позволяя теплу проникнуть в измученное тело.

Когда он остаётся в чане лишь в свободных штанах, я беру чистую ткань и начинаю осторожно смывать грязь и кровь с его груди и рук. Вода вокруг него становится розовой.

В этой тишине, нарушаемой лишь плеском воды и дыханием, между нами рушится ещё одна стена. Здесь больше нет ни принца, ни подчинённой. Есть лишь два воина, выживших в ночной схватке.

Когда я вижу его рану, сердце обливается кровью. Глубокий, воспалённый порез на бедре, уже начавший темнеть по краям. Ради чего стоило так рисковать своей жизнью? Ради призрачной нити, ведущей к заговорщику? Ради гордости?

Я отбрасываю эти мысли. Сейчас не время для сожалений. От воды исходит густой, пьянящий аромат. Это сложная

смесь благовоний, достойная покоев самого принца. Терпкий сандал, успокаивающий разум, смешивается со сладким, медовым османтусом, дарующим покой и расслабление мышцам. В этом облаке пара тонет запах крови и пота, оставляя лишь ощущение чистоты и неги.

Вижу, как напряжение медленно отпускает его. Мышцы на шее расслабляются, пальцы, до этого сжатые в кулаки, разжимаются. Он выглядит почти умиротворённым.

— Ты... — его голос звучит глухо, словно издалека. — Ты хорошо справилась.

Беру чистую ткань и начинаю осторожно смывать засохшую кровь с его шеи и плеч, стараясь не потревожить рану. Вода окрасилась в розовый цвет. Я молчу, но тишина между нами больше не кажется враждебной. Она наполнена общим секретом.

Когда смотрю на его обнажённое тело, подсвеченное тусклым светом лампы и окутанное клубами пара, меня охватывает странное, неуместное смущение. Это не просто тело воина, испещрённое шрамами. Это тело мужчины. И сейчас, в этой интимной тишине, когда я касаюсь его, чтобы помочь, а не чтобы убить, я чувствую, как щёки заливают румянец.

Медленно, стараясь быть предельно осторожной, провожу влажной тканью по его бедру, вокруг раны. Мои пальцы едва касаются его кожи. И в этот момент принц вздрагивает. Не от боли... Я была очень аккуратна. Его тело напрягается под моей рукой.

Замираю.

Я делаю что-то не так?

И тут понимаю... Это неуместно для женщины. Для любого человека, кроме, может быть, лекаря, наложницы или супруги. Мои прикосновения слишком... Интимны?

Я резко отдёргиваю руку и выдыхаю, словно пробуждаясь ото сна.

— Прости, — шепчу я, отводя взгляд. — Я... Отвлеклась.

Я беру кувшин с чистой водой и решительно выливаю часть на его плечи, смывая пену и остатки грязи.

— Давай закончим с этим быстрее. Тебе нужно отдохнуть.

Продолжаю помогать ему обмыться, но теперь мои движения быстры и профессиональны. Я не смотрю на него. Я смотрю только на рану, на грязь, на воду. Я запираю смущение глубоко внутри.

Но даже когда отворачиваюсь, чтобы взять сухое полотенце, я всё ещё чувствую на кончиках пальцев тепло его кожи. И это ощущение тревожит меня гораздо больше, чем наемные убийцы, которые охотятся за мной.

Я стою неподвижно возле огромного чугунного чана, крепко держа в руке намокшую от горячей воды ткань. Горячий пар клубится вокруг, густой и белый, словно туман, заполняя пространство между нами, размывая чёткость предметов и затуманивая реальность. Мне кажется, будто весь мир сейчас растворился в этой влажной дымке, оставив лишь двух людей лицом к лицу перед огромным испытани-

ем.

Только что я сказала тихое извинение, почти прошептала, потому что даже мой собственный голос показался мне здесь чуждым и неуместным. Мои слова исчезли бесследно в плотной тишине помещения, погрузив комнату во мрак молчания.

Но принц хранит абсолютное спокойствие. Долгие секунды проходят в напряжённом ожидании, и воздух между нами постепенно сгущается, становясь вязким и тяжёлым, наполненным ожиданием и напряжением. Этот миг похож на спокойную поверхность моря перед бурей — когда волны ещё ровные, но уже чувствуется приближающийся ветер.

Наконец, я ощущаю его пристальный взгляд на своём лице. Но взгляд этот не выражает гнева или негодования. Нет, совсем наоборот. Взгляд принца изучающий, глубокий, пронизательный до самого сердца. Как будто он пытается разгадать тайну, которую я сама давно забыла.

Неожиданно принцу удаётся мгновенно преодолеть расстояние между нами. Резко выпрямившись в чане, он взметнул над собой целый фонтан кипящей воды, разбрызгав её повсюду, однако сам остался невозмутимым, сосредоточенно смотрящим вперёд. Из глубины воды стремительно появляется его мощная рука. Она легко охватывает моё дрожащее запястье, буквально парализуя меня своим крепким захватом.

Порывистым движением, одним резким рывком он при-

тягивает меня ближе к себе. Моя нога предательски соскальзывает на гладком мокром полу, и я стремительно лечу вперед, рухнув вместе с ним обратно в горячую воду чана.

На долю секунды жар ударяет по телу, заставляя сердце замереть. Принц удерживает мою голову над поверхностью воды, спасая от полного погружения, после чего мягко притягивает моё тело к своему собственному, крепко прижимая к широкой груди. Теперь я оказалась практически сидя на его коленях, лишённая всякой возможности сопротивляться или освободиться.

Алая материя платья, теперь окончательно промокла, став тонкой, как паутина. Сквозь ткань ясно видны контуры моего тела... Проступают линии фигуры, нежность кожи, повязка на плече. Меня поймали, точно редкую рыбу в сеть, вот-вот готовую оказаться трофеем победителя.

Повернувшись ко мне сверху вниз, Ли Цзинъюань внимательно всматривается в моё лицо. Усталость, боль, следы былых страданий куда-то пропадают из его взгляда. Появляется буря эмоций, обрушившихся внутри него внезапно и неудержимо. Он дышит тяжело, шумно, напрягая каждую мышцу своего сильного тела.

Голос принца звучит низким басовым рычанием, отрывистым и хрипловатым одновременно:

— Ты... Разве ты не осознаёшь, что творишь со мной?!

Едва сказав эти слова, он протягивает свою вторую руку и уверенно проводит ею сквозь прядь моих волос, слегка на-

тянув пряди на затылке. Так сильно, что голова запрокидывается назад, вынуждая посмотреть ему прямо в глаза. Мы настолько близки друг другу, что я физически ощущаю тепло его дыхания на собственных губах.

Что с ним такое? Откуда в глазах взялась эта безудержная страсть? Снова играет со мной...

— Думаешь, это простая забава? — продолжает он нашептывать, позволяя краешкам губ коснуться угла моего рта. — Может тебе кажется, что я всего лишь твой господин, которому дозволено играть роль судьи и исполнителя приговоров?

Ещё сильнее склоняя своё лицо к моему, он решительно прикасается своими губами к моим собственным. Поцелуй властный, настойчивый, утверждающий власть, покоряющий и ищущий одновременно. Принц целует жадно, страстно, пытаясь утолить жажду жизни, наполняющую каждое движение его тела. Руки, проводящие вдоль спины, цепляются за одежду, чтобы прижать нас ещё плотнее друг к другу. Стираются границы наших тел, смешивая чувства и желания.

Здесь, в теплоте ароматной воды, окружённые запахом цветущего османтуса и клубящимся паром, исчезает всякая условность нашего существования. Исчезают титулы, роли, маскарад власти и противостояния. Всё рассыпается в пыль под действием той силы, что вдруг возникла между нами.

Теперь есть только два человека, соединённые незримо-

ми нитями страсти и привязанности. Их объединяет огонь, который способен уничтожить и возродить заново.

Я погружаюсь в страстный поцелуй и мгновенно теряю себя. Исчезают все мысли, вопросы, тревога и неуверенность... Все они тонут в горячей волне эмоций, захлестнувшей меня.

Почему он поступил так? Почему я ответила? Вино?

Сейчас это неважно. Нет ничего кроме него, нас двоих.

Мои мысли смешиваются в цветастый хаотичный поток, сердце бьётся учащённо, едва сдерживая удары. Оно рвётся наружу от касания его рук, дрожащих пальцев, скользящих по моему телу. Но сейчас эта дрожь рождена не страхом, а опьяняющим чувством другого порядка.

Руки Ли Цзиньюаня уверенно касаются моей спины, нежно очерчивая контуры каждой мышцы, распознавая даже малейшие неровности. Каждое движение становится грубее, настойчивей, будто его ладони стремятся вновь открыть меня, изучить каждое мгновение нашего соприкосновения через прозрачно-мокрый слой ткани.

Тёплая вода ванны мягко удерживает наши тела, окружённая густым паром, защищающая нас от внешнего мира. Губы Ли Цзиньюаня покидают мои уста и медленно спускаются кшее, оставляя горячие следы, пробуждающие огонь внутри меня. Я склоняю голову назад, мой вздох переходит в тихий сдавленный стон, растворяющийся в новом, ещё более глубоком поцелуе.

Ему недостаточно одного лишь контакта наших тел поверх одежды. Рука снова движется вниз, осторожно ищет край моего платья и решительно рвет его прочь. Шумная тишина сопровождает падение влажной ткани в воду, освобождая мою кожу для новых ощущений. Между нами больше нет барьеров. Остаётся лишь горячий контакт нашей обнажённой кожи и прохладное дыхание влаги вокруг.

То, что происходит здесь, не ограничивается простой физической страстью. Мы держимся друг за друга подобно людям, оказавшимся посреди бурлящей стихии, стремящимся сохранить связь любой ценой, чтобы избежать гибели.

Имя его звучит на моих губах словно священная мольба и проклятье разом.

— Ли Цзиньюань...

Взгляд его глаз туманится, теряет прежнюю чёткость и властность. Передо мной стоит уже не могущественный принц, не отважный воин. Я вижу мужчину, столь же одиноко растерянного и уязвимого, каким являюсь сама.

Смотрю ему прямо в глаза и понимаю, что это точка невозврата.

Мир внезапно обрушился обратно, будто на меня вылили ведро ледяной воды. Теплый пар, который мгновение назад был уютной колыбелью, вдруг стал давящим капканом, сжимающим горло. Тело, от которого раньше веяло приятным теплом, сейчас жгло огнем клейма.

Я окончательно очнулась.

Мой разум прояснился, и одновременно с ясностью пришло чувство холодной, пронзительной ярости. Ярости, обращенной не против кого-либо другого, а против самой себя. Против своей собственной слабости. Против того, насколько легко я позволила себе забыться.

Со всей силой моего унижения и раздражения я наношу резкий удар ладонью по лицу принца. Глухой звук хлопка раскатился гулким эхом по тихой комнате, оставляя четкий алый след на гладкой коже его бледной щеки.

Туман помрачения моментально рассеялся. С моих глаз будто сорвали пелену иллюзий. Меня подвела собственная глупая доверчивость, очарованность его привлекательным обликом, опасным магнетизмом хищника. Но разве это нормально? Разве я сама не стараюсь успокоить себя такими мыслями? Искать оправдания своему мимолетному промаху?

Может ли человек вообще питать какие-то чувства к тирану? К мужчине, воспринимающему меня исключительно как загадку, нуждающуюся в разгадке, или шпионаж, подлежащего уничтожению? Сколько раз он уже обижал меня? Не только оружием, но и жестокими словами, убийственным недоверием...

Вода в ванне кажется теперь горячей до боли. Я пытаюсь оттолкнуться, отдалиться, но его крепкие руки продолжают удерживать мое тело.

— Ты переступил черту, Ли Цзиньюань, — твердо говорю

я, называя его полное имя и смело смотрю ему прямо в глаза. Там больше нет прежней страстности, лишь изумление и какое-то едва уловимое выражения. — Нарушил границу между хозяином и слугой. Между той, какая я есть, и какой видишь меня ты. У тебя нет такого права. Права делать выбор за меня...

Я выскальзываю из его объятий, словно ивовый лист, ускользающий из пальцев. Отталкиваюсь от его груди и, используя инерцию, одним грациозным прыжком оказываюсь на краю чана. Капли воды, словно россыпь бриллиантов, срываются с моего тела и с глухим стуком падают на деревянный пол.

Я стою перед ним почти нагая, мокрая, уязвимая. Ткань алого платья, прилипшая к телу, лишь подчёркивает каждый изгиб. Я не пытаюсь прикрыться. Смотрю ему в глаза, и в моём взгляде бушует шторм.

— Дальше ты справишься сам, — мой голос звучит ровно, но внутри все дрожит.

Разворачиваюсь на пятках, и мокрые волосы тяжёлым чёрным водопадом хлещут меня по спине. Я отхожу к дальней стене комнаты, чувствуя спиной его обжигающий взгляд. У нас одни покои. Мы заперты здесь, как два тигра в одной клетке.

Я смотрю на себя. Моё платье... Ткань свисает лохмотьями, обнажая бедро и плечо. На кого я похожа? На жертву кораблекрушения? На дикарку?

Стыд обжигает щёки сильнее, чем горячая вода в чане.

Я скрываюсь за ширмой из бамбука и рисовой бумаги. Мир сужается до маленького пространства, пахнущего старой краской и деревом. Срываю с себя остатки алого шёлка. Теперь это не наряд танцовщицы, а жалкие лохмотья.

Моё тело всё ещё горит от его прикосновений. Сердце слишком громко стучит.

Тяжёлый, тёмно-синий шёлк халата ещё хранит тепло его тела и его запах. Я могла бы завернуться в него дважды. Но выбор у меня не велик.

Я надеваю его. Ткань окутывает меня, словно кокон. Я туго затягиваю пояс, пытаюсь придать себе хоть немного собранности. Рукава пришлось подвернуть несколько раз, чтобы они не волочились по полу. Я тону в нём, но впервые за этот безумный вечер чувствую себя... Защищённой.

Выхожу из-за ширмы. Теперь я снова похожа на себя — на воина, а не на соблазнительницу из борделя.

Сажусь на пол у окна, подальше от чана и от кровати, и смотрю в темноту, надеясь, что он не заговорит.

Я наблюдаю за ним краем глаза, сидя на полу у окна. Слышен лишь тихий плеск воды в чане и его, как мне кажется, слишком редкое дыхание. Проходит достаточно времени. Слишком много времени.

— Ли Цзиньюань? — я окликаю его, но он молчит. Его голова безвольно откинута на край чана, глаза закрыты.

Тревога, острая и ледяная, пронзает меня насквозь. Я

вскакиваю на ноги, забыв о халате, что волочитя за мной по полу.

Подхожу ближе. Пар уже почти рассеялся, и в тусклом свете лампы его лицо кажется неестественно бледным, почти восковым. Вода в чане неподвижна.

— Принц? — мой голос срывается на шепот.

Пытаюсь его растормошить, осторожно касаясь его здорового плеча. Моя рука дрожит.

— Очнись же...

Он не реагирует. Я трясущ его чуть сильнее, уже не заботясь о ране.

— Ли Цзинъюань!

Паника захлестывает меня горячей волной. Я испугалась... Я по-настоящему испугалась. Испугалась, что он умрет. Здесь. Сейчас. Рядом со мной. Что я останусь одна, с его телом на руках...

— Нет... Нет-нет-нет... — шепчу я, и мои пальцы впиваются в его кожу в отчаянной попытке вернуть его к жизни.

И в этот момент он издает тихий, хриплый стон. Его веки дрожат и медленно поднимаются. Он смотрит на меня расфокусированным взглядом, но я вижу в нем искру сознания.

А затем... На его бледных, бескровных губах появляется кривая, слабая улыбка.

— Ты... Так мило... Паникуешь, — его голос — едва слышный шелест.

Я отшатываюсь, словно меня ударили. Гнев вспыхивает во

мне ярче страха.

— Ты... Ты притворялся?! — я бью его ладонью по здоровому плечу, уже не сдерживаясь. — Я думала, ты умираешь! Я чуть с ума не сошла!

Он тихо смеется, но смех тут же переходит в кашель.

— Теперь я знаю, что ты бы не вынесла, если бы я умер, — он смотрит на меня с издевательским любопытством, от которого мне хочется его придушить. — Много бы слез ты пролила?

— Я бы сбросила твоё тело в канал, чтобы не воняло! — огрызаюсь я, но облегчение такое сильное, что ноги становятся ватными.

Он снова улыбается, на этот раз мягче.

— Я так и... Подумал. Помоги мне... Выбраться. Эта вода... Стала холодной.

Помогаю ему подняться из чана. Он дрожит — то ли от холода, то ли от потери крови. Я заворачиваю его в большое льняное полотенце, и мы медленно добираемся до кровати. Он падает на простыни, словно марионетка, у которой обреза́ли нити.

Я беру чистую ткань, смачиваю её в остатках воды с ароматом османтуса и осторожно промываю рану на его бедре. Он шипит от боли, но не издаёт ни звука.

— Ты был прав, — начинаю я, не поднимая глаз от своей работы. — Я пошла туда не просто так. Я поняла, что за мной следят. А потом... Пыталась выследить их сама. Я хо-

тела узнать... Почему меня хотят убить...

Мои пальцы, всё ещё немного дрожащие от пережитого страха и гнева, методично работают. Я зачерпываю пальцами целебную мазь из небольшой фарфоровой баночки, найденной в его сумке. Бальзам прохладный, с терпким ароматом трав, и я аккуратно, стараясь не причинять лишней боли, наношу его на воспалённые края раны. Мои движения плавные и уверенные, как у лекаря Хуа.

— Но я не ожидала встретить тебя, — шепчу я в тишину, не поднимая глаз. Слова срываются с губ сами собой, как сорвавшийся с ветки лист. — Я не хотела лгать тебе... Я просто... Просто... Боялась.

Заканчиваю перевязку, плотно фиксируя чистые бинты на его бедре. Работа завершена. Я оттираю руки о край его же халата, который всё ещё на мне, и только тогда поднимаю на него взгляд.

Он смотрит на меня из-под полуопущенных век. В его взгляде больше нет ни насмешки, ни холода. Только усталость и что-то ещё... Что-то похожее на бездонную, тёмную тоску.

— Ты рисковала жизнью, — тихо говорит он. Его голос звучит хрипло, но в нём слышится не упрёк, а глухое, затаённое восхищение. — Ты могла бы рассказать мне... О своих подозрениях. Разве я так страшен?

Я горько усмехаюсь, глядя ему прямо в глаза.

— Ты тоже можешь меня убить, — отвечаю я так же ти-

хо. — Или бросить в темницу по одному лишь подозрению. Возможно ты мог бы предать меня пыткам, что намного хуже смерти... Я не могу никому доверять. Особенно тебе.

В комнате висит тишина, нарушаемая лишь его прерывистым дыханием и далёким, едва слышным плеском волн о сваи моста.

Он долго молчит, глядя на меня. А затем его рука медленно поднимается. Его пальцы осторожно касаются моей щеки. Это прикосновение легче падающего пёрышка.

— Мне... Ты можешь доверять, — его голос срывается на шёпот, и в нём звучит клятва. — Обещаю... Я никогда не причиню тебе вреда, если ты не предашь меня...

В его словах нет ни королевского величия, ни приказа. Стена льда, которую он воздвиг между нами, дала трещину. И сквозь эту трещину пробивается робкий луч света.

Глава 12

«Опадание лепестков — не просто дело рук ветра; пыльное цветение — не просто требование сезона. Это обещание, данное в прошлой жизни; встреча, предначертанная в этой».

Принц уснул. Его дыхание, поначалу прерывистое, выровнялось, став глубоким и ровным. В комнате повисла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием фитиля в лампе, да далёким, глухим плеском волн о сваи моста. А мне всё ещё не шёл сон.

Да и кровать в покоях была лишь одна. Огромная, под балдахином, она казалась сейчас полем былой битвы, на котором остался лишь один выживший. Я не могла лечь рядом.

Я сажусь в глубокое кресло у окна, поджав под себя ноги, и наливаю в чашу вина. Тёмно-рубиновая жидкость колыхается, отражая тусклый свет. Делаю глоток, но не чувствую вкуса. Горечь моих мыслей сильнее.

Из головы всё ещё не выходит поцелуй принца. Он горел на моих губах, словно клеймо. Что, если он использует меня? Если эта страсть — лишь ещё одно оружие в его арсенале? Способ привязать к себе, сделать послушной пешкой в его великой игре? Он — мастер интриг, я для него... Кто я для него?

Но моё сердце так беспощадно трепещет... Оно бьётся пойманной птицей при одном воспоминании о его прикосновениях. Оно предаёт меня, заглушая голос разума.

Могу ли я ему верить?

Смотрю на его неподвижную фигуру на кровати. Во сне его лицо разгладилось, утратив привычную жёсткость и холодность. Он выглядит таким... Уязвимым. Юным. Просто мужчиной, измученным болью и усталостью.

Смотрю на звёзды за окном. Они также безмолвны, как и ответы на мои вопросы. Я запуталась в паутине из шёлка и стали, и единственный, кто может меня из неё освободить, — это тот же, кто меня в неё поймал.

Отпиваю ещё вина и плотнее заворачиваюсь в его халат, вдыхая знакомый запах сандала. Сегодня я буду спать в кресле. И пусть сон принесёт мне ответы, которые ускользают от меня наяву.

А затем... Я бегу. Кажется все вокруг слишком настоящим... Но глубоко в душе понимаю - это не так!

Босые ноги не чувствуют ни острых камней, ни ледяного прикосновения. Я знаю только одно, что должна бежать. Это не выбор, это инстинкт, древний, как сама жизнь. Если сейчас остановлюсь, я умру. И знаю это так же точно, как биеение собственного сердца.

Но от кого? Кому я перешла дорогу?

Вокруг меня — ночной лес, густой и чёрный, как тушь. Ветви деревьев, словно когти, цепляются за мой плащ, пы-

таясь удержать, но я рвусь вперёд, не разбирая дороги.

Прикладываю руку к ребрам, и пальцы скользят по чему-то горячему и вязкому. Я опускаю взгляд. Вся ладонь окровавлена. Алая жидкость, чёрная в темноте, сочится сквозь пальцы. Боль приходит с опозданием, тупая, ноющая, разрывающая внутренности.

Кто это был? Почему?

Вопросы вспыхивают в сознании и тут же гаснут, смётённые волной паники. В памяти, лишь размытый силуэт и блеск стали в лунном свете.

Мне кричат сзади, совсем близко. Голоса грубые, полные хищной радости погони. Они не должны меня поймать. Ни за что.

Я отталкиваюсь от земли и взлетаю на поваленное дерево, используя его как трамплин. Моё тело действует само, вспоминая движения, которым меня учила... Кто это был? Я не могу вспомнить...

Перебираю лица в памяти, но их нет. Только тени. Только силуэты, которые тают, как утренний туман, стоит мне обернуться.

Хватаюсь за ветку старой сосны и, сделав кувырок в воздухе, приземляюсь на крышу какой-то пагоды.

Ветер свистит в ушах. Я бегу по коньку крыши, и черепица осыпается под ногами, падая вниз с глухим стуком. Но рана жжёт огнём, и с каждым шагом силы покидают меня.

Оглядываюсь. Преследователи уже на крыше. Их мно-

го. Их клинки обнажены, и лезвия ловят отблески далёких звёзд.

Я бросаюсь к краю крыши. Передо мной — пропасть, а за ней — лишь чернота.

Закрываю глаза и отталкиваюсь от края, летя в пустоту. Только так я могу выжить...

А затем, просыпаюсь.

В кресле. В тёмной комнате. В тишине.

Сердце колотится о рёбра, готовое проломить грудную клетку. Рука невольно ложится на бок, туда, где была рана.

Пальцы чистые. Но липкий, холодный пот покрывает всё тело.

Это был не просто сон. Это было моим воспоминанием...

Скоро рассвет... Небо за окном из чёрного бархата медленно сереет, и первые, ещё робкие лучи солнца окрашивают горизонт в нежные персиковые тона. Ночь, полная тайн и страхов, отступает, но не забирает с собой мои мысли.

Я думаю о том, что же произошло в прошлом. О том, что скрывается за пеленой забвения. Солдаты Да Чэнь хотят моей смерти... Я должна быть первой. Я должна вспомнить всё раньше, чем они найдут меня снова. Должна понять, почему я представляю для них такую угрозу.

Мой взгляд падает на постель принца. Он спит, укрытый до подбородка. Его лицо во сне утратило привычную суровость и непроницаемость. Он выглядит спокойным, почти умиротворённым. В нём нет ни капли той ледяной жестоко-

сти, что я видела вчера.

Подхожу ближе. Мои шаги беззвучны. Я останавливаюсь у изголовья и долго смотрю на него. На его длинные, тёмные ресницы, бросающие тень на скулы, на упрямую линию подбородка, на едва заметный шрам у виска.

Протягиваю руку и осторожно, словно боясь спугнуть сон, касаюсь его лица. Кожа под моими пальцами тёплая и гладкая. Я веду кончиками пальцев по его лбу, убирая прилипшую прядь волос.

Затем моя рука опускается ниже. Я нахожу точку на его шее, где под кожей бьётся жизнь. Касаюсь его пульса. Сначала он кажется мне слабым, нитевидным, но я не убираю руку. Я держу её на его запястье, сосредоточенно вслушиваясь в ритм.

Ритм ровны... Уверенный, мощный бой здорового сердца.

Состояние лучше. Ему больше ничего не угрожает.

Я отнимаю руку и чувствую странное облегчение. Он мой враг и мой спаситель одновременно, но в этот миг не могу отрицать очевидного: я рада, что он будет жить.

Думаю, я отплатила за свое спасение убийством генерала армии государства Да Чэнь. Больше я ничего не должна... Пора избавиться от чувства бесконечной благодарности!

Принц обхватывает моё запястье неожиданно, с силой сжатой стальной пружины. Я не успеваю отдёргнуть руку, не успеваю даже вздохнуть. В одно мгновение мир переворачи-

вается. Он дёргает меня на себя, и я, потеряв равновесие, падаю. Мягкая перина кровати принимает меня в свои объятия, и прежде чем успеваю опомниться, он уже нависает над мной.

Его горячее тело прижимает меня к простыням. Я оказываюсь в ловушке, пойманная его руками, словно птица в силках. Его лицо так близко, что я вижу, как в глубине его зрачков пляшут отблески рассвета, пробивающегося сквозь окно. Он вовсе не выглядит сонным. Он был... Начеку.

— Какого демона ты делаешь? — выкрикиваю я, пытаюсь скрыть за яростью внезапное смущение и трепет. Мои руки упираются ему в грудь, но это всё равно что пытаться сдвинуть гору.

Он смотрит на меня долгим, пронзительным взглядом. Уголок его губ медленно, очень медленно изгибается в улыбке. Это улыбка хищника, который забавляется со своей добычей.

— Мне нравится, когда ты обращаешься ко мне неформально, — его голос звучит низко, бархатно и опасно. Он пропитан хрипотцой сна и ещё чем-то, от чего у меня по спине бегут мурашки. — В такие моменты ты кажешься... Настоящей.

Его ладонь, всё ещё сжимающая моё запястье, медленно скользит выше, к локтю, оставляя на коже огненный след.

— Но при других... — его взгляд становится острым, как лезвие меча, — ...при других обращайся ко мне официально,

моя дорогая.

Он наклоняется ещё ниже. Его дыхание касается моих губ.

Поцелуй кажется долгим и нежным, словно падение лепестка сакуры в безветренный день. Он не похож на тот, яростный, отчаянный поцелуй, в облаке пара. Теперь, он, как медленный яд, сладкая отравка, что растекается по венам, заставляя забыть, кто мы и почему мы враги. Я не знаю, как и когда его закончить. Мир сузился до ощущения его губ, до тепла его ладони на моей щеке. Но прежде чем успеваю об этом подумать, прежде чем успеваю найти в себе силы оттолкнуть его, Ли Цзиньюань отпускает меня первым.

Это происходит мучительно медленно. Его тёплая ладонь, лежавшая на моей щеке, словно не желая расставаться с теплом кожи, медленно соскальзывает вниз, касаясь шеи, ключицы, и лишь затем безвольно падает на простыню. Он разрывает поцелуй, отстраняясь на дюйм, но его взгляд всё ещё прикован к моим губам.

— Тебе нравятся мои объятия, Мо Цинчжао... — его голос звучит низко, в нём слышится самодовольная усмешка и нотки удовлетворения. — Теперь я в этом убедился.

Я лежу, пригвождённая к месту его весом и собственным смятением. Слова застревают в горле. Я открываю рот, чтобы возразить, чтобы выплеснуть на него всю свою ярость за эту дерзость, за эту уверенность.

— Ты... — выдыхаю я, но мой голос срывается на едва

слышимый шёпот.

Это был первый раз за долгое время, когда я ощутила чрезмерный, всепоглощающий стыд. За то, что он оказался прав... За то, что моё тело предало меня так легко...

Я не знаю, как реагировать на происходящее. Мой разум кричит о том, что он играет со мной, как кот с мышью. Но сердце... Сердце бьётся в груди пойманной птицей, и его стук заглушает все доводы рассудка.

Он видит это смятение в моих глазах. Его усмешка становится мягче, почти нежной.

— Ты похожа на испуганного оленёнка, попавшего в луч охотничьего фонаря, — шепчет он, и его пальцы легко, почти невесомо, убирают с моего лица прядь волос. — Не бойся. Я не собираюсь тебя есть... По крайней мере, не сейчас.

Он перекачивается на бок, освобождая меня из плена своего тела, но его рука по-хозяйски ложится на мою талию, притягивая меня ближе.

— Нам обоим нужно набраться сил. Сегодняшний день будет... Интересным.

Лежу неподвижно, чувствуя его тепло. Я должна вырваться. Должна встать и уйти. Но не могу... Или не хочу? Я окончательно запуталась...

И впервые за последнее время позволяю себе не бороться. Я просто закрываю глаза, оставаясь лежать в его объятиях, чувствуя себя в большей опасности, чем когда-либо.

Никто из нас не говорит. Мы просто молчим, и эта тишина

не кажется неловкой. Она плотная, осязаемая, наполненная эхом недавнего поцелуя и теплом наших тел, всё ещё сплетённых воедино. Я даже не знаю, сколько прошло времени. Быть может, целая вечность, а может, лишь один удар сердца.

Принц первым нарушает покой. Он медленно, словно нехотя, отстраняется и бросает взгляд на окно. Рассвет уже давно миновал, и теперь комнату заливают ровный свет утреннего солнца. Лучи золотят его обнажённые плечи и играют в спутанных волосах.

Ли Цзиньюань садится на край кровати, и от его движения матрас слегка прогибается. Затем, не оборачиваясь, он протягивает мне руку. Его ладонь раскрыта, на ней видны линии судьбы, которые мне так хочется прочитать.

— Нам пора, красавица, — его голос звучит низко, в нём нет привычной холодности, только бархатная усталость.

Смотрю на его руку, затем на него.

— Уже уходим? — удивляюсь я, и в моём голосе проскальзывает нотка разочарования.

Он усмехается, и эта усмешка касается только уголков его губ, но не глаз. Он всё понимает.

— Всё ещё не хочешь выбираться из моих объятий? — в его тоне звучит лёгкая, дразнящая насмешка.

Я вспыхиваю и, быстро встав, отхожу на шаг, скрещивая руки на груди. Халат, слишком большой для меня, спадает с одного плеча.

— Идем, — отвечаю я резко, пытаюсь скрыть смущение за

маской равнодушия. — Чем раньше мы вернёмся в особняк губернатора, тем лучше.

Принц больше не улыбается. Его взгляд становится острым и сосредоточенным. Он кивает и поднимается одним плавным движением.

— Игра началась, и мы не можем позволить себе опоздать к первому ходу.

— Но перед этим, — его голос звучит низко и бархатно, а в глазах пляшут озорные искорки, — нам нужно поесть.

Он, не спрашивая разрешения, подхватывает меня за талию, легко, словно я ничего не вешу. Я издаю возмущённый писк и упираюсь ладонями ему в грудь, пытаюсь отстраниться. Но его хватка лишь крепнет, а на губах играет самодовольная улыбка.

— Отпусти меня! — шиплю я, чувствуя, как горят щёки.

— И не подумаю, — шепчет он мне на ухо, и от его дыхания по спине бегут мурашки. — Ты ведь не хочешь, чтобы все в этом павильоне решили, что я не способен, как следует ублажить свою даму? Это нанесёт непоправимый урон моей репутации.

Я фыркаю. Он наконец, выпускает меня из своих объятий. Я стою напротив небольшого бронзового зеркала, висящего на стене.

— Приведи себя в порядок. Ты должна выглядеть достойно моего... Общества.

Бросаю на него гневный взгляд через отражение в зеркале.

Он лишь насмешливо приподнимает бровь. Вздохнув, беру с туалетного столика деревянный гребень. Мои волосы, как воронье гнездо после всех наших... Приключений.

Пытаюсь привести себя в порядок. Причесываю волосы, но мои пальцы дрожат от его близости. Он стоит так близко, что я чувствую жар его тела. Его дыхание касается моего виска. Он просто наблюдает, и этот взгляд ощущается почти физически.

— Ты мешаешь, — ворчу я, в очередной раз дёрнув спутанную прядь.

— Я просто люблюсь видом, — его голос звучит с хрипотцой. — В этом халате ты выглядишь так, словно он сшит специально для тебя.

Я закатываю глаза и с силой провожу гребнем по волосам в последний раз.

— Доволен? Я готова.

Принц быстро оделся следом за мной и затем, мы спускаемся вниз. В общем зале уже кипит жизнь: слуги разносят завтрак постояльцам, пахнет свежей выпечкой и жареным мясом. Принц ведёт меня к лучшему столику у окна с видом на мост. Его осанка идеальна, движения полны ленивой грации хищника. Никто бы не догадался, что прошлой ночью он был на пороге смерти.

Он галантно отодвигает для меня стул.

— Благодарю, — сухо говорю я, садясь.

Он опускается напротив и щёлкает пальцами, подзывая

слугу.

— Его Высочество Ли Цзинъюань! — объявляет хозяин, склоняясь в глубоком поклоне. — Прошу простить меня... Я вчера был неучтив... Я не узнал вас из-за своей невнимательности.

Принц даже не смотрит на него.

— Принеси нам жареного молочного поросёнка, тушёные трепанги в имбирном соусе, пельмени с креветками и суп из акульих плавников. И... «Серебряные иглы с белым ворсом». Самый лучший чайник.

Хозяин кланяется и исчезает.

Я удивлённо смотрю на принца.

— А ты... Любишь поесть.

— Голодный воин — мёртвый воин, — он пожимает плечами и наливает мне чай в изящную фарфоровую чашку. Чай прозрачный, с золотистым отливом. Аромат — тонкий, цветочный. — К тому же, тебе тоже нужны силы. У нас впереди долгий день.

Я делаю глоток. Чай божественен. У его высочества отличный вкус.

— И что же мы будем делать?

Он ставит свою чашку и смотрит на меня очень серьёзно.

— Ты сама все увидишь, когда мы вернемся в поместье. А пока... — он берёт с блюда пельмень и протягивает мне на кончике палочек, — ...наслаждайся завтраком. И моим обществом.

Я смотрю то на пельмень, то на него. В его глазах снова пляшут смешинки.

— Ты ведь не отравлен? — с подозрением спрашиваю я.

— Только для тебя, — шепчет он так тихо, чтобы слышала только я.

Я невольно улыбаюсь и беру пельмень губами с его палочек. Сочный, пряный кус взрывается во рту. Возможно, этот день будет не таким уж и плохим.

После того, как мы поели, мы отправляемся в торговый квартал, что раскинулся у подножия Восточного моста. Принц ведёт меня не в шумные ряды с дешёвым шёлком, а к изящному трёхъярусному павильону, вывеска которого выполнена из резного сандала и инкрустирована перламутром. Название, выведенное золотой каллиграфией, гласит: «Павильон Тысячи Осенних Листьев».

— Нам с тобой нужно привести себя в порядок, — говорит принц, его голос звучит низко и властно, когда он склоняется к моему уху, — и вернуться к нашему обычному образу.

Принц открывает передо мной резную дверь из красного дерева, пропуская меня вперёд.

Мы заходим внутрь, и я на мгновение замираю, поражённая. Это не просто лавка. Это роскошный бутик для избранных. Воздух здесь густой и сладкий, пахнет дорогими благовониями, жасмином и свежесрезанными цветами. Слуги в безупречных синих халатах скользят между витринами бес-

шумно, как тени.

Вдоль стен тянутся стеллажи из красного дерева, на которых разложены рулоны тончайшего шёлка всех цветов радуги. С потолка свисают гирлянды из жемчуга и нефритовых бусин, которые тихо позвякивают от сквозняка. В центре зала на возвышении стоят манекены в роскошных нарядах для знати.

К нам тут же подплывает слуга — худой мужчина с лицом, похожим на высушенную сливу, но с глазами, острыми, как иглы. Он кланяется так низко, что его лоб почти касается пола.

— Ваше Высочество! Какая честь! Чем скромный Лу Юань может услужить вам?

— Нам нужно два комплекта одежды, — бросает принц, окидывая зал властным взглядом. — Один мужской, дорожный. И один... Женский. Лучший.

Хозяин хлопает в ладоши, и тут же появляются две швеи с ворохом тканей.

— Позвольте предложить вам это, госпожа, — одна из них разворачивает передо мной отрез шёлка цвета «крыло зимородка». Ткань переливается на свету всеми оттенками синего и зелёного. — А для прогулок по саду — это «дымчатая парча», лёгкая, как облако.

Принц наблюдает за этим с лёгкой усмешкой.

— Не торопись. Выбери то, что придётся по душе.

Я касаюсь ткани кончиками пальцев. Она прохладная и

гладкая.

— А ты? — я бросаю на него лукавый взгляд. — Тебе не нужна помощь в выборе? Или ты предпочитаешь, чтобы тебя одевали слуги?

Его усмешка становится шире.

— Я справлюсь сам. Но... — он делает шаг ко мне, и хозяин бутика тут же деликатно отступает в тень. Принц понижает голос до шёпота. — Я бы хотел увидеть тебя в том синем платье. Оно подходит к твоим глазам.

Я чувствую, как щёки заливают румянец.

— Ты слишком много себе позволяешь.

— Разве? — он приподнимает бровь. — Я лишь сделал тебе комплимент. Или ты предпочитаешь, чтобы я молчал?

Я не успеваю ответить. К нам подходит вторая швея с подносом, на котором лежат гребни из слоновой кости и нефрита.

— Госпожа желает освежить волосы? У нас есть ароматические масла с ароматом лотоса и османтуса.

Принц отходит к мужскому отделу, но я чувствую его взгляд на себе всё время, пока меня ведут в отдельную комнату за шёлковой ширмой.

Внутри уже готова медная ванна с дымящейся водой. Слуги добавляют в неё лепестки роз и масла. Я погружаюсь в воду, и напряжение последних дней медленно отпускает меня.

Когда выхожу, меня ждёт не платье, а строгий мужской наряд: тёмно-синие штаны, простая хлопковая рубаша и тём-

ный дорожный халат из плотной ткани. Швеи помогают мне одеться, перетягивают грудь и помогают спрятать волосы под простую чёрную шапочку.

Я смотрю на своё отражение в большом бронзовом зеркале. На меня смотрит сдержанный, собранный юноша, готовый к дороге. Мой образ снова завершён. Но сказать по правде, я почувствовала облегчение. Я привыкла одеваться как мужчина, а не как женщина.

Я выхожу из-за ширмы. Принц уже ждёт меня. Он сменил свой окровавленный халат на тёмно-серый дорожный костюм из плотной ткани и чёрный плащ. Теперь он выглядит как благородный странник или телохранитель высокого ранга. Но даже строгий наряд не может скрыть его хищной грации.

Он поворачивается на звук моих шагов. Его взгляд скользит по мне — от кончиков сапог до макушки. На мгновение в его глазах мелькает что-то похожее на восхищение... Которое тут же сменяется привычной маской холодной надменности.

— Вот так гораздо лучше, — произносит он официальным тоном. — Теперь мы можем вернуться к делам.

Он протягивает мне руку.

— Идём.

Мы возвращаемся в поместье губернатора в напряжённом молчании. Принц, теперь облачённый в строгий дорожный костюм, выглядит так, словно и не было ночного нападения,

ванны с благовониями и нашего странного, хрупкого перемирия. Он снова, как ледяная статуя.

И первым делом, едва мы переступаем порог, принц уединяется с командующим Вэй Фэном. Я вижу, как они обмениваются короткими, рублеными фразами в нише у лестницы. Вэй Фэн слушает, кивает, его лицо становится ещё более каменным, чем обычно. Он бросает на меня короткий, оценивающий взгляд.

Затем Ли Цзинъюань, не сказав мне ни слова, шагает в кабинет губернатора. Тяжёлая дверь закрывается за его спиной, отсекая меня от тепла и света коридора. Почти сразу же слуга вызывает туда лекаря Хуа.

Я остаюсь стоять в коридоре, в ожидании. Меня даже не пригласили. Я фыркаю, скрещивая руки на груди.

— Чего я там не видела? — бормочу я себе под нос, приклоняясь к холодной стене. — Я с ним ночь просидела. Промывала его раны.

Дверь кабинета приоткрывается, и оттуда выходит слуга с подносом, на котором дымятся чашки с чаем. Он бросает на меня любопытный взгляд, но тут же опускает глаза и спешит прочь. Я остаюсь одна в полумраке коридора.

Время тянется мучительно медленно. Я слышу приглушённые голоса из-за двери, но не могу разобрать ни слова. О чём они говорят? О нападении? Или... О чём-то, что касается моей персоны?

Сжимаю кулаки. И снова чувствую себя пешкой. Времен-

ной фигурой в его большой игре. Он использует меня, когда ему нужно, а когда дело доходит до настоящих решений — задвигает в сторону.

Дверь кабинета снова открывается. На этот раз выходит лекарь Хуа. Он выглядит уставшим, но его походка уверенна. Он замечает меня и слабо улыбается.

— Ты здесь? Не стой на сквозняке.

Я отталкиваюсь от стены.

— Как принц?

Лекарь бросает взгляд на закрытую дверь.

— Жить будет. Рана чистая, но он потерял много сил. Сейчас ему нужен покой. Но разве он станет меня слушать?

Старик собирается уйти, но я останавливаю его.

— Хуа-ши... — я понижаю голос до шёпота. — Что они обсуждают? Почему меня не позвали?

Хуа вздыхает и качает головой.

— Ты — часть этой истории, Мо Цинчжао. Но не ты её пишешь. Пока что. Наберись терпения.

Он уходит, оставляя меня одну в гулкой тишине коридора. Я смотрю на закрытую дверь кабинета. Терпение никогда не было моей сильной стороной. И чем дольше я стою здесь, как провинившийся слуга, тем сильнее во мне закипает гнев.

Меня так никто и не пригласил. Обида, горячая и горькая, подкатывает к горлу. Я, словно тень, которую можно позвать, когда нужна помощь, и забыть, когда дело сделано. Что ж, если не нужна на военном совете, я найду себе занятие по-

лучше.

Направляюсь на кухню, в самое сердце дома, где всегда тепло и пахнет едой. Это единственное место, где можно почувствовать себя живой, а не марионеткой в руках сильных мира сего.

Когда вхожу внутрь, меня окутывает облако ароматов: пряный запах жареного имбиря, сладковатый пар от варёного риса и густой, мясной дух от тушащегося в огромном котле рагу. Кухня — это царство организованного хаоса.

Несколько слуг заняты делом. У очага, где гудит пламя, молодой парень с лоснящимся от пота лицом крутит вертел с целой уткой. Кожица птицы уже покрылась идеальной золотистой корочкой и шкворчит, роняя в огонь капли жира. Рядом, склонившись над разделочной доской, пожилая женщина с быстрыми, как у фокусника, руками нарезает тончайшей соломкой овощи. В углу у печи другая служанка лепит маньтоу — пышные белые булочки на пару, выкладывая их на деревянные решётки.

Они замечают меня.

— О! Молодой господин! — восклицает женщина с ножом, и её морщинистое лицо расплывается в улыбке. — Заходи, заходи! Ты, наверное, голодный? Там наверху все господа решают судьбы мира, а про еду забывают.

Меня усаживают за большой деревянный стол, отполированный локтями сотен поколений слуг. Мне тут же ставят перед носом пиалу с горячим, крепким пуэром, который бод-

рит лучше любого вина.

— Вот, возьми, — служанка, что лепила булочки, пододвигает ко мне плетёную корзинку, накрытую чистым полотенцем. Она снимает его, и по кухне разносится упоительный запах дрожжевого теста. — Свежие маньтоу, только из пароварки.

Беру одну булочку. Она ещё горячая, пышная и упругая. Я отламываю кусочек.

— С мёдом? — спрашивает парень у вертела, уже протягивая мне пиалу.

Макаю булочку в густой, золотистый мёд. Сладость смешивается с нейтральным вкусом теста — это вкус детства, которого я не помню, но который кажется таким родным.

— Спасибо, — я говорю искренне, испытывая счастье и удовлетворение.

Сажусь к ним за стол, чувствуя себя в своей тарелке. Здесь нет интриг, есть только простые заботы.

— А что там наверху? — спрашивает парень с вертелом, вытирая руки о фартук. — Говорят, на принца напали?

— Тише ты! — шикает на него пожилая кухарка. — Думаешь, у стен нет ушей?

Но я киваю.

— Было дело. Но всё обошлось.

Они смотрят на меня с уважением и любопытством.

— А ты... Ты ведь из его личной охраны? Слышал я кое-что... — парень понижает голос до заговорщического шёпо-

та. — Говорят в городе...

Он оглядывается по сторонам и придвигается ближе.

— Губернатор-то наш... Тан Бо... Не просто так на этом месте оказался. Говорят, он в столице крупно провинился. Взял деньги из казны на строительство канала, а канал так и не построили! Деньги-то он вернул, когда прижали, но император его в ссылку отправил. Сюда! А теперь он тут... Тоже делишки всякие проворачивает. Вот тебе и новый губернатор!

Все ахают.

— А ещё говорят... — кухарка заговорщически подмигивает мне, — что у него в покоях живёт какая-то южанка. Красавица, каких свет не видывал! Волосы как снег, а глаза как лёд. И он от неё совсем голову потерял! Говорят, она ведьма! Приворожила его!

Я слушаю их сплетни вполуха, доедая булочку и запивая её чаем. В этих простых слухах больше правды о жизни этого дома, чем во всех докладах командующего Вэй Фэна. Здесь бьётся пульс настоящей жизни.

И пока я здесь ем маньтоу с мёдом и слушаю сказки о ведьмах-южанках, принц решает судьбу империи. Но почему-то именно здесь, мне больше всего по-нраву.

Сладкая нега от чая и тёплых маньтоу спадает с меня в один миг. Дверь кухни с грохотом распаивается, и внутрь влетает один из солдат. Я даже имени его не помню... Молодой, с вечно взъерошенными волосами. Он тяжело дышит,

словно бежал всю дорогу.

— Ты здесь? — его взгляд мечется по кухне, пока не находит меня. — Тебя принц ищет! Повсюду! Велел найти немедленно!

В кухне мгновенно воцаряется тишина. Стук ножей смолкает. Даже пар над котлами, кажется, застывает в воздухе. Все взгляды устремлены на меня. Сплетни о губернаторе и ведьме забыты.

Я киваю, вытираю губы тыльной стороной ладони и, не говоря ни слова, вскакиваю из-за стола. Бросаю последний благодарный взгляд на кухарку, которая смотрит на меня с материнской тревогой.

— Спасибо за угощение, — шепчу я ей одними губами и, не дожидаясь ответа, выбегаю вслед за солдатом.

Мы бежим по коридорам поместья. Мои лёгкие сапоги ступают почти бесшумно, а вот солдат топчет, как раненый медведь.

— Что случилось? — спрашиваю я на бегу, но он лишь мотает головой.

— Не знаю! Принц, кажется не в настроении! Велел привести тебя!

Мы останавливаемся у дверей кабинета губернатора. Солдат кланяется двери и тут же испаряется, словно его и не было.

Я вхожу без стука. Принц стоит у окна, сцепив руки за спиной. Его поза выражает ледяное спокойствие, но я вижу,

как напряжены его плечи. В кабинете, помимо него и лекаря Хуа, находится командующий.

Принц оборачивается на звук моих шагов.

— Идем со мной, — говорит он, и это не просьба. Его голос звенит от скрытого напряжения. — Я хочу, чтобы ты кое с кем встретилась.

Мы выходим в коридор. Нас сопровождают несколько солдат. Но один из них...

Моё сердце пропускает удар.

Передо мной стоит юноша. Высокий, стройный, с надменным изгибом губ и глазами цвета грозового неба.

Он — один из них.. Убийца из моего сна. Тот, кто гнался за мной в лесу.

Я застываю на месте. Рука сама собой тянется к поясу, где должен быть кинжал, но пальцы хватают лишь пустоту.

Принц замечает моё движение и едва заметно качает головой.

— В чем дело, Мо Цинчжао?

Глава 13

«О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.